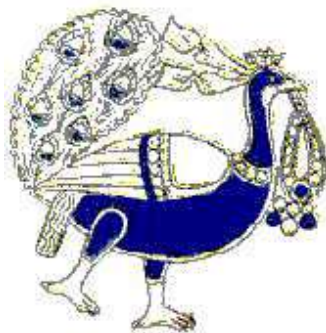

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ
ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
САМАРҚАНД БЎЛИМИ

АКАДЕМИК Я.ҒУЛОМОВ НОМЛИ
АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

ЎЗБЕКИСТОНДА
АРХЕОЛОГИК ТАДҚИҚОТЛАР
2004-2005 йиллар
5 - сони

«ФАН» нашриёти
Тошкент - 2006

“Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар” тўпламининг 5-сонида Ўзбекистон Республикаси ва қўшни давлатлар ҳудудларида олиб борилган археологик тадқиқотларнинг қисқача натижалари жамланган. Тўплам археолог олимлар, тарихчилар, олий ўқув юртлири, коллежлар, лицейлар ва мактаблар ўқитувчилари ва мамлакатимизнинг узоқ ўтмиши билан қизиқувчи барча кишилар учун мўлжалланган.

ISBN 5-648-03441-5

Тўплам Ўзбек-Италия ва
Ўзбек-Француз (CNRS) қўшма экспедицияларининг
ёрдамида нашр этилди

Тахрир хайъати:

Масъул муҳаррир:
т.ф.н. **Ш.Р. Пидаев**

Нашрни тайёрлаганлар:
т.ф.н. **Б.Х. Матбобоев**
т.ф.н. **А.А. Грицина**
т.ф.н. **Ж.К. Мирзаахмедов**
Е.И. Баданова

Тақризчилар:
т.ф.н. Л.С. Баратова
т.ф.н. У.В. Рахманов

**АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
САМАРКАНДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА Я. ГУЛЯМОВА**

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В УЗБЕКИСТАНЕ
- 2004-2005 годы
Выпуск 5**

**ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES
IN UZBEKISTAN
season 2004-2005
Volume - 5**

Издательство «ФАН»
Ташкент - 2006

В пятом выпуске «Археологических открытий в Узбекистане» содержатся краткие результаты археологических изысканий и открытий на территории Республики Узбекистан и сопредельных стран. Сборник рассчитан на специалистов-археологов, историков, преподавателей ВУЗов, колледже, лицеев и школ, а также, для всех, кто интересуется далеким прошлым нашей страны.

ISBN 5-648-03441-5

Издание осуществлено при поддержке Узбекско-Итальянской и Узбекско-Французской (CNRS) археологических экспедиций

The 5th volume of “Archaeological Research” includes the brief results of archaeological works and discoveries in the territory of the Republic of Uzbekistan and neighboring countries. The book is intended for the archaeologists, historians, teachers of the Universities, students of the colleges, schools and every-body who is interested of the history of culture of Central Asia.

ISBN 5-648-03441-5

Edition was supported by Uzbek-Italian and Uzbek-French (CNRS) Archaeological Missions.

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор:
к.и.н. Ш.Р. Пидиев

Выпуск подготовили:
к.и.н. Б.Х. Матбабаев
к.и.н. А.А. Грицина
к.и.н. Д.К. Мирзаахмедов
Е.И. Баданова

Рецензенты:
к.и.н. Л.С. Баратова
к.и.н. У.В. Рахманов

Editorial board:

Editor –in-chief
Sh.R. Pidaev

The Volume was prepared:
B.H. Matbabaev
A.A. Gritsina
Dj.K. Mirzaakhmedov
E.I. Badanova

Reviewers:
L.S. Baratova
U.V. Rakhmanov

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной пятый выпуск «Археологических исследований в Узбекистане» посвящен освещению полевых работ на территории нашей Республики и сопредельных с ней регионов в 2004-2005 гг.

Сборник объединяет первые результаты полевых исследований более тридцати отрядов и экспедиций, работающих практически во всех историко-культурных областях Узбекистана, хронологически охватывая период от эпохи каменного века и до позднего средневековья.

В их число входят и совместные экспедиции с участием зарубежных специалистов ряда государств, вносящих значительный вклад в изучение нашего края, популяризацию его истории, характеризуя и определяя ее место и роль в мировой культуре.

На территории Самаркандской области это Узбекско-Французская и Узбекско-Итальянская экспедиции. Первая занимается изучением истоков городской цивилизации Центрального Согда на примере известных урбанизированных центров как Афрасиаб (Мараканда) и Коктепа. Так были получены материалы, позволившие говорить о 2750-летнем возрасте города Самарканд. Вторая проводит широкие археологические исследования на территории всей области, начиная от памятников неолита и бронзы до городских центров раннего средневековья. При этом решается широкий круг проблем от появления первых ирригационных систем, заселения региона племенами эпохи бронзы и раннего железа, а также исследования поселений и некрополей кочевого и оседло-земледельческого населения оазиса.

Следующим значимым регионом совместных работ является Сурхандарьинская область. Здесь в 2005 г. продолжались археологические изыскания Узбекистано-Японской экспедиции на буддийском культовом центре Каратепа в Старом Термезе, где были выявлены новые материалы по его архитектурно-планировочной структуре, остатки скульптур буддийского пантеона эпохи кушан.

В Шерабадском районе на городище Джандавлаттепа проводились совместные работы Узбекско-Чешской экспедиции. Работы велись на цитадели и территории собственно городища, позволившие выявить ворота и предвратные сооружения эпохи античности, жилые и производственные помещения, а также предварительно дати-

ровать его ранние слои серединой первого тыс. до н.э.

На кушанской крепости Кампыртепа продолжались исследования совместной Тохаристанской экспедиции НИИ искусствознания Академии Художеств Узбекистана, Среднеазиатской экспедиции Государственного музея Востока и Института археологии РАН. Работами вскрыто несколько кварталов городища, дающих представление не только о системе планировки жилой архитектуры, но и расположение уличной сети, переулков, выходов из города к пристани и т.д.

Кроме того, на территории республики работал еще ряд совместных экспедиций и отрядов. В Бухарском оазисе на городище Пайкент – Узбекско-Российская, в Кызылкумах, на памятниках каменного века – Узбекско-Французская, на памятниках Бандыхана в Сурхандарьинской области – Узбекско-Германская, в Кашкадарьинской области на поселении Сангиртепа – Узбекско-Американская. В Республике Каракалпакстан работы продолжила на храмовом объекте Казакли-Яткан Каракалпакско-Австралийская экспедиция.

И это лишь часть той огромной работы, проводившейся нашими коллегами и на других археологических объектах: в Ташкентской области, Ферганской долине, Хорезмском оазисе, Джизакской и Сырдарьинской областях.

Данный сборник посвящен 90-летию со дня рождения Веры Андреевны Булатовой. Археологи Узбекистана поздравляют ее со знаменательной датой и желают ей здоровья...

Редакция «Археологических исследований в Узбекистане» желает археологам Узбекистана и коллегам из других стран новых замечательных открытий в наступившем полевом сезоне 2006 года.

ВЕРА АНДРЕЕВНА БУЛАТОВА

В 2005 году исполнилось 90 лет Вере Андреевне Булатовой - старейшему исследователю истории материальной культуры Средней Азии.

Она принадлежит к поколению археологов 40-50 годов, эпохи, когда закладывались методологические основы науки, активно шел процесс накопления вещественного материала в ходе разведок и раскопочных работ в разных регионах Узбекистана.

Путь В.А. Булатовой в большую науку был не прост. Но проявившийся еще в молодости интерес к наследию древних среднеазиатских цивилизаций породил стремление участвовать в их изучении, привел ее в археологию, которая стала ее профессией на всю жизнь.

Вера Андреевна родилась в семье служащего 30 сентября 1915 года в Москве. После окончания средней школы и планировочно-геодезического техникума она начала трудовую деятельность в Архитектурных мастерских отдела планировки Моссовета.

В 1937 году Вера Андреевна вместе с мужем Митхатом Сагадатовичем Булатовым переехала в Ташкент, поступила в Среднеазиатский государственный университет (САГУ) с тем, чтобы на историческом факультете получить специальность археолога Средней Азии. Выбор был удачным и определил ее творческую судьбу на всю жизнь. Она стала студенткой кафедры археологии, руководимой профессором М.Е. Массоном, который создал свою научно-методическую школу в археологии; многие десятки специалистов – выпускников кафедры, работающих в разных республиках бывшего Союза, гордятся принадлежностью к этой школе. Вера Андреевна была в числе первых ее учеников. Научно-методические принципы школы прививались студентам не только в аудиториях университета, но также и в поле, на раскопках, где они проходили практику в составе Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции (ЮТАКЭ) под руководством М.Е. Массона.

Руководителем ее дипломной работы, а затем кандидатской диссер-

тации стала Г.А. Пугаченкова, в то время начинавшая свою научно-преподавательскую деятельность и карьеру ученого, которая возвела ее затем на Олимп современной науки как археолога и историка архитектуры.

Диссертация В.А. Булатовой была посвящена изучению поселений XIX –XX вв. в Южном Туркменистане. Работая над ней, Вера Андреевна, наряду с методами археологического исследования, оценила значение этнографических источников в комплексном подходе к объектам изучения. Она проводила раскопки поселений и обследование позднего городища Анау XIX в., а также усадеб (хаули), жилых домов и башен-дингов туркменских племен Мукры, Эрсали, Чакыр, Бадам. Проводя архитектурные обмеры этих сооружений, она собирала также этнографические данные о племенном составе, хозяйстве, фольклоре туркмен.

Свою работу в археологии она продолжила в качестве сотрудника Специальных научно-реставрационных производственных мастерских при Управлении по делам архитектуры, изучая историю сложения средневековых памятников архитектуры Хивы, Бухары, Самарканда, Шахрисабза, Термеза, Ташкента. Ею проведены первые археологические раскопки средневекового арка Ичан-Калы, мавзолеев Алаутдина-бобо, Уч-авлия, обследование памятников в Хорезмской области. Результаты этих работ отражены в небольшой книге «Архитектурные памятники Хивы» (Ташкент, 1965, в соавторстве с И.И. Ноткиным) и, особенно, в широко известной монографии «Памятники зодчества Хорезма» (Ташкент, 1978, в соавторстве с Л.Ю. Маньковской). Первыми сведениями об истории возведения медресе Улугбека, Кукельдаш, Мири-Араб, торгового купола Тильпак Фарушон, мечети Зайнутдина в Бухаре реставраторы обязаны В.А. Булатовой, также как и раскопочными данными комплекса мавзолеев Шахи-Зинды, ансамбля Гур-Эмир, площади Регистан с ее тремя медресе в Самарканде. Ею собраны научные сведения археологического порядка о мавзолеех Шахрисабза, Термеза, а также проведены исследования в зоне благоустройства территории вокруг мавзолея Ходжа Ахмада Яссави в Туркестане. Памятники средневекового зодчества Ташкента также вошли в поле деятельности исследователя В.А. Булатовой. Шурфы и небольшие раскопки у мавзолеев Зайнабдина-бобо (Арифон), Мухаммада Каффаль Шаши, Юнус-хана, шейха Хавенди Тахура, медресе Барак-хан, Кукельдаш – лишь часть результатов ее работы в Ташкенте. Попутно с выяснением истории сложения этих памятников, собирались сведения по исторической топографии Ташкента, впоследст-

вии использованные В. Булатовой, когда ей вплотную довелось заняться историей столицы Узбекистана. Некоторые из результатов этих исследований ею опубликованы, в частности, путеводитель по медресе Тилля-Кари и др., сведения о раскопках южной городской стены городища Афрасиаб, медресе и мавзолеев Ташкента и Хорезмской области, но большая часть, отраженная в отчетах, стала базой для реставрационных работ на памятниках архитектуры.

Посвятить себя полностью археологическому исследованию городищ В.А. Булатова смогла, начав работать с 1957 года старшим научным сотрудником Института истории и археологии Академии наук. Она участвовала в раскопках поселения Кызылкыр в составе экспедиции, руководимой Я.Г. Гулямовым. Затем активно включилась в разработку темы по истории средневековых городов Узбекистана. Это было время, когда усилиями археологов Института начали накапливаться сведения о крупных древних городах в различных регионах республики. С небольшим отрядом сотрудников, приступила к исследованиям раннесредневекового городища Кува и ее округа в Ферганской долине. Работы, организованные на всей территории городища – в шахристане, цитадели, рабаде дали важные сведения об одном из интереснейших городов Ферганской долины, его топографии, культуре и ремесле его жителей в эпоху, предшествующую арабскому завоеванию Средней Азии и в первые века ислама. Открытие на этом городище буддийского храма VII-VIII вв. н.э., его скрупулезное изучение, организация сохранения и консервации культовых скульптур храма поистине являются ее звездным часом. Результаты этой работы отражены в ее монографии «Древняя Кува», вышедшей в Ташкенте в 1972 году. В этой книге содержится всеобъемлющий анализ комплекса храма VII-VIII вв. н.э., находок и, особенно, богатой коллекции глиняной скульптуры. Статуи Будды, бодхисатв, других персонажей буддийского пантеона проанализированы, доказательно и убедительно интерпретированы. Автору удалось показать не только принадлежность храма буддизму, но и огромное влияние буддизма на пантеон и иконографию местных культов и мифологии. В этом отношении Вера Андреевна стоит в числе первых исследователей, показавших синкретический характер верований народов Средней Азии до прихода ислама, что затем многократно доказали последующие исследования в этом регионе.

Следующий значительный этап деятельности В.А. Булатовой связан с археологическими наблюдениями и раскопками в Ташкенте, приоб-

ретшими широкий размах в связи со строительными работами в городе по ликвидации последствий землетрясения 1966 года. Руководство специально созданным в 1967 году Ташкентским отрядом было поручено ей Я.Г. Гулямовым. Лучшей кандидатуры нельзя было и предложить: знание истории сложения памятников средневековой архитектуры города, опыт археологических раскопок в условиях тесно застроенных кварталов, как и умение видеть в невообразимо перемешанных напластованиях разных эпох, оставшихся от жизнедеятельности сменявших друг друга поколений, крупницы истории города того или иного периода пригодились Вере Андреевне в полной мере. Отныне отряду предстояло работать в условиях «кипящей строительной площадки», в которую превратился Ташкент. Повсюду работала техника, сносились постройки, закладывались котлованы новых зданий, траншеи коллекторов пересекли Старый город, то есть Ташкент в границах XIX века. Привычная методика раскопок в таких условиях не работала. Зачастую действия сотрудников отряда походили больше на «скорую помощь» гибнувшим в этом размахе земляных работ археологическим памятникам. Рождалась новая методика «городской археологии», где зачистки стенок котлованов и траншей сочетались с извлечением из ковшей экскаваторов археологического материала или выборкой его из вывезенного в другое место грунта. Территория Старого города была разбита на сектора, соответствующие делению Ташкента XIX века на даха. Предстояло заложить сеть шурфов в каждом секторе, что оказалось трудновыполнимо технически, ввиду тесноты старгородской застройки.

Вера Андреевна проявила себя в этой почти фронтовой обстановке не только как стратег, но и как умелый организатор, продумывавший тактику операций. Но именно в этих условиях сказались ее качества ученого, организатора и человека. Она сумела сплотить вокруг себя сотрудников отряда, кстати, состоявшего только из женщин, привлечь научное и общественное внимание к ситуации, в которой решалась судьба одного из крупнейших древних городов Мавераннахра – Ташкента. Вопрос стоял именно так: будут ли спасены для истории следы его жизни в древности и средневековье или они будут уничтожены ножами бульдозеров и погребены под современной застройкой. Неравное соревнование мощной строительной техники и усилий археологов отряда чаще всего выигрывали исследователи, работавшие в поле круглый год.

Уже первые годы работ принесли ощутимые результаты: наметились границы городища Бинката, скрытого под старгородской застройкой,

добытый в изобилии археологический материал с его территории подтверждал сведения письменных источников IX-X вв. о мощном экономическом потенциале средневекового Ташкента. В полной мере стало возможным оценить восклицание ал-Макдиси, географа X века, о том, что «керамическая посуда Шаша не имеет себе равных».

Работы отряда затронули всю территорию реконструкции города, так называемый «большой Ташкент». В.А. Булатова поставила задачу широкого изучения археологических памятников в этом ареале для разрешения историко-культурной проблемы территориального развития города, установления места и хронологии зарождения его ядра и перемещения городского центра с течением времени. Эта большая и многогранная задача решалась во все последующие годы работ отряда. Вера Андреевна, уйдя на пенсию в 1975 году, отошла от руководства отрядом. Это, однако, не означало, что она отстранилась от большой науки. Наоборот, с этого момента начинается новый, может быть, даже еще более насыщенный период ее творческой деятельности.

Она активно продолжает работать над темой «Ташкент в прошлом, настоящем и будущем» в соавторстве с архитекторами. Является одним из авторов нескольких коллективных монографий и научных сборников по истории и археологии Ташкента. В монографии «Памятники зодчества Ташкента. XIV-XIX вв.» (Ташкент, 1983, в соавторстве с Л.Ю. Маньковской) освещает историю Ташкента, широко используя и обобщая материалы, полученные в ходе многолетних исследований города.

Вера Андреевна ведет активную популяризацию науки, пишет десятки рецензий на диссертации и сборники, опубликованные статьи и книги, участвует в научных конференциях. Кроме ее опубликованных работ и рецензий существует обширный перечень отзывов, очерков, статей по поводу юбилеев видных ученых, популярных работ, оставшихся в рукописном виде.

Вера Андреевна Булатова – человек большой воли, самодисциплины, бескомпромиссной требовательности к себе, беспредельной собранности и трудоспособности. Эти качества позволяют ей, подчас преодолевая физические недуги, сохранять активность и плодотворно трудиться.

Коллеги и друзья В.А. Булатовой, молодое поколение археологов, студенты, для которых она служит примером, все знающие ее от души желают Vere Андреевне крепкого здоровья и бодрости духа.

М.И. Филанович

К. Абдуллаев, Л. Станчо
(Самарканд, Прага)

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА
ДЖАНДАВЛЯТТЕПА В 2004-2005 гг.**
(Шерабадский район, Сурхандарьинской области)

Археологические работы совместной Узбекско-чешской экспедиции были сосредоточены на городище Джандавляттепа как стационарном объекте, небольшие по объему раскопки проводились также в округе памятника¹.

В 2004 году на раскопе 2 а (стратиграфический шурф) были продолжены работы по изучению культурных слоев древнего города. Как уже отмечалось в предыдущих отчетах и публикациях, верхние слои Джандавляттепа датируются археологическим комплексом кушано-сасанидского времени.

В сезоне 2003 года раскопки завершились на глубине 9 м от дневной поверхности. Материал самых нижних слоев представлял собой комплекс керамики характерный для греко-бактрийского периода и аналогичный комплексам ряда памятников как левобережной Бактрии - Ай-Ханум, Жигатепе, так и правобережной - Старый Термез, Хаитабад, а также керамике Афрасиаба II. Керамике нижнего слоя можно дать следующую краткую характеристику. Для столовой посуды, представленной мисками, чашами, цилиндроконическими бокалами, фиалами и т.д., характерны пастельно кремовые тона. Как правило, тесто тонкой отмучки с ровным обжигом. Цилиндроконические бокалы на переходе от конуса на цилиндр имеют подчеркнутый выступ – прием, осуществленный на гончарном круге. Небольшого размера фиалы не имеют выраженного поддона – дно их плоское. Посуда в подавляющем большинстве изготовлена на гончарном круге.

Предварительная датировка этого комплекса укладывается в период от второй половины IV в. до н.э. до III в. до н.э. Следует еще раз оговориться, что это предварительные данные.

В течение короткого отрезка времени следующего сезона (2004 г.) шурф был углублен примерно на один метр. Выбор грунта, как и в предыдущие сезоны, производился микрослоями в 10-15 см. Керамика и другие находки фиксировались соответственно по слоям. В

процессе раскопок этого года был собран довольно выразительный керамический материал, который характерен для ахеменидского периода. Основным признаком этого комплекса является наличие посуды с вертикальным венчиком, для крупных тарных емкостей венчик оформляется также в виде вертикального манжетовидного выступа. Другим характерным признаком этого комплекса является форма посуды в ее придонной части. Нижняя часть керамических сосудов имеет характерный подкос с изгибом вовнутрь от цилиндрической части к донцу. Керамика вышеописанного типа характерна для комплексов конца V в. – первой половины IV в. до н.э. Аналогичные формы встречаются на ряде памятников Северной Бактрии, в частности, Кобадияне, Кызылтапа, Балдайтипа, Талашкане, которые датируются ахеменидским временем, т.е. VI-IV вв. до н.э.²

Сезон 2005 года внес ряд изменений в планировку стратиграфического шурфа, а именно, западный склон оврага также был разрезан и выбран слоями по 15-20 см и доведен до одного уровня с основной площадкой шурфа. Это позволило, с одной стороны, соблюсти технику безопасности, с другой стороны, увеличить полезную площадь раскопа (углубляя шурф и оставляя в ней ступени, мы значительно сузили его размеры в нижней части).

В результате планомерного выбора культурных напластований по горизонтали шурф был углублен еще на 4,5 м от прошлогоднего уровня. В процессе раскопок был собран значительный археологический материал, включающий комплекс керамики, наконечники стрел, орудия производства из кости и металла, украшения в виде бусин и т.д. Материал находится в стадии камеральной обработки. Однако и сейчас можно сделать некоторые предварительные замечания. Как было отмечено выше, прошлогодний уровень шурфа заканчивался первой половиной IV в. до н.э. Вся вскрытая толща культурных напластований, таким образом, относится к промежутку времени, начиная от самого нижнего слоя (сл. №53) до IV в. до н.э. Материал нижнего слоя, представленный в основном керамикой, относится к периоду Кучук III. Керамика данного комплекса изготовлена в подавляющем большинстве на гончарном круге и отличается высоким качеством. Для этой керамики характерна тонкая отмучка, качественный обжиг. Формы столовой посуды полусферических очертаний с тонкими стенками, встречаются большие чаши с закругленной донной частью и венчиком, загнутым вовнутрь ре-

зервуара. Все еще продолжают встречаться сосуды с характерным переходом (подкосом) в придонной части от цилиндра к конусу с прогибом профиля вовнутрь. Венчики небольших по размеру сосудов с «подкосом» имеют тонкую вертикальную профилировку. Вертикальный (манжетовидный) венчик характерен как для крупных баночных форм, так и для больших емкостей типа хумов. Кухонная керамика, представленная в основном котлами, имеет характерный состав глины с примесью речного песка, дресвы и шамота. Наряду с вертикальными стенками с рельефно выступающими горизонтальными ушками, встречаются котлы с округлым туловом и довольно крупным носиком в верхней части.

Параллельно раскопкам шурфа шла зачистка оврага вдоль обоих склонов по направлению север-юг. В результате зачистки открылась мощная стена, возведенная из сырцовых кирпичей квадратного формата (31-32x31-32x13-14 см), судя по собранному здесь материалу относящаяся к кушанскому времени. Сохранившаяся высота этой стены: 190 см, вытянута она вдоль оврага (юг-север с небольшим отклонением на восток) на протяжении 19,5 м. Не вызывает сомнения то, что это остатки какого-то монументального сооружения; остатки здания отмечаются и на восточном склоне оврага. Создается впечатление, что дождевые воды, сливающиеся со всей площади городища, мощным потоком смывали слои вдоль внутреннего пространства здания. Здание лежит на мощном серовато-зеленого цвета слое мощностью 40-45 см. Слой этот дал керамический материал сако-юэчжийского времени с монетой - подражанием тетрадрахам Гелиокла. На этом же уровне была расчищена еще одна стена, относящаяся к более раннему времени.

Принципиально важным моментом в изучении топографии городища являются раскопки ворот (**раскоп № 4**), особенно, если учесть тот факт, что такая возможность в античной археологии Средней Азии представляется довольно редко. Ворота в рельефе городища прослеживаются в юго-восточной части и ориентированы на юг-восток в сторону современной магистральной дороги Шерабад-Термез. В город въезжали, по всей видимости, по пандусу, который хорошо виден в рельефе памятника. В результате раскопок удалось вскрыть привратные сооружения, которые располагались вдоль крепостной стены и были выложены из сырцового кирпича квадратного формата (32x32x10-12). В расчищенных внутрискладных коридо-

рах было обнаружено множество скоплений булыжников, вероятно, служивших осажденным метательными орудиями.

В процессе раскопок центрального и наиболее выдающегося по своей высоте холма (**шахристан**) удалось вскрыть остатки монументального сооружения. Стены возведены из сырцового кирпича квадратного формата на искусственной платформе – стилобате. Подобные сооружения, как правило, носят культовый характер, однако на данный момент еще нет достаточных оснований для интерпретации данного здания.

В сезоне 2004 года были начаты раскопки на новом объекте, а именно, цитадели (**раскоп № 20**) городища. Цитадель представляет собой отдельно стоящий холм, выделяющийся своей высотой и монументальностью. Учитывая значение выбора места раскопок и результаты наших предшественников³, были заложены параллельно три раскопа на восточном крае цитадели.

Верхний дерновый слой в западной части квадрата 20R показал, что на этом наиболее возвышенном месте холма проводились сельскохозяйственные работы. Здесь была найдена шелуха от зерен – площадь, по всей видимости, в недавнем прошлом использовалась как ток (хирман) – место для молотбы злаков.⁴

Археологические раскопки на цитадели в сезоне 2004 года склоняли нас предполагать вероятное существование на месте цитадели монументального здания дворцового характера. По внешнему облику сооружение действительно напоминало, скорее всего, парадное здание и не имело признаков оборонного значения.⁵ Однако, как показали раскопки последующего сезона (2005 г.), последняя фаза жизнедеятельности цитадели связана вовсе не с «дворцом», а с обычными жилищами, в которых обитатели занимались кустарным ремеслом. Архитектурные остатки цитадели по своей сохранности и масштабности далеки от дворцовых построек, а размеры их соответствуют помещениям жилого типа. В одном из помещений западной части цитадели было обнаружено множество ямок диаметром от 7-8 см до 15 см глубиной 10-15 см. Предположительно здесь могли находиться ткацкие станки, деревянные ножки которых закапывались в пол для прочности. Если добавить и тот факт, что в помещениях было обнаружено множество пряслиц, то вероятность того, что жители занимались ткачеством, увеличивается. Комплекс находок, включая и монеты, относится к позднекушанскому периоду и пе-

риоду кидаритов. Такая особенность цитаделей Северной Бактрии, когда на последнем этапе функционирования они превращаются в обычное жилище, как бы продолжая жизнь угасающего собственно города, прослеживается на памятниках позднеантичного и ранне-средневекового периода довольно заметно⁶.

Несмотря на относительную малочисленность археологических находок, исключая керамику, отдельные находки представляют особый интерес. Одним из таких предметов является антропоморфный сосуд. Он изготовлен в комбинированной технике. Тулово сделано на гончарном круге, детали долеплены вручную. Сосуд небольших размеров, диаметр в наиболее широкой сохранившейся части 9 см. Изготовлен из теста мелкой отмучки с примесью гипса. Внешняя поверхность розовато-кремового оттенка. Судя по сохранившейся части, сосуд имел грушевидное тулово, плавно переходящее на горловину. У основания горлышка сохранился скол от ручки.

Тулово оформлено в виде бородатой головы. Судя по форме и качеству керамики, изделие можно отнести ко второй половине IV в. н.э. или к концу IV - самому началу V в. н.э. Образ, запечатленный на сосуде, возможно, передает этнический тип, близкий по времени к кидаритам (?).

Одной из многочисленных категорий находок во время работ на раскопе 20, как и на других объектах Джандавляттепа были пряслица. Предметы эти свидетельствуют о производстве шерсти и других тканей, о развитии прядения и ткачества. По материалу изготовления их можно разделить на каменные и керамические. Каменные пряслица изготовлены из мягкой породы желтовато-белого цвета, структура слоистая, возможно, разновидность известняка или доломита. Пряслица различных размеров от 3 см до 4 см в диаметре со сквозным отверстием по центру и концентрическими кругами по тулову в один, два или три ряда, образующих валики в виде уступов. Диаметр отверстия 5-6 мм, высота пряслиц 1,5-2 см.

Глиняные пряслица меньших размеров, но они не уступают каменным пряслицам по весу. Они более толстые и различаются по форме: эллипсоидные, биконические, цилиндрические. На некоторых пряслицах имеются украшения в виде округлых вдавлений поллой трубочкой – кружочки располагаются вокруг отверстия. Одно из пряслиц окрашено в темно-серый, переходящий в черный цвет (возможно, результат прокаливания во время пожара), форма этого

пряслица близка к глиняным, однако оно твердое по своей структуре и имеет два концентрических круга в нижней части.

Особую категорию составляют керамические кружки. Некоторые из них имеют сквозные отверстия по центру, другие—сплошные без отверстия. Следует отметить одну важную деталь, а именно, большинство из них выточено из фрагментов керамических сосудов, чаще из ножек керамических рюмок. Наиболее крупные пряслица имеют диаметр 5,5 см, наименьшие 2,3 см. Если в отношении керамических кружков со сквозными отверстиями можно предположить, что они относятся к разряду пряслиц (с оговоркой), то сплошные кружки могли представлять разновидность пуговиц.

К предметам, связанным с ткачеством, можно отнести и грузила. На раскопе 20 были обнаружены два грузила; одно из необожженной глины, довольно массивное и тяжелое. Грузило имеет трехгранную пирамидальную форму (в сечении треугольник неправильной формы). В верхней части имеется сквозное отверстие диаметром 0,5 см. Высота самого грузила 8,5 см. Одна из граней грузила имеет не ровную, а чуть закругленную поверхность. Второе грузило - керамическое, четырехгранное со сквозным отверстием в верхней части - диаметр отверстия 0,3 см. Грузило сохранилось не полностью, нижняя часть его оббита, сохранившаяся высота 7 см.

Металлические изделия

Из находок этой категории на раскопе 20 можно выделить лишь те, которые дают какую-либо информацию о форме и назначении предмета. В процессе раскопок *in situ* были обнаружены несколько крупных фрагментов железного меча. О том, что это меч, говорит форма сечения - большая толщина в середине и более тонкая к внешним краям. Не вызывает сомнения, что это обоюдоострый меч. Ширина его на сохранившихся фрагментах 3,5-4 см; ближе к острию 3 см; толщина в середине сечения 8-9 мм. Другой интересной находкой является фрагмент железного ножа. Нож с заостренным концом, однолезвийный. Длина клинка 8,8 см, ширина у основания 2,2 см; ближе к острию 1 см; толщина 0,8 см.

Бронзовый наконечник, округлый в сечении, с черешком и утолщением в верхней части. Длина всего наконечника 7 см, диаметр в средней части 0,8 см, диаметр у основания черешка 0,5 см.

Из металлической посуды представляет интерес фрагмент верхней части бронзовой чаши. Фрагмент в верхней части (венчика)

имеет утолщение. Диаметр по внешнему краю венчика 12 см.

Из предметов украшений особый интерес вызывает медный перстень с вставкой из граната. По краю оправы перстень украшен зернью. Оправа, как и сам камень, округлой формы, диаметр 1 см. Камень красновато-фиолетового оттенка с выпуклой гладкой внешней поверхностью и плоской нижней гранью. По бокам перстня имеются шипы округлой формы. Другая разновидность украшения – серьга - представлена медной подвеской в виде стержня, от которого отходит несомкнутое кольцо с утончением на концах. Другой фрагмент кольцевидной серьги из проволоки круглого сечения. Возможно, к украшениям можно отнести и фрагмент медной полоски, скрученной с одного конца, ширина этой полоски 0,4 см. Не исключено, что к косметическим предметам относится фрагмент предмета с ромбовидным навершием из металла светло-серого цвета, возможно, это свинец. Максимальная сохранившаяся длина 18 мм.

К украшениям относятся бусины из стеклянной пасты сплюснутой или округлой формы в виде горошины со сквозным отверстием. Другая разновидность бусины имеет цилиндрическую форму с отверстием. Диаметр бусины 7 мм, диаметр отверстия 3 мм, материал, из которого сделана бусина, не поддается определению. Среди украшений имеется довольно популярная в кушанский период ракушка каури – она средних размеров.

Особый интерес среди находок вызывают фрагменты стеклянных изделий, преимущественно посуды. Примечательным является тот факт, что фрагменты стеклянной посуды встречаются в позднекушанских слоях. Стенки устьев чаш с загнутым краем, имитирующим венчик глиняных сосудов, донце рюмки с дисковидным основанием и подчеркнутым ободком свидетельствуют о том, что это парадная посуда. Фрагменты стеклянных изделий позднекушанского времени редко, но встречались на памятниках Северной Бактрии, однако они были маловыразительны, а чаще это были флаконы или бусины. Находки стеклянных изделий на Джандавляттепа значительно удревняют археологически зафиксированное стекло Средней Азии.

Из предметов туалета можно отметить фрагмент костяной заколки, она круглая в сечении с заостренным концом, цвет темно-желтый, возможно, слоновая кость (?).

В процессе раскопок объекта 20 нумизматические находки были

довольно редкими. Были найдены 4 монеты, относящиеся к слою ранней фазы квадрата 20С. Они были найдены в кладке между сырцовыми кирпичами. Представляет интерес один из медных монетных кружков. Сохранность монеты плохая. Однако частично хорошо сохранился верхний слой. Он имеет более темную серовато-черную окраску. Не исключено, что это субазратная монета, но до химического анализа говорить об этом затруднительно. Монета сохранилась не полностью – скол на одной стороне по гурту. Диаметр монеты 15 мм, толщина 3 мм. Возможно, она относится к предкушанскому чекану (сакский период ?).

Судя по полученному керамическому комплексу, финальный период обживания цитадели можно предварительно датировать концом IV и началом V в. н.э. Особенно примечательны и показательны в этом отношении лампы, найденные на полу. Такой тип ламп довольно широко известен в археологических комплексах позднекушанского времени по всей Бактрии. Обычно они связываются с кушано-сасанидскими слоями (Чоплидепе, Хатабкала – Туркменистан, Джигатепе – Афганистан, Дальверзинтепа – Сурхандарья.⁷

Раскопки на шахристане (раскоп № 7) были осложнены несколькими погребениями и просто ямами, которые прорезали толщи культурных напластований и архитектурные сооружения. Погребения эти были аналогичны могилам предыдущих сезонов и относились к позднесредневековому периоду.

На глубине 60 см от дневной поверхности залегал слой мощностью 15-20 см, представляющий собой скопление золы и обугленных кусочков (дерево?) без каких-либо следов сооружения из сырцовых кирпичей. В этом же слое была найдена каменная зернотерка. Если в этом месте и есть какие-либо разрушения строительных конструкций, то фрагменты их имеют совершенно иной облик, чем монументальная архитектура в других частях городища. Эта особенность выражена, в первую очередь, отсутствием сырцовых кирпичей. Во всяком случае, слой, зафиксированный здесь, не имеет какого-либо прямого отношения к сырцовому сооружению, потому что два других слоя (7E024, 7E028) лежат между ними. Как упоминалось выше, одной из задач было проследить остатки архитектурных сооружений, следующих от раскопа 7А. Были обнаружены два сооружения из сырцовых кирпичей. Представляется целесообразным начать описание с наиболее позднего из них.

К сожалению, сооружение из сырцового кирпича 7E035C, которое обозначено как Стена 1 в раскопе 7А, дошло в плохой сохранности. Стена следует по направлению СВ-ЮЗ в западной части раскопа. Кирпичи в большинстве своем фрагментированы, но некоторые из них с различными форматами имели размеры: 36x24 см, 32x24 см, 32x20 см. Фрагменты двух видов штукатурки были расчищены в северной части сооружения (тонкий слой штукатурки из ганча, который был затерт поверх более толстой грубой саманной промазки).

Другое сооружение из сырцовых кирпичей (7E029C) располагалось в северо-восточном углу раскопа. Сооружение представляет собой три ряда кирпичей из сырца размерами 32x32 см⁸ (большие части этой платформы были найдены в квадратах 9А и 9Е). Она была потревожена не менее трех раз. Частично она была разрушена в ее западной части, вероятнее всего из-за стены 7E035C, должно быть ранее. Очевидно, она следовала в южном направлении, но в этой части она подверглась также разрушению огромной ямой (шириной не менее 4 м), назначение которой остается неясным. Во всяком случае, она прорезала платформу в юго-восточной части раскопа, (восточный конец ямы был расчищен в юго-западной части раскопа 9Е). В заполнении этой ямы был найден фрагмент биконического сосуда, который относится к ахеменидскому времени. Вероятнее всего, фрагмент попал в заполнение случайно и не относится к археологическому комплексу ямы. Окончательно конструкция была разрушена могилой 7E008F, о которой упоминалось выше.

Что касается датировок, то слой 7E023 датируется красноангобирванной посудой. Более точную датировку можно будет установить после анализа всего керамического комплекса. До сих пор остается не совсем ясным облик монументальной архитектуры в этой части памятника – ее значение и смысл. Можно надеяться, что следующий сезон может прояснить картину.

Помимо археологических работ на самом Джандавляттепа, небольшие раскопки велись и в округе памятника. Была осуществлена, в частности, зачистка небольшого холмика, расположенного в 200 м к северо-западу от Джандавляттепа на территории хлопкового поля. Зачистка дала очень ограниченный материал в виде нескольких фрагментов керамики позднеантичного времени.

Другим объектом раскопок явился двор вновь отстроенного до-

ма, расположенного в западной оконечности кишлака Сеитабад. Поводом для закладки этого раскопа послужили несколько керамических сосудов, найденных местными жителями. Сосуды относились к бронзовому веку и были найдены в процессе выбора земли для формовки кирпичей. Расчистка стенок ямы и закладка шурфа не дали каких-либо признаков наличия культурных слоев на этом участке. Найденный в яме сосуд вытянутой формы небольших размеров, явно относящийся к ранее найденной группе, был зафиксирован в стерильной структуре песка и лесса. Впечатление было такое, что посуда эта попала сюда (в углубление) случайно. По сообщению местных жителей, в 60–е годы XX века здесь проводилась сплошная нивелировка территории. По всей вероятности, при разравнивании рельефа бульдозер зацепил погребение и заполнил землей из него углубление. Следует отметить, что многие холмы искусственного происхождения, бывшие когда-то усадьбами, крепостями, поселениями и т.д., к настоящему времени уже распаханы, о чем косвенно свидетельствуют «залысины» среди полей и насаждений.

Результаты раскопок сезона 2004–2005 годов помогут определить облик и структуру жилищ в части цитадели памятника. Более детальное изучение полученных артефактов позволит более точно выяснить некоторые стороны и аспекты материальной и духовной жизни населения в первые века 1-го тыс. н.э., историю финальной фазы его функционирования перед окончательным забросом города. Перспективным представляется продолжение стратиграфического шурфа для определения времени зарождения города и истории его культурного развития на протяжении длительного времени. Интересны зачистки и раскопки оврага, размытая часть городища открывает доступ непосредственно к слоям античного времени, не нарушая верхних, более поздних слоев.

Примечания

1. С узбекской стороны в работе принимали участие: К.Абдуллаев – начальник отряда, Ш. Шайдуллаев с.н.с. Института археологии, З. Шодиев – антрополог, аспирант Института археологии, А. Шайдуллаев – студент исторического факультета Термезского Университета, Р. Хамидов – шофер Института археологии. С чешской стороны: Л. Станчо – начальник отряда, Я. Халама, К.Урбанова, Л. Грмела, С. Рукл, Л. Шмахелова, П. Беланова, Я. Кисела – Пражский Университет Карла.
2. Беляева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с.35-51.

3. Здесь работала Узбекско-Германская экспедиция, раскоп, заложенный в юго-восточной части не был столь результативным, чтобы понять особенности планировки этой части памятника.
4. Аналогичную картину можно наблюдать и в наши дни на соседних тепа вокруг Шерабада.
5. См., например, план дворцового комплекса на Балалыктепа (Альбаум Л.И. Балалыктепе. Ташкент, 1960, рис. 43) или другие сходные здания, см.: Аннаев Т.Д. Раннесредневековые поселения северного Тохаристана. Ташкент, 1988, рис. 28; см. также усадьбу Чопантепа (часть городища Бабатепа (в 11 км от Шерабада на восток) – Немцева Н.Б. Раннесредневековая усадьба и замок у городища Бабатепа на юге Узбекистана // Античные и раннесредневековые древности южного Узбекистана. Ташкент, 1986, с. 132-151.
6. Абдуллаев К., Аннаев Т.Д. Раскопки на городище Зартепа в 1979-1981 гг. ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1990, стр. 12-25.
7. Пилипко В.Н. Поселения северо-западной Бактрии. Ашхабад, 1985, таб. XII, № 14, 20, 21; таб. XVIII, № 51; Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.). // Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-афганской археологической экспедиции. Москва, 1984, с. 112-114; Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзинтепа – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, с. 152-155, рис. 104, № 5.
8. Другой ряд из четырех кирпичей того же размера найден в южной части раскопа, однако не ясно, к какой конструкции эта кладка принадлежит.

Литература

1. Абдуллаев К., Аннаев Т.Д. Раскопки на городище Зартепа в 1979-1981 гг. // ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1990.
2. Альбаум Л.И. Балалыктепе. Ташкент, 1960.
3. Аннаев Т.Д. Раннесредневековые поселения северного Тохаристана. Ташкент, 1988.
4. Беляева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
5. Немцева Н.Б. Раннесредневековая усадьба и замок у городища Бабатепа на юге Узбекистана // Античные и раннесредневековые древности южного Узбекистана. Ташкент, 1986.
6. Пилипко В.Н. Поселения северо-западной Бактрии. Ашхабад, 1985.
7. Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.). // Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-афганской археологической экспедиции. Москва, 1984.
8. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзинтепа – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

**Н.А. Аванесова
(Самарканд)**

ДВЕНАДЦАТЫЙ ПОЛЕВОЙ СЕЗОН НА НЕКРОПОЛЕ БУСТОН VI

Шерабадский археологический отряд Самаркандского университета в 2005 г. продолжил исследования по изучению бустонского погребально-культурного комплекса. Работы отчетного года ставили цель завершения изучения некрополя и получения новых материалов для сравнительного анализа ритуальных действий, планиграфии захоронений и общей характеристики заключительного этапа Сапаллинской древнеземледельческой культуры эпохи бронзы¹. Одной из основных задач было и остается выявление и анализ церемониальных объектов для отправления культов и ритуальных представлений, которые располагались чаще всего на периферии могильника. В отчетном году были проведены работы по изучению древнего микрорельефа в связи с тем, что вне могил в ЮЗ части некрополя очень часто встречались целые сосуды, кости животных, кострища, которые, безусловно, являются остатками тризны или другого обряда. С этой целью вплотную к раскопу 2002 года был заложен участок площадью около 100 кв.м. Второй раскоп был сосредоточен в СЗ части памятника². Как и ранее, исследования производились методом сплошного вскрытия, что дает возможность фиксации всего цикла обрядовой практики.

На площади 436 кв.м изучено 37 археологических объектов разной степени сохранности: биритуальные (ингумация, кремация), символические (захоронение животных, скульптур и др.), фиктивные погребения, кенотафы, поминальники, остатки кострищ, зольников и грунтовые алтари. Уровень археологических исследований Бустон VI (далее БVI) позволяет отметить значительное многообразие обрядовой деятельности. Полученный новый материал увеличивает разнообразие артефактов и расширяет источниковедческую базу по изучению полиритуальной практики и бактрийского культурогенеза. Результаты планиграфических наблюдений этого года подтверждают наличие тенденции размещения захоронений с круговой планировкой, где количество погребений, входящих в кольцевую схему, достигает не более чем 14 могил.

Погребение совершалось в могильных ямах в основном подбойного устройства, но встречаются камеры катакомбного типа, а также овальной или округлой и прямоугольной формы с закругленными углами. В округлых ямах зафиксированы преимущественно поминальные приношения и захоронения младенцев, в том числе в хуме. Особенностью некоторых могил БVI является наличие наряду с неглубокими могилами (0,4-0,8 м) погребений, глубина которых превышает 2,05 м. На этом фоне выделяются крупные могильные ямы (2,2x1,8 м) и небольшие (1,2x0,8 м). В большинстве из них отмечены органические подстилки, подсыпка дна мелом, охрой или древесными углями с пеплом. Впервые зафиксирован изолирующий слой гравия на дне под скоплением костей, соответствующий предписаниям «Видевдвтв». К числу конструктивных особенностей могильных ям можно отнести ниши для сосуда, сделанные в стенке катакомбных погребальных камер; наличие уступа (иногда ступенчатое) в подбойной могиле вдоль входного проема для опоры перекрытия; наблюдается также, что длина входной ямы равна подбойной камере. Известен неординарный случай, когда вход в камеру был прикрыт сырцовой заглушкой или каменным закладом. В ряде могильных устройств отмечены усложненные элементы конструкций – наличие надмогильных сооружений в виде небольшой насыпи из материкового выкида ямы с включением известняковых камней. Стратиграфическое положение поминальных приношений, наличие каменной наброски, кострище над некоторыми могилами свидетельствуют о том, что они могли маркировать могилы. Иначе трудно объяснить тот факт, что, за редким исключением (11 случаев из 386), могила бустанского этапа не нарушила молалинские погребения. Думается, что эти погребения совершались в коротком хронологическом интервале, фиксируемом памятью современников. Результаты планиграфических и стратиграфических наблюдений подтверждают хронологический приоритет молалинских комплексов над бустанскими.

Абсолютное большинство вскрытых могил сезона 2005 г. относится к бустонскому этапу, все они индивидуальные. Преобладающей традицией погребений является захоронение покойного по ряду ингумации в скорченном правобочном (мужчины) и левобочном (женщины) положении. Несмотря на внешнее однообразие стереотипного положения останков, все они представляют собой раз-

ные (сильная и слабая скорченность; различные проекции положения рук, стопы, головы) пространственные решения ритуальной позы.

На БVI хоронили как мужчин, так и женщин и детей всех возрастов. Однако детей обычно хоронили на периферии, на специально отведенных участках. Обращает на себя внимание, что при видимом разнообразии ориентировок преобладают западная и юго-западная ориентировки усопших, могилы же вытянуты преимущественно с запада на восток. Вместе с тем на бустонском этапе учащаются случаи направления могил с севера на юг.

Свод источников, которым мы располагаем на данный момент, выглядит достаточно представительным для разработки типологии структуры погребального обряда БVI. Предварительная систематизация погребений позволила выделить несколько обрядовых групп и вариантов захоронений. **I. Ингумация** – скорченное положение на боку, на животе, на спине; в сидячем положении; вытянутое на спине; фракционное или расчлененное; вторичное перезахоронение; кефалотафное; вариантом ингумации является и человеческое жертвоприношение. **II. Группосожжение** с последующим захоронением остатков вскоре или сразу же после кремации – в грунтовых лунках; помещение в «куклу» или манекен умершего; сложены в кусок ткани («пакет»); в сосуде. **III. Символические могилы** – захоронения животных (баран, собака); антропоморфных и зооморфных фигурок; наконечников стрел и других votивных предметов.

Основу полиритуального могильника составляют I и III обрядовые группы. К числу общих черт погребальной практики относятся: 1) размещение регламентированных частей жертвенного мяса в разных плоскостях – в камере у ног и головы покойного; на уровне древней поверхности (у входа в камеру, за кладкой и до кладки) чаще в сосудах; за пределами могилы над насыпью; 2) следы огненных церемоний – остатки кострищ, зольников, очага - алтаря на древней поверхности, в насыпи, в пределах могильного поля и кратковременное возжигание огня на дне некоторых погребений, у входа, над могилой; 3) круговая планировка погребений; 4) использование камня – каменный заклад входного проема, скопление камней в насыпи, на перекрытии могильной ямы.

Судя по характеристике обрядовых групп, ритуальная практика бустонцев была достаточно разработанной, надо полагать, что вы-

полнение ритуала играло важную роль в укладе жизни данного сообщества. Культурной инновацией второй половины II тыс. до н.э. доисторической Бактрии является возведение специально подготовленных церемониальных площадок непогребального назначения, где совершались долговременные обряды, о содержании и смысле которых мы можем только догадываться по таким археологическим остаткам, как остатки от трех и более костров, грунтовые алтари, жертвенные кости животных и т.п. на древней поверхности, без видимой связи с каким-либо захоронением. Среди доминирующих признаков ритуальных действий бустонцев преобладают многократные поминальные обряды, связанные с принесением жертв и потреблением жертвенной пищи на специализированных участках. Эта ситуация была нами исследована весной 2005 г. в ЮЗ части пологого склона БVI. На площади более 40 кв.м вскрыто три компактных скопления сосудов с остатками тризны (м. 379-381)³, ориентированных по линии С-Ю. Здесь же отмечены остатки трех кострищ в небольших углублениях с вкраплением пережженных костей и разбитой посуды для возлияний. Концентрация последней наблюдается вокруг прокалов и отдельно стоящей кирпичной стелы (высотой 1,02 м) помина 379. Такая конструктивная деталь встречается впервые на БVI, поэтому рассмотрим его в структуре указанного объекта (рис. 1).

Нивелирование древней поверхности позволяет считать, что столбообразная кирпичная кладка (1,02x0,45) была возведена на склоне небольшого естественного возвышения. Прежде чем установить стелу, площадка под кладкой была выровнена, засыпана пепельно-зольным слоем и залита фиксирующей кирпичной массой (глина с добавлением золы с угольками), затем были уложены два горизонтальных ряда кирпичей на высоту 0,9 м. Последний венец кладки перекрывал угольно-пепельный слой. Культовый характер этого наземного сооружения усиливается набором сопутствующих свидетельств: следы огненного ритуала (прокаленная почва вокруг), остатки от тризны (фрагменты разбитой посуды) и плотное скопление 8 сосудов (на разных уровнях) с жертвенными приношениями (кусок туши барана с ножом, украшения) у основания стелы на площади 1,06x1,03 м. Очертание ямы не прослеживалось, но совершенно очевидно, что сосуды размещали на выровненном участке в специально подготовленных углублениях. В целях сохранения поми-

нов от осквернения, их засыпали и закладывали сверху кирпичным ломом и камнями. Кирпичная стела в этом случае, видимо, использовалась в качестве маркера поминального святилища. Отмеченная картина уже фиксировалась нами (Аванесова, 2001, с. 33, рис. 1).

Центральное место в изучаемом объекте занимало столбообразное строение. По знаковой символике и функционально, согласно предписаниям Вед, оно соответствует жертвенному столпу (РВ, III-8), к которому привязывали жертвенное животное во время ритуальных действий (Маламуд, 1993, с. 84, 86). Мы полагаем, что в поминах материализовался комплекс представлений о жертвоприношении богам и предкам (РВ.Х.13, 14, 15, 18; АВ III · 10, 29). Стоит отметить, что подобные параллели вполне корректны, т.к. бустонские древности не намного старше известных мифологических сюжетов ведического цикла. Обряды, аналогичные вышеприведенным, неоднократно фиксировались в Ригведе (РВ), Атхарваведе (АВ) и в других литературных памятниках, связанных с космографией и космогонией, где функциональная значимость поминок имеет ярко выраженный общественный характер, а жертвенный столб в ритуале жертвоприношения выполнял медиативную функцию – соединение миров (Огибенин, 1968, с. 17; Маламуд, 1993). Прямой репликой указанному являются коновязные столбы (в большинстве случаев деревянные), участников ритуальных поминок тюркоязычных кочевников Центральной Азии. (См. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири, 1989, с. 145).

Данное явление (знаковая символика поминального культа) в сапаллинской культуре справедливо рассматривать как проявление степных новаций, ибо оно совершенно несвойственно для обрядов предшествующих этапов сапаллинской культуры. Исходные корни исследованных культурных традиций – вертикальная архитектоника стел, поминальные жертвоприношения, культ огня - прослеживаются у носителей степного мира с III тыс. до н.э. (население ямной, афанасьевской и окуневской культур). Практика эта в трансформированном виде обнаруживается у скотоводческих общин и в последующих эпохах (Грязнов, 1979, с. 128-142).

Наблюдения, сделанные в процессе наших раскопок, а также изучение фаунистических остатков⁴ позволяют отметить, что состав костей животных в поминах имеет некоторую закономерность. Прежде всего, он отличается от заупокойной пищи, где традиционно

присутствует три куска мяса – лопатка, несколько ребер, задняя ножка барана. Набор кусков мяса в поминах существенно изменен, здесь находится передняя и задняя нога, крестец с прилегающими к нему хвостовыми и поясничными позвонками. Отсюда следует, что овцеводство у бустонцев было мясного направления, что овцы были курдючными, в то время как на ранних этапах сапаллинской культуры мелкий рогатый скот разводили в основном для получения каракулевых смушек (Аскарлов, 1977, с. 120). Возрастающее значение скотоводства отражает реальный процесс в бустанском обществе.

В настоящее время вся совокупность полученных археологических свидетельств несомненно указывает на реально существовавшую традицию возведения специальных сакрализованных площадок для ритуальных действий. Примечателен тот факт, что именно в этот период отмечается угасание такого религиозного центра Шерабадского оазиса, как храм Джаркутан (Аскарлов, Ширинов, 1993), в связи с чем можно допустить, что возникла необходимость организации пространства для коллективных обрядов культовых церемоний, где происходили бы священнодействия. Отсутствие подобных объектов на других могильниках сапаллинской культуры не позволяет пока дать им исчерпывающую оценку. С большой долей вероятности можно предполагать, что реальный вектор поиска исходного культурного феномена связан с обрядовыми церемониями пастушеских племен эпохи бронзы Евразии, где прослеживается локализация сакральных площадок (Аванесова, 2002, с. 108-110).

На возможность такой интерпретации указывает нарастание проявлений степных элементов в материалах сапаллинской культуры с середины II тыс. до н.э. Основными ретрансляторами таких новаций: как яркое проявление огненного ритуала, в том числе кремации, использование колесницы, металлургии олова, широкое использование камня для могильных и внемогильных конструкций, наличие курганной кольцевой схемы размещения захоронений - были носители культур андроновской общности. Помимо преобладания общеандроновских элементов, в материальной культуре (керамика, металлические и каменные изделия, украшения) просматривается влияние срубной, тазабагыябской и постандроновской культур. Инокультурное влияние значительно возрастает в моллаллинское и особенно в бустонское время. Погребальные традиции указанных этапов не представляются однородными и именно это во

многим определяет особенность БVI. Существенно отметить, что БVI, с одной стороны, кардинально отличается от раннесапаллинских древностей, а с другой стороны – генетически связано с ними. Именно на финальном этапе, вместо статичной картины последовательного существования этапов сапаллинской культуры происходит сложный адинамичный процесс, где своеобразным стержнем дальнейшего исторического развития стал степной культурогенез и возрождение местных раннесапаллинских традиций в ритуале и инвентаре. Материалы БVI иллюстрируют стимулированную трансформацию сапаллинской культуры, ибо изменения в обрядности происходят как результат воздействия степных культурных традиций, но не механическим путем, а на основе селекции и адаптации к местной среде и традициям (Массон, 2004, с. 12).

Полиритуальный грунтовый могильник Бустон VI отличается экстраординарностью в сравнении с другими некрополями Шерабадского оазиса, его следует считать базовым памятником при изучении механизма бактрийского культурогенеза. Ситуацию может прояснить лишь накопление новой информации. Исчерпывающее изучение всего могильника позволит выйти на уровень историко-культурных реконструкций. Но объективность социокультурных реконструкций зависит от исследовательских процедур, в том числе и естественнонаучных. Перспективным направлением исследования БVI в дальнейшем могли бы быть работы междисциплинарных специалистов-антропологов, почвоведов, керамистов и др. Более детальный анализ, отражающий изменение культурных стереотипов в структурированном обществе на пороге государства, будет уместен лишь после полного исследования некрополя.

Примечания

1. Результаты многолетних исследований, производимых на некрополе Бустон VI, неоднократно обсуждались на местных, региональных и зарубежных конференциях и нашли отражение в ряде публикаций (Аванесова, 1995, 1998-2004).
2. Из-за экономического прессинга два года (2003-2004) раскопки на Бустон VI не проводились.
3. Согласно сквозной нумерации археологических объектов Б VI, на общем плане они значатся как 379, 380, 382.
4. Выражаю огромную благодарность профессору СамГУ Б.Х. Батирову за многолетнее сотрудничество и консультации при определении костей животных некрополя Бустон VI.

Литература

1. Аванесова Н.А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культу-

- ры // Археологические вести 4, 2005, Санкт-Петербург, 2005.
2. Аванесова Н.А. Монофункциональные сосуды доурбанистической Бактрии (по материалам исследования могильника Бустон VI) // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. Москва, Государственный музей Востока. 2000, - Москва, 2000.
 3. Аванесова Н.А., Ташпулатова Н. Символика огня в погребальной практике Сапаллинской культуры // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30. Самарканд, 1999.
 4. Аванесова Н.А. Храмовые функции сакрализованных площадок некрополя доисторической Бактрии Бустон VI // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – ГосЭрмитаж. – Санкт-Петербург, 2002.
 5. Аванесова Н.А. Новые работы на некрополе Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане – 2002. Ташкент, 2003.
 6. Аванесова Н.А. Степной пласт доисторической Бактрии // Центральная Азия – источники, история, культура: Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. Москва, 2003.
 7. Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
 8. Атхарваведа. Избранное. Перевод, комментарии Т.Я. Елизаренковой. Москва, 1976.
 9. Грязнов М.П. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979.
 10. Массон В.М. Перспективы методологических разработок в исторической науке (формации, цивилизации, культурное наследие). Санкт-Петербург, 2004.
 11. Маламуд Ш. Отрицание насилия в ведическом ритуале жертвоприношения // ВДИ, №3, 1993.
 12. Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов. «Ригведа». Москва, 1968.
 13. Ригведа. Мандалы I-IV. Москва, 1989; IX-X, М., 1999 // Перевод осуществлен Т.Я. Елизаренковой.
 14. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск, 1989.

А.А. Анарбаев, Ф.А. Максудов, Ш. Насриддинов
(Самарканд)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ ЭСКИ АХСИ (АХСИКЕНТ) В 2004-2005 гг.

Ахсикентский отряд Ферганской археологической экспедиции ИА АН РУз в 2004-2005 годы продолжил археологические исследования на руинах древнего домонгольского Ахсикента (Ахсикета), расположенного на правом берегу Сырдарьи. Памятник Эски Ахси находится в 25 км в юго-западном направлении от г. Намангана, рядом с селениями Гуль-кишлак и Шаханд.

Раскопки в 2004-2005 г.г. продолжались в северо-восточной части второго шахристана (Ахси ІВ) на объекте XXI (Анарбаев, Максудов, 2002, с. 27-33), начатом в 2000 г. Целью исследований являлось изучение средневекового ремесленного квартала, выявление новых данных о металлургии и металлообработке, а также изучение архитектурных остатков.

Раскоп был расширен в восточную сторону. В результате площадь раскопа 2004-2005 гг. составляет 160 кв.м. Архитектурные остатки, в основном каркасных сооружений, сохранились очень плохо, поэтому раскопочные работы, как предыдущие годы, велись по квадратам (5x4 м). Квадраты обозначены соответственно номерами от 13 до 20. В результате раскопок были выявлены четыре строительных периода, относящиеся к XI-XII вв.

В первом строительном периоде нам удалось восстановить примерный план всего лишь двух помещений 28 и 29 (рис. 1).

Помещение 28. Находится в квадрате 14. Сохранилась северная стена (длина 3,9 м, ширина 45см) и частично восточная (длина 1,7 м, ширина 40 см), сооруженные из сырцовых кирпичей (44x22x8; 45x22,5x9; 24,5x?x8; 34x17x6; 24x15x7 см), ориентированных с небольшим отклонением с востока на запад. Оснований этих стен не выявлено, так как они уходят вглубь. Пол помещения ещё не вскрыт. Бадраб 7, относящийся ко второму строительному периоду, пререзает северную стену помещения. В заполнении помещения обнаружены фрагменты неглазурованных сосудов.

Помещение 29. Находится в квадратах 18-17. Сохранились час-

тично северные (длина 1,9 м, ширина 45 см), западные (длина 1 м, ширина 40 см), южные (длина 2 м, ширина вскрыта на 20 см) стены, сооруженные из сырцовых кирпичей (44x22x8; 45x22,5x9; 24,5x?x8; 34x17x6; 24x15x7 см). Северная и южная стены примыкают к стене 2 строительного периода, к которому относится северная и южная грани помещения 31-32. Основание стены уходит вглубь. Пол помещения не вскрыт. Внутри помещения находок и признаков производства не обнаружена. Северная и западная стены помещения прорезали ямы 3 и 4.

В центре квадратов 15 и 19 выявлены остатки стены из сырцовых кирпичей размером: 26x22x7,5; 27x19x7,5; 41x18x7; 42x22x7 см. Стена сохранилась на высоту 0,38 м при толщине 0,20-0,25 см и длине 5,4 м, ориентирована с востока на запад. Стена разрушена поздними строениями. Восточная часть этой стены продолжает функционировать во втором строительном периоде как грань и пол суфы.

Под завалом обнаружены остатки сливного колодца от ташнау, сливной колодец закрывался двумя жжёными кирпичами («КВ 15»). По краям этих двух кирпичей сделаны выемки полукруглой формы, при соединении они образуют сквозное отверстие диаметром 1-1,5 см. Под завалом был обнаружен обломок сосуда (донца дастурхона), установленного в перевернутом виде, под ним обнаружена яма. Диаметр донца 25 см, толщина стенок 4 см, высота фрагмента 11 см.

В квадрате 16 обнаружена стена из сырца (34x17x7 см) и пахсы, ориентированная с восток на запад. Вскрыта на высоту 1,20 м, ее толщина 0,65x0,7 м. Основание стен уходит вглубь. Пол близ стены не вскрыт. Фрагменты керамики и другие археологические находки, а также признаки производства отсутствуют. Эта стена является продолжением южной стены помещения 18 (кв. 12), обнаруженного в 2001 году (Анарбаев, Максудов, 2002. С. 27-33).

Архитектурные остатки второго строительного периода сохранились на некоторых участках раскопа, где выявляются контуры четырех помещений (30, 31, 32, 33) (рис. 1). Так, многие стены и полы перекрыты строениями или уничтожены ямами более позднего периода, но в некоторых помещениях второго строительного периода прослеживаются два этапа обживания.

Помещение 30. Находится в квадрате 13. Расчищена южная и частично восточная стена из сырцового кирпича (26x22x7,5 см; 27x19x7,5 см; 42x27x7 см) и пахсы. Стена ориентирована с востока на запад. Сохранившаяся высота стены 0,7 м, толщина 0,7-0,8 м, длина 4,5 м. Северная сторона стены облицована сырцовым кирпичом, наложенным вертикально и сверху покрытым несколькими слоями саманной штукатурки толщиной 1,5-2 см. Восточная стена плохой сохранности, продолжение этой стены уничтожено поздними постройками. Бадраб 3 прорезает южная стена помещения. Пол помещения представляет собой плотную забутовку толщиной 10-15 см. В заполнении над полом обнаружены зольные остатки и фрагменты глазурованных и неглазурованных сосудов, а также остатки очага-горн.

Помещение 31. Находится в квадратах 18-17. Сохранились северная, восточная, частично западная стены, сооруженные из сырцового кирпича (42x22x8; 45x22,5x9; 44x19x7; 24,5x16x8 см). Размер помещения 1x4 м. Толщина стена разная: северная 40 см, восточная 30-35 см, западная – 23 см. Пол помещения светло-серого цвета, хорошо утрамбованный толщиной 5-7 см. В заполнении над полом обнаружены фрагменты сосудов и миниатюрный кувшин, покрытый ишкорной глазурью. Яма 4, относящаяся к четвертому строительному периоду, прорезала восточную и западную стены помещения.

Помещение 32. Находится к западу от помещения 31. Сохранилась северная и восточная стены. Размер помещения 1,4x3 м. Толщина стены одинакова с помещением 31. Сооружена из сырцовых кирпичей (42x22x8; 45x22,5x9; 44x19x7; 24,5x16x8 см). Западная стена не сохранилась. Здесь обнаружен очаг округлой формы диаметром 22 см. Устье очага шириной 5 см. Очаг примыкает к восточной стене помещения. Заполнение очага состоит из золы и пепла, перемешанного с грунтом. Стенки очага сделаны из глины и сильно обожжены, дно очага ровное, красного цвета.

Помещение 33. На втором этапе второго строительного периода перегородка, разделяющая помещения 31 и 32, перестает функционировать, т.е. на месте двух помещений появляется одно помещение 33, размерами 2,2-2,6x3-4 м. Пол помещения 33 обмазан глиной с большой примесью самана, толщиной 3 см. В центре помещения 33 сооружается новый очаг прямоугольной формы (35x35 см). Кон-

струкция очага очень проста: он состоит из трех сырцовых кирпичей, установленных на ребро под углом 90° друг к другу так, что они образуют стенки очага с трех сторон - северной, восточной и южной. Следовательно, устье очага шириной 15 см находилось с западной стороны. Внутреннее пространство имело размер 15x15 см, внутренние стенки очага были оштукатурены слоем толщиной до 1 см и имели следы сильного обжига (до красного цвета). Толщина стенок очага 10 см, заполнение состоит из пепла и древесного угля. К устью очага был приставлен обломок керамического сосуда. Вероятно, этот очаг использовался как для обогрева помещения, так и для приготовления пищи.

В квадрате 17 зафиксирована мощная стена, сооруженная из сырцового кирпича размерами 40x20x6 см; 32x16x7 см, ориентированная с востока на запад. Она сохранилась на высоту 0,70 м, в длину на 2,32 м при толщине 0,35 м, а ее основание уходит под уровень пола второго строительного периода.

На северной стороне квадрата 19 зафиксирована часть стены, сохранившейся на высоту 0,35-0,40 м и длину 1,7 м. Она ориентирована с запада на восток, западная часть уничтожена ямой 7 позднего периода, а на востоке уходит за пределы раскопа. Толщина стены не выявлена, так как её северная грань находится под бровкой. Южная грань стены облицована вертикально установленными сырцовыми кирпичами размером 36x18x6 см. Тело стены состоит из пахсы. К югу от стены у ее основания зафиксирован пол. Пол сохранен на небольшом участке 0,5x1 м. Под стеной прослеживается слой золы толщиной 1-1,5 см.

С южного края раскопа в квадрате 13 обнаружен резервуар (Р-2) с сохранившейся северной (толщина 0,34 м), южной (толщина 0,17 м), и западной (толщина 6 см) стенами. Стена и пол резервуара из жжённого кирпича (34x20x6 см; 30x18x3,5 см; 35,5x17x5 см; 34x19x5 см), размер резервуара 0,87-0,90 м, глубина 0,60 м. В заполнении резервуара обнаружены фрагменты керамики, стекла. С северной стороны резервуара предположительно выявлены остатки суфы размерами 0,7x1,3 м. В северо-западном углу квадрата 15 был обнаружен резервуар 4 прямоугольной формы из сырцовых кирпичей, размером 75x75 см и глубиной около 50-55 см. С внутренней стороны резервуар был облицован жжёнными кирпичами (28x14x2,5 см), установленными в вертикальном положении. Многие кирпичи были

на дне резервуара в завале. Функции резервуара точно не известны.

В квадратах 15 и 16 обнаружены ташнау 1-2. Оба ташнау состоят из трёх частей: резервуара, (резервуар Т-1 не сохранился), водоотводной линии и поглощающего колодца. Слив резервуара сооружен из жжёных кирпичей (30-29х15,5-15х4-3,5 см), размер резервуара Т-2 0,75х0,75 м. Пол резервуара не сохранился. Водоотводная линия состоит из керамических кубуров. Диаметр кубуров Т-1 8 см, длина 25 см, а Т-2 соответственно 7-8 см, 26-40 см. Это кубуры соединяются с обособленными поглощающими колодцами. Край колодца ташнау облицован вертикально поставленными жжёными кирпичами (35х17х5 см; 35х17,5х5 см). Аналогичные канализационные сооружения широко были распространены в IX-XIII вв. во всех городах Средней Азии (Анарбаев, 1981, с. 109).

В квадратах 15-19 к западу и югу от ямы 7 зафиксирована суфа высотой 30 см. Южная грань суфы ограничена перегородкой первого строительного периода, ориентированной с запада на восток, толщиной в один кирпич и высотой в три ряда. Восточная и западная грани суфы облицованы сырцовым кирпичом (30х16х7 см), уложенным горизонтально. Таким образом, удалось установить площадь суфы - 2,2х1,9 м. У основания суфы зафиксирован пол из плотно утрамбованной глины с примесью самана. Заполнение суфы рыхлое, но поверхность покрыта плотным слоем саманной штукатурки. Центр северной части суфы уничтожен ямой 2, а северо-восточный угол суфы деформирован ямой 7, юго-восточный и юго-западный, а также северо-западный углы суфы сохранились.

В третьем строительном периоде обнаружены остатки стены помещения, маленькие резервуары, ташнау (Т-4) и зафиксированы бадрабы (Б-4 и 5-6), яма (Я-3), колодец ташнау (Т-3). В заполнении ямы и бадрабов обнаружено множество обломков жжёных кирпичей и фрагментов керамики. На этом участке расчищены остатки 5-ти помещений №№ 34, 35, 36, 37, 38 (рис. 2).

Помещение 34 (?). В 13 квадрате намечается помещение 34. Обнаружена только одна южная стена, являющаяся продолжением северной стены в помещении 9,9 А, обнаруженной в 2000 году (Анарбаев, Максудов, 2001, с. 37-42). Она ориентирована в направлении с востока на запад. Она построена из сырцового кирпича (20х?х8 см; 21х15х7 см; 19-18х?х6-7-8 см) поверх стены второго

строительного периода. Длина вскрытой части стены 3,40 м, высота 0,26 м, толщина 0,32 м. Восточная сторона стены разрушена. Пол помещения - плотно утрамбованная глина. В помещении обнаружен резервуар (Р-1) из жженого кирпича размерами 31x17x4 см; 30x18x4 см; 34x18x4 см. Толщина стены Р-1 0,28 м (западная и южная), 0,4 м (северная и восточная) при высоте 0,55 м. Северные, восточные и западные стены облицованы вертикально поставленными кирпичами без штукатурки. Восточная стена резервуара соединяется к суфе, где обнаружен вкопанный на половину большой хум. В резервуаре обнаружены обломки керамики, стекла (соот. XI-XII вв.) и кости животных.

В юго-восточном углу кв 13 вскрыт еще один резервуар (Р-3), также сооруженный из жженого кирпича (30x17x3,3; 25,5x17x3,5; 29,5x16,6x3,5 см). Выявлены северная и западная стены резервуара. Восточная стена не сохранилась, а южная стена осталась за пределами раскопа. Размер резервуара 1,50x? м при глубине 0,85 м. В резервуаре были найдены обломками глазурованной керамики, чирага и маленького кувшина, датируемых XI-XII вв.

Помещение 35. На границе квадратов 14 и 15 вскрыта мощная стена, сооруженная из сырцового кирпича (42x23,5x9 см; 28x16x7 см), толщиной 0,8-0,9 м, при сохранившейся высоте 0,6-0,8 м. Она имеет относительную хорошую сохранность, хотя во многих местах прорезана бадрабами последующего периода. Пол, примыкавший к стене с севера вскрыт (кв-19) на площади 2x2 м. Стена продолжается в квадратах 18-19; местами сохранилась облицовка из сырцовых кирпичей, вертикально поставленных и покрытых несколькими слоями саманной штукатурки толщиной до 1 см. В целом стена ориентирована с запада на восток, но к востоку имеет отклонение к северо-востоку, образует полукруг и уходит за пределы раскопа. Она является южной стеной помещения 35. Остальные стены помещения не сохранились. Пол этого помещения светло-серого цвета, стены обмазаны саманным раствором толщиной 7-10 см. В заполнении помещений зафиксировано несколько фрагментов от тиглей, а также бесформенные обломки хозяйственной посуды и глазурованный сосуд с эпиграфическим орнаментом по белому фону.

Помещение 36. К югу от стены (или пом. 35) зафиксировано параллельное коридорообразное помещение 36. Заполнение помещения состоит из многочисленных горизонтальных утрамбованных

слоев-полов (?). Толщина слоев от 5 до 11 см. Зафиксировано более 11 полов, начиная с основания вышеописанной северной (полу-круглой) стены и кончая верхней частью стены. Таким образом, по крайней мере 2-3 нижних слоя (пола) заполнения функционировали как полы северной стены, в то время как верхние слои были заполнены позже, когда стена перестала функционировать.

Помещение 37. С юга коридорообразное помещение ограничено другой стеной в направлении запад-восток, таким образом, ширина коридора составляет 0,80-1,6 м. Это южная стена третьего строительного периода сохранена на небольших участках высотой до 40 см и сооружена из сырцового кирпича размером 36x20x7 см, положенных в один ряд, в результате толщина стены составляет 40 см, включая саманную штукатурку толщиной до 1,5-2 см с обеих сторон. В восточной части южная стена поворачивает на юг в квадрате 18 под углом 90°, образуя угол крупного помещения, находящегося в пределах 18 и 17 квадратов. Продолжение этой стены, ориентированной в направлении север-юг, имеет длину более 5 м. Местами имеются участки, где стена не сохранилась. На самом юге стена имеет поворот на запад – под углом 90°. Таким образом, здесь вырисовывается крупное помещение 37, для которого зафиксированы три стены – северная, восточная и южная. Южная стена имеет толщину 40 см и сохранилась в длину до 1 метра. В восточной стене имеется пустое пространство шириной 60 см, возможно, служившее дверным проемом. Вдоль восточной стены обнаружена суфа шириной 80 см. Край суфы обложен сырцовым кирпичем в виде стены на полкирпича. Внутри суфы заполнено рыхлом грунтом с включением древесных угольков и обломками жжёных (27x15x3 см) и сырцовых (34x17x6 см) кирпичей. Стенка сохранилась на высоту в три кирпича (37x18x7 см) и длину 1,5 м. Суфа обмазана глиной с саманом (0,5 см). Северная часть прорезана хозяйственной ямой 4 последующего периода. В юго-восточной части помещения 37 на глубине тридцать сантиметров от основания вышеописанной суфы обнаружена вымостка из жжёного кирпича (27x15x3 см) в виде сливного ящика полуквадратной формы для ташнау 4. Его сливная яма находится с восточной стороны. Размер сливного ящика 44x66 см. С трех сторон вымостка имеет стену высотой в три кирпича. В теле восточной стенки сливного ящика установлен кубур диаметром 9 см, у устья имеющий уклон с запада на восток. К югу и западу от

вымостки сохранился ровный горизонтальный пол на площади 1,5x1,5 м. Пол плотный, покрыт глиняной промазкой с белыми включениями. В заполнении пола обнаружены два археологически целых сосуда с ишкорной глазурью.

Помещение 38. К востоку от помещения 37 вырисовывается небольшая часть предполагаемого помещения 38 с длиной западной стены 1,80 м. С севера она ограничена стеной из сырца в плохой сохранности. Восточная и южная стена не сохранились. Пол помещения разрушен.

К северу предполагаемого помещения 38 зафиксирован колодец и водоотводная линия ташнау. Основная часть ташнау уходит в восточную бровку. В заполнении колодца ташнау обнаружен целый кубур диаметром 9-4 см, длиной 88 см, опущенный с уровня третьего строительного периода и ориентированный с юго-востока на северо-запад. Кубур, вероятно, был предназначен для отвода сточных вод. В квадрате 15 были обнаружены остатки Ташнау-3. Устье его было оформлено фрагментом от хума (верхняя часть сосуда с венчиком) в перевернутом виде, нижняя часть и донце хума отсутствует. Горловина и венчик хума направлены вниз к вертикально установленному кубуру крупных размеров (дм - 30 см); кубур местами разбит.

Таким образом, в данном сооружении были переиспользованы керамические трубы и фрагмент хума в целях предотвращения размывания рыхлых культурных слоев, где была вырыта сливная яма для ташнау. В центре квадрата обнаружен горн он состоит из хума без венчика, диаметр сохранившегося верха 42 см, с сохранившейся высотой 56 см. Особенностью является то, что хум находится в теле квадратной суфы (1x1,3 м) из пахсы и сырцового кирпича размерами 21x15x7; 20x?x8 см. Хум заполнен золой белого цвета, перекрыт грунтом, стенки хума сильно обожжены.

В южной части раскопа обнаружена часть бадраба 4. Диаметр и глубина этого бадраба не определены, так как он уходит за южный предел раскопа. В бадрабе обнаружено много обломков керамики, где наибольший интерес представляет фрагмент миски с эпиграфической.

Архитектурные остатки четвертого строительного периода обнаружены в квадратах 14, 15, 17, 18, 19 (рис. 2). Из-за плохой сохранности выявлены остатки небольшой части стены, две хозяйствен-

ные ямы, пять бадрабов (рис. 2). Остатки стены обнаружены в 17 квадрате (юго-восточном углу раскопа). Она сооружена из сырцовых кирпичей размерами 32x16x7 см. Пол, связанный со стеной, сохранился на небольшом участке; его размеры 20x30 см, поверхность относительно ровная и имеет саманную штукатурку толщиной 2-3 см. Четыре бадраба обнаружены в квадрате 14, (Б-1, Б-2, Б-3 диаметры соответственно 0,70-0,80 м; Б-9 дм 0,90 м). Бадраб 8 диаметром 0,9 м выявлен в квадрате 19. Около устья бадраба 3 был поставлен небольшой хум в перевернутом виде. Донце хума отсутствует. Хозяйственные ямы 4 и 5 вскрыты в квадратах 18-19, их диаметры соответственно 1x1,1 м и 0,60 x1,2 м, глубина 0,4 м. Эти бадрабы и ямы прорезали мощную стену и сооружение третьего строительного периода. Культурный слой этого периода представлен большим количеством фрагментов тиглей и незначительной керамикой.

Результаты раскопочных работ 2004-2005 годов свидетельствуют об интенсивной деятельности квартала ремесленников в течение более двухсот лет (XI-XII вв.).

Интересными оказались керамические сосуды с надглазурной бирюзовой росписью, которые найдены в слоях XI-XII вв. В литературе они известны как «ишкорные» и обычно датируются только IX-X вв. На городище Эски Ахси такие сосуды встречаются как в слоях IX-X вв., так и в слоях XI-XII вв. Следует выделить тонкостенную коническую чашу с эпиграфическим орнаментом. На белом ангобном фоне темно-коричневой краской нанесена надпись подчерком строгого куфи. Чаша датируется X в., но она найдена в слое XI в. Подобные случаи, кроме как на Ахсикенте, больше нигде не зафиксированы. Вышеприведенные материалы, несмотря на их малое количество, в целом, позволяют говорить, что Ахсикент действительно является одним из крупнейших в Средней Азии центром производства глазурованной керамики.

Литература

1. Анарбаев А., Максудов Ф. Археологические исследования на городище Эски Ахси (Ахсикент) в 2000 году // Археологические исследования в Узбекистане - 2000 год. Самарканд, 2001.
2. Анарбаев А., Максудов Ф. Археологические исследования на городище

Эски Ахси (Ахсикент) в 2001 году // Археологические исследования в Узбекистане - 2001 год. Ташкент, 2002.

3. Анарбаева А., Иневаткина О. Стратиграфическое изучение шахристана 1 городища Эски Ахси. ИМКУ, вып. 24. Ташкент, 1990.

А.Х. Атаходжаев
(Самарканд)

РАБОТЫ ШАХИЗИНДИНСКОГО ОТРЯДА В 2004 г.

В 2004 г. на территории ансамбля Шахи Зинда были начаты широкомасштабные работы, направленные на благоустройство, реставрацию и комплексное научное изучение этого выдающегося памятника средневековой архитектуры. Археологический надзор в зоне строительных работ, сопряженных с понижением существовавшей дневной поверхности вокруг архитектурных сооружений проводились силами сводного археологического отряда Института археологии АН РУз в составе Атаходжаева А.Х., Алмазовой Н.И., Иванова Г.П., Мирзаахмедова Д.К., Насриддинова Ш., Болиева Б., Шодиева З. Основная деятельность была сконцентрирована на двух участках, которые расположены на территории, примыкающей с В к стенке коридора, ведущего от входного портала ансамбля до мавзолея Ходжа Ахмада и на территории, примыкающей к входному portalу и мечети XV в. с Ю, где исследовались архитектурные остатки позднесредневековой бани. Площадь всех раскопов примерно равняется 1500 кв.м.

В ходе раскопок удалось установить периоды застройки на территории, ограниченной с С остатками городской оборонительной стены домонгольского Самарканда и южным фасадом мавзолея Туглу-Текин, с Ю – небольшим медресе нач. XIX в. и с З – лестничным подъемом. Самые ранние архитектурные остатки, выявленные здесь археологически, принадлежат помещению, которое датируется по керамике, строительному материалу и данным стратиграфии XI в. Это хорошо соотносится с известными данными о том, что в период с X - нач. XIII вв., городская оборонительная структура приходит в запустение. Застройка склона городской стены в караханидское время, к которому относятся выявленные архитектурные остатки, прямо указывает на это.

Очередной строительный период связан с появлением здесь по-

гребального сооружения XIV в. из сырцового кирпича, на полу которого обнаружены три кирпичных надгробия.

Крупные строительные работы проводились на данном участке в эпоху Улугбека. К этому времени относятся подпорные стены террас и большая площадь, вымощенная жженым квадратным кирпичом, прослеженная в длину на В более, чем на 14 м. Ширина площади – 10 м. Вымостка площади перекрывает все предыдущие постройки. Под вымостку нивелируются стены сырцового помещения, пристраивается дополнительная стенка с юга к существующему мавзолею XIV века. Площадь расположена прямо напротив двухкупольного мавзолея первой четверти XV в. Основание его стен и вымостка площади находятся примерно на одном уровне, что также говорит в пользу гипотезы одновременного

строительства. Эта площадь выполнена в виде платформы с богато декорированной восточной стороной – она облицована шлифованными фигурными кирпичиками с мозаичными вставками. Доступ на эту площадь был решен и с восточной части, где сооружен оригинальный подъем в виде винтовой трехступенчатой лестницы. Впо-

План Шахи Зинда
(дополнен Г.П. Ивановым)

следствии, эта зона претерпевает изменения в виде постоянных перестроек – не позднее XVI в. к этой платформе-площадке с В пристраивается еще одна платформа с декорированной резным наборным кирпичом южной стеной. Судя по большой протяженности площади, восточнее должно было существовать какое-то крупное здание. Возможно, дальнейшие раскопки позволят его выявить.

Во время проведения работ по прокладке дороги напротив входного портала ансамбля Шахи-Зинда, на территории, прилегающей к ансамблю с юга, были открыты остатки бани, датируемой концом XV—нач. XVI вв. Здание расположено в 15,25 м южнее входного портала ансамбля Шахи-Зинда.

Сохранилась западная часть здания, примерно половина, размером 11,80x6,30 м. Восточная часть разрушена при строительстве, проводившимся здесь во 2-ой пол. XX в. Главный фасад, где находился вход в здание, был обращен на В к дорожке, ведущей от входного портала ансамбля Шахи-Зинда на юг. Таким образом, здание располагалось к З от центральной дорожки, имело квадратную форму и его реконструируемые размеры 11,80x11,80 м. Здание ориентировано по сторонам света.

Здание имеет два яруса: нижний подпольный, где располагались отопительная система, водоотвод, дымоход и верхний с резервуарами для воды, подсобными помещениями.

Открытое здание было сооружением для ритуального омовения. Об этом говорят ее сравнительно небольшие размеры и само ее местоположение – рядом с культовым комплексом Шахи-Зинда.

Основная деятельность была сконцентрирована к Ю от мавзолея Кусамы ибн Аббаса до мавзолея № 30 на раскопе №2. Работы проводились на участке на территории, занятой кладбищем, к В от подпорной стены среднего коридора комплекса шириной 15 м в южной части и примерно равной 22 м в северной. Общая длина 45 м. Перед началом работ поверхность городища сильно понижалась с востока на запад при общем уклоне рельефа на юг. Высотная отметка северо-восточного угла раскопа -80 см, а юго-западного -200 см. Вся поверхность участка представляла собой территорию средневекового кладбища.

В северной части раскопа № 2, в 10 м к югу от мавзолея Кусамы ибн Аббаса, на глубине от 380 до 560 см от условного нулевого репера, были открыты остатки археологического комплекса, состояв-

шего из здания, построенного из прямоугольного жженого кирпича (здание получило название постройка №1), двух стен из такого же кирпича к северу и югу от западной стены постройки №1, участка мощеной камнем дороги вдоль этой стены и специально выровненной площадки к северо-востоку от постройки.

Несмотря на очень большие утраты стен и даже фундаментов, полученные зданием из-за многочисленных захоронений, производившихся на этом участке с XII по XX вв., планировка его восстанавливается практически полностью. Постройка №1 была почти квадратной в плане. Она слегка вытянута по линии В-3 и занимала площадь 14,8x13,8 м. Стены ее ориентированы почти строго по сторонам света. И стены, и фундамент, за исключением фундамента под западной стеной, выстроены из жженого кирпича размерами 28,30,35x17-19x3,5-4,5 см. Западная часть фундамента была выполнена из крупных кусков сланца, связанных водостойким (кыровым) раствором и армирована длинными бревнами диаметром 10–25 см. Фундамент под западной стеной изнутри и снаружи был облицован тремя рядами положенных на бок жженных кирпичей размером 31x19x4 см. Так же были выполнены отрезки фундамента длиной 160 см под двумя пилонами, пристроенными изнутри к западной стене постройки №1, севернее и южнее осевой линии здания на расстоянии 170 см друг от друга (расстояние между выступами фундамента под пилонами 135 см). Кирпичная облицовка под пилонами была усилена вторым слоем кирпичей. Возможно, что такое укрепление связано с методом строительства фундамента здания. Его основание выложено на дне котлована, вырытого в нижележащих плотных слоях, датируемых X в., с относительно ровными стенками, но само дно было выровнено по уровню 580–590 см от нулевого репера только по периметру. К центру оно возвышалось почти до уровня верха фундамента на гл. 490-480 см.

Ширина фундамента постройки №1 120 см, но он не сохранился на двух участках южной и на восточном отрезке северной стены. Толщина стен и пилонов 85 см, но они сохранились намного хуже. На всю длину открылась только западная стена, сохранившаяся на высоту 160 см от фундамента в северо-западном углу здания. Особенно сильно пострадал от перекопов центральный отрезок стены на участке между пилонами, но и здесь она сохранилась на высоту не меньше чем 40 см от фундамента здания. Два пилонообразных выступа, построенные вперевязку со стеной, выступали внутрь по-

мещения на 105 см, но имели под собой цоколи высотой 50 см над фундаментом. Длина этих цоколей 155 см, ширина 115 см под южным пилоном и 100 см под северным. На внутренней поверхности западной стены удалось проследить еще одну архитектурную деталь - по центру обоих отрезков стены между пилонами и северной и южной стенами, на высоте 70 см от фундамента были открыты нижние части ниш глубиной 50 см и шириной 105 см.

Три другие стены постройки №1 сохранились гораздо хуже. От северной остался небольшой кусок (1,5 м) высотой 140 см в северо-западном углу здания и дальше к востоку еще 3,5 м на высоту 40-50 см. Восточная стена сохранилась на всю длину, но только в юго-восточном углу высота ее 110 см, а по остальной длине она прослеживалась по одному – двум рядам кирпичей. В южной стене кирпичная кладка разобрана в двух местах симметрично центру до фундаментной части.

Из-за больших разрушений, которым подверглась постройка, остались не выясненными два очень важных вопроса. Не понятно, где был вход в здание. С востока вход был затруднен тем, что здесь культурные слои X века, в которых был вырыт котлован под фундамент, сохранились на 40 см выше основания стен и уровень их поднимался далее к С-В. В таком месте фасад монументального здания не логичен. Исходя из логики, проход был бы более удобен с З, со стороны улицы, которая там проходила, но самая низкая сохранившаяся высота по центру западной стены 40 см и необходимы были ступени, чтобы зайти в здание. Таковых не было обнаружено в ходе раскопок. Кроме того, неровные края пролома в этом месте позволяют предположить, что стена продолжалась выше. Каких-либо следов крепления дверной коробки здесь так же не обнаружено. Трудно предположить, что обнаруженные в западной стене ниши совместимы с тамбурным проходом в ней же. Обнаруженные пилообразные выступы, вероятнее всего, не детали оформления прохода, а нижние части выступающей центральной ниши. С С по уровню фундамента к постройке примыкала площадка, для выравнивания которой был специально снивелирован верх культурных слоев X века и можно предположить наличие входа в здание с этой стороны. Но тогда пространство перед входом было сильно ограниченным. В 4,8 м к С от северной стены постройки в бровке раскопа был открыт фасад стены А, сложенной из квадратного кирпича –

23x23x4, 32x30x4 и 35x38x4 см. Судя по прилегающим к ней слоям, эта стена уже стояла во время постройки описываемого нами здания, поэтому наиболее вероятно, что в здание вели два прохода с Ю стороны в местах зафиксированных разрушений кладки.

Второй неясный вопрос – это вопрос о перекрытии здания. Большая площадь перекрываемого пространства с недостаточно толстыми стенами и отсутствие следов каких-либо деталей колонн не позволяют настаивать на купольном перекрытии помещения.

Датировка постройки №1 затруднена в связи с тем, что заполнение сильно нарушено более поздними погребениями. В некоторых случаях они опускались до основания фундамента. Слои, примыкавшие к стенам постройки, также сильно перекопаны. Тем не менее, котлован под постройку был вырыт в слоях X века и, следовательно, здание не может датироваться более ранним временем. В разрезе слоев к западу от постройки видно, что котлован вырыт только в нижнем слое, а слой, который датируется монетными находками самым началом XI века, примыкает к стене, т.е. наращивается во время существования здания. Полностью совпадает ориентация постройки №1 и открытой в 5 м от нее стены. Какое-то время они сосуществуют и датировка постройки вряд ли сильно отличается от датировки стены. В связи с этим интересно отметить, что все известные до последних раскопок постройки средней группы памятников комплекса Шахи Зинда расположены вдоль линии современной галереи, вытянутой по линии СВ – ЮЗ. Исключением являются мавзолеи Туглу Текин и Амир–Заде. Их ориентация иная, поскольку связана с поворотом южной части коридора к лестнице. Обычно это связывают со стремлением древних зодчих привязать свои постройки в ориентации к комплексу Кусамы ибн Аббаса. Ориентация постройки № 1 и стены А иная. Это обстоятельство позволяет предположить, что описанные выше постройки возникли ранее второй половины XI века, когда были сооружены здания комплекса, ставшего ключевым для последующих сооружений. Из всего вышесказанного можно предположить дату постройки №1 – начало XI века.

Характер постройки №1, несомненно, общественный. В среднеазиатском зодчестве домонгольского периода наиболее близкими по аналогии, планировке, раскопанному сооружению, могли быть два вида архитектурных сооружений – мавзолеи и мечети. И те и

другие сооружения являются практически квадратными в плане, но мечети отличаются от мавзолеев тем, что в последних отсутствует михраб. В плане нашего сооружения в западной стене четко выделена двумя пилонными выступами ниша, ориентированная на Мекку, т.е., однозначно являющаяся михрабом, причем аналогичная в ориентации михрабу мечети XV в., входящей в комплекс Шахи Зинда. Контраргументом версии мавзолея служит и отсутствие погребения, синхронного самой постройке. Таким образом, мы склоняемся к тому, чтобы считать данное сооружение мечетью, а именно мечетью поминального типа. Данный вид мечетей стоился при почитаемых могилах или у кладбищ. Их устройство, как правило, сводилось к купольному залу с нишей михраба. Примерами подобных мечетей могут служить Ташмечеть в селе Кучкак, XI в., мечеть Халпа-Эшон в селе Потрон, XI-XII вв., мечеть в комплексе Зу-л Кифл на острове Арал-Пайгамбар у Термеза.

К 3 от постройки №1 была обнаружена поверхность дороги, вымощенная крупными кусками сланца на глубине 530 см от условной точки отсчета. На 60 см ниже обнаружилась более раннее каменное покрытие. После расчистки части нижнего уровня и до 10 м² верхнего, выяснилось, что оба они по монетным находкам датируются X в. Уровень верхней вымостки дороги в этом месте на 20 см ниже основания стен постройки №1, хотя и имеет тенденцию к повышению. Это обстоятельство не могло быть использовано при датировке здания, поскольку камни дороги нигде не были зафиксированы ближе, чем на 30 см от стены. Участки этой же дороги обнаруживались археологами ранее, но в связи с новой находкой стало возможным говорить о ее ширине в 5–5,5 м и о направлении в сторону городской стены к тому месту, где сейчас стоит мавзолей Туглу Текина и первый чартак. Дорога подходит к городской оборонительной стене шахристана, возведение которой, по археологическим данным, относится к античному периоду.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮГЕ ХОРЕЗМА В 2004-2005 годах

Южно-Хорезмийский отряд Академии Маъмуна и Института археологии АН РУз продолжал археологические исследования на юге Хорезмской области – на территории Уч-очакского (Сепайнского) и Мешеклинского массивов Хазараспского района. На этих территориях произведены масштабные разведки и стационарные археологические раскопки. Геоморфологическое обследование возвышенности «Уч-очак», произведенное геоморфологом Новосибирского университета (Россия) С. Кривоноговым, позволило предположить метеоритное происхождение его котлована-воронки.

На берегах протоков Амударьи, берущих начало в районе каравансарая Сартарош и впадавших в Сардобакуль, собраны кремневые пластинки неолитического времени, а также фрагменты лепной керамики, оставленные племенами андроновской культурно-исторической общности и гончарных сосудов архаического периода (VII-V вв. до н.э.).

На западном и северо-западном склонах возвышенности «Уч-очак» («Се пая») обнаружен курганный могильник античного и раннесредневекового времени. На вершине одного из останцов осмотрен разрушенный в современное время курган, на отвалах которого собраны мелкие фрагменты человеческих костей и керамики III-I вв. до н.э.

В 500 м севернее каравансарая Таш-Кала 1 раскопано и исследовано погребение под курганной насыпью, совершенное в неглубокой яме с заплечиками. Погребальная яма прямоугольной в плане формы имеет размеры 170x40 см и глубину - 15 см. В яме расчищены плохо сохранившиеся длинные кости ног человека, сохранившие анатомический порядок. Расположение сохранившихся костей позволяет предполагать, что погребенный лежал в вытянутой позе на спине головой на СЗ. У изголовья найден фрагмент трубчатой кости мелкого рогатого скота, перед коленями найдено несколько лоскутков атласной шелковой материи. Яма, образованная заплечиками - неправильной овальной в плане формы - имеет размеры 180x140 см

и длинной стороной ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Высота ямы – 20 см. Стратиграфическими наблюдениями установлено, что после совершения погребения яма была засыпана каменистым грунтом, а края округлой в плане насыпи диаметром 660 см и высотой в центре до 100 см - выложены камнем в один слой и три ряда, положены[на поверхность. Погребение, по-видимому, относится к раннесредневековому времени.

Впервые на крепости Таш-Кала 2 проводились стационарные археологические исследования. Памятник был обнаружен С.П. Толстовым, здесь был выявлен сырцовый кирпич квадратного формата, а сам памятник отнесен к античному времени¹.

Городище Таш-Кала 2 располагается юго-западнее возвышенности Уч очаг на правом берегу Амударьи. Городище представляет собой сильно разрушенный и оплывший холм, имеющий в плане форму почти правильного квадрата со сторонами по основанию 70х70 м и сохранившейся высотой до 4 м от уровня современной окружающей поверхности. Городище углами ориентировано по сторонам света. Ворота его располагались, по-видимому в юго-западной стороне, где в сильно оплывшем рельефе можно предполагать остатки предвратных сооружений и пандуса. Работы проводились на северо-восточном углу городища, где был заложен планиграфический раскоп площадью 25х25 м (рис. 1). На вскрытой площади расчищены угловая часть оборонительной стены хорошо укрепленного крепостного сооружения; угловая башня с двумя прилегающими с разных сторон пристенными башнями, внутрискладчатый коридор, соединявший их и небольшой участок прилежавшего дворового пространства. Стены и архитектурные конструкции выложены сырцовым кирпичом размерами 40х40х10; 41х41х12; 42х42х12 и 43х43х13 см. Толщина оборонительной стены составила 630 см. Ширина внутрискладчатого коридора - 220-230 см. Толщина внешней части стены – 200 см, внутренней - 200 см. Пристенные оборонительные башни правильной параболической в плане формы. Внешний край пристенных башен выдвинут на расстояние до 550 см. Угловая башня - овоидной в плане формы. Куртины между башнями в плане полукруглой формы и имеют радиус 150 см. Толщина стен башен – 250 см. По сохранившимся складкам рельефа и косвенным признакам можно предполагать, что по фасаду каждой из 3 стен располагались по 4 пристенных и 2 угловых башни. На площади

юго-западной стены, где предполагается наличие предвратных сооружений, количество и конструкция башен может быть иной. Внешние стены стрелкового коридора и стены башен прорезаны бойницами, расположенными в шахматном порядке. Расстояние между бойницами 150-170 см. Бойницы - щелевидной формы, имеют плоское перекрытие. По фасаду верхняя часть бойниц - на последнем кирпиче кладки - выложена в стреловидной форме.

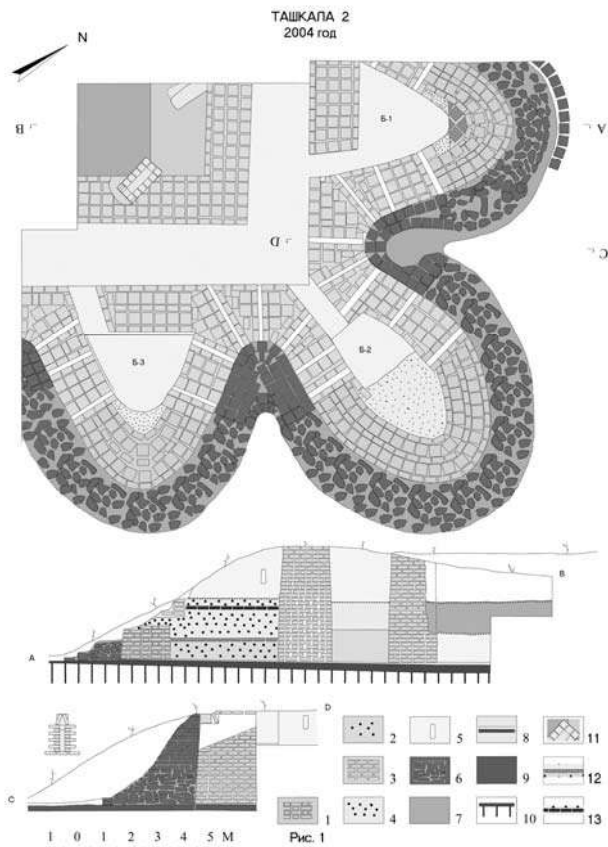

Рис. 1

Материалы, полученные в результате раскопок, позволили установить, что городище Таш-Кала 2, вероятнее всего, относится к типу сооружений, известных в археологической литературе как пограничные крепости. На исследованном участке стратиграфическими наблюдениями выявлены три строительных периода (рис. 2).

Предварительный анализ полученных находок, представленных в основном керамикой, позволяет отнести время возведения сооружения к последним векам до н.э. Сооружение было возведено на скалистой, слегка пологой, имевшей наклон с востока на запад, поверхности. Площадка под строительство была снивелирована пахсо-

Рис.2

вым слоем, толщина которого в восточной части раскопа составила 10, а в западной – 50 (см). Стены и конструкции крепости возведены на платформе, сложенной из сырцового кирпича высотой 100-110 см. Внешний контур платформы проектировался зодчим как основа для планировки стен башен. Внутренний контур платформы образует поверхность стены двора. Кладка стен башен и внутристенных коридоров сложена в связке с платформой и сохранилась на высоту до 430 см. Уровни полов башен и внутристенного коридора находятся в одной плоскости и были выведены на высоте 250 см от уровня древней дневной поверхности. Пространство между кирпичной платформой и уровнем пола во внутрибашенных помещениях и внутристенных коридорах заполнено строительным мусором, щебнем и материковым песком. Стены башен и внутристенных помещений имели два этажа. В башне № 1 сохранилось плоское перекрытие прохода в коридор первого этажа, состоявшее из бревен. Высота первого этажа составляла 220 см. Высота второго этажа, вероятно, была аналогичной. Реконструируемая высота уровня пола верхней стрелковой площадки, таким образом, может составлять немногим более 7 м. Высота крепости в целом, вместе с парапетом могла составлять около 9 м. Уровень поверхности дворовой части располагался на уровне прослойки из пахсы. На участке дворового пространства, попавшего в площадь раскопа, остатков архитектуры не зафиксировано.

Во втором строительном периоде часть бойниц в башнях и внут-

ристенном коридоре была замурована диким камнем (рис. 3). Внешняя поверхность оборонительных стен укрепляется ремонтной «рубашкой», выполненной кладкой из камня на глиняном растворе. Фасад крепости после ремонта получает вид афригидских полуколонн. Материал, полученный из кладок этого периода, позволяет датировать его V-VI вв. н.э.

В третьем строительном периоде все внутрибашенные помещения, внутрстенные коридоры и оставшиеся бойницы обоих этажей забутовываются камнем, а фасад ремонтируется кладкой из сырцового кирпича с размерами 37x37x9(10), 39x39x 10 (см). Вероятно, что забутованными были помещения и второго этажа. Фасад крепости после ремонта приобретает вид афригидских гофров. Оборона крепости с этого времени, вероятно, велась исключительно с верхней стрелковой площадки. Третий строительный период, по нашему мнению, может быть датирован медной монетой правителя Кердера – Хурсова, отнесенной Б.И. Вайнберг к типу «Г12», чеканившейся, по ее мнению, в период с 713 г. по вторую четверть середины VIII в.².

Разведками в районе Мешеклинского залива Амударьи обнаружено и частично исследовано неизвестное раннее русло Приамударьи, берущее начало в заливе, протекавшее в 8 км восточнее современного русла и соединявшееся с современным руслом в районе с. Базерген. Исследованиями установлено, что русло функционировало до эпохи ранней бронзы. На берегах его найдены отщепы и наконечники стрел эпохи неолита. На дне, видимо, уже высохшего русла найдены остатки поселения эпохи поздней бронзы³.

На высоком правом берегу

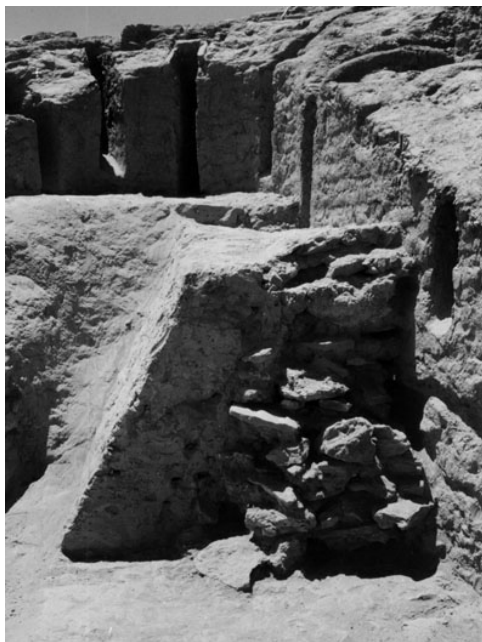

Рис. 3

Мешеклинского массива обнаружен курганный могильник. Курганы тянутся цепочками на протяжении около 10 км. На насыпях курганов собраны фрагменты от сосудов архаического, античного, раннесредневекового и средневекового времени. Исследованию подвергся один из курганов, располагавшийся в 600 м севернее каравансарая Мешекли (рис. 4). Расчистками выявлена сильно оплывшая и выветренная конструкция, сложенная из сырцового кирпича размерами 40x40x10(12) и 41x41x12 см на глиняном растворе. Конструкция представляет собой квадратную в плане «платформу» размерами 560x540 см, углами ориентированную по сторонам света. Сохранившаяся высота платформы – 130 см. По краям «платформа» заключена в кольцо каменной кладки, сложенной на глиняном растворе, шириной до 200-220 см, которая придавала всему сооружению вид округлого в плане кургана диаметром до 10 м. Расчистками

Рис. 4

ИИО. ИСАХАНОВ Э.Х.
РИО. САИТОВ С.В.

выявлено, что каменная кладка с каждой из четырех сторон кирпичной «платформы» скрывает в себе наземный склеп, сложенный из дикого камня на глиняном растворе. Хорошо сохранилась конструкция одного из четырех склепов, представляющего собой погребальную камеру, имеющую в плане форму неправильного овала размерами 120x60 см, перекрывавшуюся сводом ложного типа. В камеру ведет узкий коридорообразный проход-лаз шириной 30 и длиной 240 (см). Уровень пола лаза вымощен камнем и располагается на уровне древней дневной поверхности. Уровень дна камеры заглублен на 30 см. Все склепы ограблены. В камерах найдены фрагменты керамических сосудов 4-5 вв. н.э. и кости крупной птицы. Стратиграфическими наблюдениями установлено, что каменная кладка-кольцо со склепами пристроены к кирпичной «платформе» по прошествии довольно большого промежутка времени. Вертикальные поверхности кирпичной кладки до этого времени успели сильно оплыть и осыпаться. Исследование этого сооружения будет продолжено в следующем сезоне.

Начаты стационарные работы на каравансарае Мешекли-Кала. Памятник был обнаружен в 1939 г. С.П. Толстовым и помещен на карту археологических памятников Хорезма как каравансарай домонгольского времени¹. Я.Г. Гулямов отождествил Мешекли-Кала с рабатом Сандал, расположенным в одном дневном переходе от рабата Маш⁴. В 1970-е гг. М. Мамбетуллаев произвел здесь стратиграфические исследования, в результате которых был выявлен культурный слой домонгольского времени мощностью 50 см. Еще в недавнем прошлом стены Мешекли-Кала поражали исследователей своей великолепной сохранностью. Сегодня памятник практически разрушен местными жителями, которые используют его в качестве строительного материала и удобрений для собственных нужд (рис. 5). Мешекли-Кала представлял собой хорошо укрепленную кре-

Рис. 5

Рис. 6

пость почти квадратной в плане формы размерами 60х60 м, углами ориентированную по сторонам света. По углам располагались башни-гульдаста. Лишь с ЮЗ и ЮВ сторон оборонительные стены частично сохранились на высоту до 4-8 м. Юго-восточная стена в верхней части была украшена полукруглыми гофрами. В восточной части этой стены сегодня сохранился фрагмент уплощенной поверхности от портала,

где, по-видимому, и нужно предполагать ворота. Исследовалась внутренняя южная угловая часть городища, где был заложен раскоп размерами 15х15 м. На площади раскопа были вскрыты остатки домостроения последнего периода его существования. Мощность культурных слоев составила 150 см (рис. 6, 7). Раскоп не доведен до материка. Планировка и структура домостроения характерна для жилого комплекса и представляет собой застройку с бытовыми, хозяйственными и подсобными помещениями, типичными для жилой застройки начала XIII в. н.э. и не характерную для планировки известных нам каравансараев. В культурном слое встречены

Рис. 7

следы керамического и, возможно, металлургического производства. Полученные нами материалы вынуждают нас поставить под сомнение интерпретацию памятника как каравансарая и предположить на месте Мешекли-Кала жилую крепость. За пределами крепости к югу имеются довольно обширные площади руин неукрепленного рабада с довольно плотной застройкой, на территории которого и мог находиться рабат Сандал.

Примечание

1. М. А. Итина Археологические памятники на древних торговых путях вдоль берегов Амударьи. // Древности Южного Хорезма. Москва, 1991. С. 25-26.
2. Б.И. Вайнберг. - Монеты древнего Хорезма. Москва, 1977. С. 63. Табл. XXVI.
3. С. Р. Баратов. Неизвестный участок русла Амударьи. International Conference: «The use of geographic information systems and models for research and decision support in Central Asia River Basins». Uzbekistan on July 6-10. Tashkent, 2004.
4. Я.Г. Гулямов История орошения Хорезма. Ташкент, 1957. С. 146.

А.В.Г. Беттс, В.Н. Ягодин, Г.Х. Ходжаниязов
(Сидней, Нукус)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ В ДРЕВНЕМ ТАШКЫРМАНСКОМ ОАЗИСЕ

В 2004 году Каракалпакско-Австралийская археологическая экспедиция продолжила свои исследования в древнем Ташкырманском оазисе. Работы производились в трех основных направлениях:

- продолжение археологического изучения Ташкырманского оазиса в целом;
- продолжение изучения фортификации верхнего (священного) города городища Казаклы-Яткан (Акшахан-кала);
- продолжение археологического изучения объекта, предварительно определенного в качестве храма;
- продолжение археологического изучения Ташкырманского оазиса в целом.

Полученные в предшествующие годы и в 2004 году данные позволяют говорить о том, что Ташкырманский оазис являлся обширной, земледельческой, густо заселенной поселенческой территорией, базировавшейся на большом Ташкырманском магистральном канале. Его отдельные участки были зафиксированы Б.В Андриановым в районе Думан-калы [Андрианов, 1969] и Ташкырман-тепе

[Андрианов, 1969], нами в районе городища Казаклы-Яткан. Материалы обследований Б.В. Андрианова 1956 года в районе Думанкалы и Ташкырман-тепе позволяют полагать, что канал начал функционировать еще до начала IV в. до н.э. в архаический период и продолжал функционировать до III-IV вв. н.э. Это положение нашло свое документальное подтверждение в материалах заложенной нами в сезон 1997 года большой траншеи поперек магистрального канала. В траншее было выявлено семь последовательно сменявших друг друга линз древних каналов, датирующихся предположительно от архаики до позднекушанского периода (V в. до н.э. до III-IV вв. н.э.).

Для изучения агроирригационных слоев в ближайшей округе Казаклы-Яткана заложено два трансекта. Агроирригационный слой, вскрытый шурфами трансекта I, обычно лежит на древнем болотистом слое, который часто нарушался во время пахоты. Внешняя стена Казаклы-Яткана лежит на глинистом слое, комковатым по структуре, с редкими включениями мелкоизмельченной станковой керамики. Слой может быть определен как подвергшийся земледельческой обработке пахотный (агроирригационный) слой. Подобный слой мог сформироваться при систематическом внесении компоста, в который включался не только навоз, но и остатки глинобитных построек. В практике земледельческого хозяйства каракалпаков XVIII-XIX вв. такой компост, носивший название “нанбар” широко и в обязательном порядке использовался в земледелии.

Такого рода отложения, обязанные своим происхождением исключительно хозяйственной деятельности человека, широко распространены на аллювиальной равнине древних дельт Амударьи. Б.М. Георгиевский называет их “культурно-ирригационными отложениями”. Они образуются на орошаемых полях в результате смешивания ила осаждающегося из поливных вод с различным компостом, вносимым на поля. Эти отложения характеризуются отсутствием слоистости, комковатой структурой и содержанием разнообразных включений, являющихся продуктом деятельности человека (фрагменты керамики, стекла, шлаки, древесный уголь и т.д.). [Георгиевский, 1937, с.168-169]. Впоследствии для описания этих слоев утвердился термин “агроирригационные отложения”.

Б.М. Георгиевский полагает, что скорость нарастания “культурно-ирригационных” наносов на аллювиальных равнинах Нижней

Амударья составляет 1,5 мм в год [Георгиевский, 1937, с.170]. По материалам заложенных нам шурфов, мы установили, что мощность культурно-ирригационного слоя вскрытого в ближайшей округе Казаклы-Яткана колеблется в пределах от 15 до 75 см. Если в год нарастает 1,5 мм, то за 100 лет нарастет 15 см, а для образования слоя мощностью 75 см потребуется 500 лет. Следовательно, территория Ташкырманского оазиса не была освоена вся целиком. В разные периоды осваивались различные участки, часть из них использовалась долговременно, другие забрасывались через короткие промежутки времени. Принимая во внимание, что Ташкырманский канал начинает функционировать не позже V до н.э. и, следовательно, одновременно начинают орошаться первые поля Ташкырманского оазиса, мы можем установить, что внешняя стена, построенная на агроирригационном слое, формировавшемся в течение 500 лет с V-IV вв. до н.э. может быть датирована не ранее I-II вв. н.э.

В связи с установленным нами фактом заболоченности территории Ташкырманского оазиса, и аналогичным выводом, сделанным группой исследователей в отношении всего района Южной дельты Акчадарьи (Правобережный Хорезм) [Ширинов и др., 2004] представляется необходимым вновь вернуться к неоднократно обсуждавшемуся вопросу об этимологии топонима "Хорезм".

Древний Хорезм (араб.-Khwārazm; греч.-Chorasmiē; авестийское Xvāirizǝm; древнеперс.- (H)uwāramiš) - одна из древнейших цивилизаций Центральной Азии исторически связанная с низовьями реки Амударья. Существует целый ряд предположений относительно этимологии этого макротопонима: "кормящая земля" [Burnouf, 1873, с. CVIII; Sachau, 1873, с.473; Geiger, 1882, с.29; Tomaschek, 1894, с. 2406], "низкая земля" [Lerch, 1873, с. 447; Kiepert, 1878, с.60; MacKenzie, 1983, с.1244], "страна, где хорошие укрепления для скота," "страна, где поселения с хорошими стенами," "страна с хорошими варами" [Боголюбов, 1962, с.370]; "страна благой вараы" [Рапопорт, 1998, с.28].

Некоторые результаты наших работ, касающиеся особенностей природной среды древнего Хорезма, заставляют обратить внимание на этимологию "низкая земля", предложенную Лерхом и Кипертом и принятую Маккензи. Не являясь специалистами в области лингвистики, мы, тем не менее, хотели бы обратить внимание на то обстоятельство, что этимология "низкая земля" наиболее адекватно

отражает природные особенности этой страны, и, может быть именно ей следует отдать предпочтение при рассмотрении предложенных вариантов.

На эту же особенность древней природной среды следует обратить внимание при анализе стратиграфии Казаклы-Яткана. Работы 2004 года на крепостных стенах и на храме позволили установить, что основание всех сооружений, вскрытых здесь, покоится на насыпном слое серого слюдистого мелкозернистого песка. Аналогичный факт был установлен в сезон 1996 года, когда исследовались крепостные стены так наз. "нижнего города". Было установлено, что они возводились на искусственном песчаном валу, на поверхности которого сформировался маломощный культурный слой с раннекангюйским материалом (IV-III вв. до н.э.). Аналогичный факт был установлен и для внешней стены Казаклы-Яткана. Под нее также подсыпался слой песка, на котором и возводилась внешняя стена.

Продолжение изучения фортификации верхнего (священного) города городища Казаклы-Яткан (Акшахан-кала) и полученные новые данные позволяют не только внести целый ряд уточнений, но и переосмыслить ранее установленные факты, а иногда по-новому их интерпретировать.

Установлено, что городище имело несколько линий искусственных преград: внешняя стена, ров, земляной вал, протейхизмы и крепостная стена города. К первой из искусственных преград относится внешняя стена. Она охватывает довольно обширную территорию куда, вероятно, кроме столичного района, входил округ с такими городищами, как городище Пиль-кала, Кят, Кара-тобе, Ташкырман и др. Это пока первый и единственный случай существования подобного рода стен в древнем Хорезме.

К второй линии обороны города относится ров, который до настоящего времени был зафиксирован на трёх участках Верхнего города (раскопы VI, IX и X, 5) и в одном участке Нижнего города (раскоп III). Рвы, как одна из составных частей системы обороны выявлены на многих античных памятниках Хорезма. Ров Казаклы-Яткана, однако, по размеру являются самым большим (его ширина составляет 34 м), нигде более в Хорезме рвы такого размера пока не зафиксированы. На городище Кой-крылган-кала ширина рва составляет около 15 м, глубина до 3 м. [Кой-крылган-кала, 1967, с. 306]. На городище Топрак-кала ров, который проходит на расстоянии 15 м

от стен, имеет ширину 16,5 м, глубину до 2,5 м [Городище Топрак кала, 1981, с.71].

Следующая линия оборонительных систем представлена протейхизмой. Нужно отметить, что этот элемент фортификации в древнем Хорезме и в Средней Азии в целом в обращение ввели не греки, как это представляется некоторыми исследователями [Завьялов, 1999, с.33]. В Хорезме наиболее раннее применение протейхизмы отмечено на городище Хазарасп [Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963, с.190, рис.17-18], Кой-крылган-кала [Кой-крылган-кала, 1967, с.72] и Бурлы-кала [Маньлов, Ходжаниязов, 1981, с.41].

Наиболее характерным примером в этом отношении, до настоящего времени, является раннеантичная крепость Хазарасп. Там, как показали раскопки, протейхизма высотой до 3 м была воздвигнута по внутреннему краю рва [Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963, с.190,195, рис. 17, 18].

Для Казаклы-Яткана этот вопрос решен несколько иначе. Древние полиоркетики понимали, что такая высота, как в Хазараспе, создает значительное мертвое пространство, к тому же приходящееся на ров и сводящее поэтому к нулю оборонительное значение протейхизмы. Чтобы избежать этого в фортификации Казаклы-Яткана, применили новый подход. Здесь протейхизму поставили не на внутреннем краю рва, как обычно, а подальше от него. Она находится почти посередине между рвом и крепостной стеной. Этим новшеством полиоркетики не ограничились. Прямо по внутреннему краю рва создавали дополнительно вал, формировавшийся, по-видимому, за счет расчистки рва. Его высота составляет от 1,1 м (раскоп IX) до 2 м (Раскоп X), ширина соответственно по основанию 7,3-9,3 м и по верху - 2-3 м. Их боковые грани скошены [Ходжаниязов, Хелмс, Снеддон, 2002, с.168-169]. Протейхизму иногда строили за внешним краем рва. Такой вариант известен в Топрак-кале Шаватской (IV-III вв. до н.э.) [Мамбетуллаев, 1986, с.15].

Последним и основным рубежом обороны города является крепостная стена. Чрезвычайно важным представляется установленный факт сооружения крепостных стен Верхнего города на платформе. Однако мы пока не знаем, насколько универсальна подобная конструкция. В данном случае, по-видимому, мы имеем с наличием «фундамента» под стенами крепости, заглубленного в материковой грунт.

Изучение оснований стен позволяет нам попытаться восстановить порядок их возведения. Можно предположить, что для заглубленной стены крепости в материке рылась общая канава (котлован) глубиной до 0,3-0,5 м, при ширине около 10 м. Канава заполнялась песком. Песок покрывался 2-3 рядами кирпичной кладки. На образовавшейся площадке, как удалось установить по северо-восточной стене крепости началось возведение стены: укладывался слой пахсы, затем следовали 10 рядов кирпичной кладки цоколя, затем укладывается второй слой пахсы, который покрывался 19 рядами кладки. Над этой многослойной кладкой уложен еще один слой пахсы, снова перекрытый кладкой, которая сохранилась на высоту 12 рядов кирпича, считая остатки стен помещений башни второго яруса (раскоп VI). Следует отметить, что бойницы обоих ярусов до стреловидного перекрытия прорезаны в пахсовых поясах. Кладка пахсы цоколя, что находится на песчаной подсыпке, шире у основания и сужается кверху.

Серый аллювиальный песок, как превосходный строительный материал, не требующий никакой предварительной обработки, широко применялся при строительстве, как в фортификационных, так и в гражданских сооружениях древнего Хорезма. Песок обычно использовался в качестве подушки под основания стен при неблагоприятных грунтах. Кроме того, песок является идеальным материалом при устройстве антисейсмических конструкций только при условии, если он строго ограничен в своем перемещении. Поэтому под полами больших помещений и были уложены слои пахсы, локализирующие песок в образованных ими траншеях. Ярким примером его может служить платформа высотой 14,3 м под Высоким дворцом городища Топрак кала [Топрак-кала, 1984, с.25-28, рис.9].

Прием заглубления в грунт части сооружений за редким исключением, неизвестен в древней архитектуре Хорезма. В качестве наиболее раннего примера использования подобного приема можно привести усадьбу V-IV вв. до н.э. "Дингильдже". Здесь стены некоторых помещений (3/1-3/11) заглублены в материк, приблизительно на 2,5 м [Воробьева, 1973, с.93-94]. Сырцовый цоколь крепости кушанского периода Кызыл кала был засыпан в котловане, на песчаной подсыпке мощностью 10-13 см [Хожаниязов, 1986, с.59].

За пределами древнего Хорезма аналогичный прием зафиксирован в дворцовом комплексе на городище Афрасиаб [Лебедева, Ши-

ринов, 1997, с. 41, рис. 3, 4]. Подобный строительный прием, вероятно, служил для распределения нагрузок от сооружений на естественное или искусственное основание.

Ранее мы полагали, что Верхний город имеет двое ворот, расположенных в середине юго-восточной и юго-западных стен. Однако новые обследования, осуществленные в 2003 и 2004 гг., показали, что еще одни ворота с лабиринтом и пандусом находились посередине северо-восточной стены Верхнего города. Не исключена также возможность наличия четвертых ворот посередине северо-западной стены.

Продолжение археологического изучения объекта, предварительно определенного в качестве храма. Раскопки сезона 2004 года были сосредоточены в юго-западной части сооружения, определенного в качестве храма. На основании изучения существующего рельефа и данных раскопок было установлено, что он представляет собой монументальное сооружение, в плане квадратное, размером 60x60 м. На каждом углу находились овальные в плане башни. Две аналогичные башни, расположенные рядом, были зафиксированы на середине западной стены. Некоторые признаки позволяют предполагать, что аналогичные башни находились на середине трех остальных стен. Стены двойные, между ними находился коридор шириной около 2 м, опоясывающий все здание. Стены пахсовые в основании. В верхней части сложены из крупноформатного кирпича-сырца. С внутренней обнаружены каменные базы колонн. Базы составные: на трехступенчатом основании была поставлена горшкообразная верхняя часть. Колоннада, вероятно, шла вдоль всех стен здания. Аналогичные базы колонн были известны в Хорезме: на городище Калалы гыр-1, (рубеж V-IV вв. до н.э.), являвшемся недостроенной резиденцией ахеменидского сатрапа и в пограничной крепости IV-III вв. до н.э. Гяур-кала Султануиздагская.

Предполагаемый храм в целом может быть датирован кангюйским периодом. Его ранние слои и сооружения могут датироваться IV-III вв. до н.э. Однако основные слои сооружения датированы III-II вв. до н.э. на основании анализа керамических находок. Эти даты подтверждаются результатами радиоуглеродного анализа образцов, взятых из соответствующих культурных слоев.

Несмотря на значительную площадь раскопа, функции изучаемого объекта остаются не совсем ясными. Однако полученные мате-

риалы позволяют предполагать, что мы имеем дело с культовым памятником. Его позиция в планировочной структуре верхнего (священного) города, особенности монументальной архитектуры и художественного декоративного оформления интерьеров, позволяют полагать, что это было одно из наиболее значимых архитектурных сооружений верхнего города. Исходя из того, что зороастризм в его локальном варианте был широко распространен в древнем Хорезме, можно предположить, что исследуемый архитектурный объект имел отношение к зороастризму и, возможно, каким-то образом был связан с культом огня. Однако современный уровень археологического изучения памятника не позволяет утверждать это бесспорно.

По общему плану сооружение может быть сопоставлено с рядом культовых объектов протогородской бронзы Средней Азии. Это памятники типа Джаркутан в Бактрии [Askarov i Shirinov 1991] и Тоголак-21 и Гонур в Маргиане [Sarianidi, 1998, 90 and 120 ff.], которые были интерпретированы исследователями как культовые памятники, предшествующие оформлению и выработке культовой практики зороастризма

Раскопки позволили установить, что интерьеры здания украшались живописью и скульптурой. В истекшем сезоне были получены образцы полихромной росписи в виде фрагментов стеной штукатурки. Помимо живописи, были обнаружены фрагменты глиняной скульптуры, в оформлении которой использовался алебастр и золотая фольга.

Принимая во внимание вышеприведенную датировку объекта, мы, в данном случае, должны говорить о находках одних из наиболее ранних образцов скульптуры и стеной живописи в Средней Азии. В древнем Хорезме это не первые находки столь ранних образцов. Известны находки фрагмента стеной росписи IV-III вв. до н.э. в Кой-крылган-кале (так наз. "лучник") и фрагментов стеной росписей и глиняной скульптуры, обнаруженных в слое IV в. до н.э. городища Капарас в Южном Хорезме.

В истекшем полевом сезоне открывались лишь небольшие фрагменты штукатурки с росписью и фрагменты скульптуры, находившиеся в завалах помещений. В ходе раскопок, однако, были выявлены значительные по площади участки, где живопись на стенах сохранилась *in situ*. Они были законсервированы для последующей

работы с ними специалистов-реставраторов. Учитывая, что раскопками пока вскрыто не более 1/10 общей площади здания, мы можем рассчитывать на весьма значительные перспективы раскопок на будущее.

Важным итогом работ 2004 года является обнаружение сводчатой галереи, окружавшей храм по периметру. Высота стен галереи установлена по куску свода, который сохранился на высоте около 3 м на северной стене. Исходя из того, что крепостная стена Верхнего города была трехъярусной, можно предположить, что обводная галерея храмового комплекса также была многоярусной.

Сводчатая галерея шириной 3,5 м окружала со всех сторон храмовый комплекс. Из близких по времени памятников сходная величина пролета (3,6 м) зафиксирована при раскопках крепости, принадлежащей к комплексу поселений в низовьях Сырдарьи, Бабиш-Мулла 1 [Толстов, 1962, с.161]. А пролеты в сводчатых помещениях нижнего этажа центрального здания Кой-крылган-калы достигали четырех с половиной метров [Кой-крылган-кала, 1967, с.124-125, рис.115]. Попасть в храм можно было лишь через внешние ворота, которые, вероятно, находились на середине юго-восточной стены

Литература

1. Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. Москва, 1969.
2. Боголюбов М.Н. Древнеперсидские этимологии // Древний мир (Сборник статей академику В.В. Струве). Москва, 1962.
3. Георгиевский Б.М. Южный Хорезм // Геология Узбекской ССР, том II. Москва-Ленинград, 1937.
4. Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме // МХЭ. Вып. 9. Москва, 1973.
5. Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958-1960 гг. // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. VI. Москва, 1963.
6. Кой-крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV вв. до н.э. - IV в. н.э. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. V. Москва, 1967.
7. Лебедева Т.И., Ширинов Т.Ш. Антисейсмическое строительство в Средней Азии античности и раннем средневековье. Узбекистон моддий маданияти тарихи. 28-нашри. Самарканд, 1997.
8. Мамбетуллаев М. Топрак-кала Шаватская (раскопки 1979-1980 гг.) // Археология Приаралья, вып. 3. Ташкент, 1986.

9. Маньлов Ю.П., Ходжаниязов Г.Х. Городище Аяз кала 1 и Бурлы кала (К изучению фортификации древнего Хорезма) // Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981.
10. Рапопорт Ю.А. Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и средневековье. Москва, 1998.
11. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962.
12. Топрак-кала, дворец // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Т. XIV. Москва, 1984.
13. Ширинов Т., Алимов К., Баратов С. Сапаров Н., Бороффка Н., Вюннеманн Б., Рейнхардт Хр., Соррель Ф., Кривоногов С. Полевые работы по проекту Intas Aral № 00-1030: "Климатические изменения в эпоху голоцена и развитие поселений человека в бассейне Аральского моря" // Археологические исследования в Узбекистане - 2003. Ташкент, 2004.
14. Ходжаниязов Г. Кзыл кала (работы 1981-1982 гг.). Археология Приаралья. Вып.3. Ташкент, 1986.
15. Ходжаниязов Г.Х., Хелмс С.У., Снеддон. Археологические исследования на городище Акшаханкала в 2001 году // Археологические исследования в Узбекистане - 2001. Ташкент, 2002.
16. Askarov A., Shirinov T. Le Temple de feu de Dzarkutan // Historie et Cultes de l'Asie Centrale Préislamique, eds P. Bernard au F.Grenet. Paris.
17. Burnouf E. Commentaire sur le Yaçna. Paris, 1991.
18. Geiger W. Ostiranische Kultur in Altertum. Erlangen, 1882.
19. Kiepert H. Lerhbuch der alten Geographie. Berlin, 1878.
20. Lerch P. Khiva oder Khârezm. Seine historischen und geographischen Verhältnisse. St.-Pbg., 1873.
21. Mac Kenzie D.M. Khwarazmian language and literature // The Cambridge History of Iran. Vol. 3(2), 1983.
22. Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrianism. Athens, 1998.
23. Tomaschek W. "Chorasnia" Pauly's Real – Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Bd.3. Stuttgart, 1894.

А.Э. Бердимуратов, А.А. Раимкулов,
Н.У. Холматов, Ф. Франческини
(Самарканд, Болонья)

РАСКОПКИ УЗБЕКСКО–ИТАЛЬЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА БОЙСАРИТЕПА В 2004-2005 гг.

В течение нескольких лет археологический отряд совместной Узбекско–Итальянской экспедиции проводит раскопки на Бойсаритепа, расположенном в черте кишлака Сазаган Нурабадского района Самаркандской области. Бойсаритепа является естественным всхолмлением, вытянутым в направлении С–Ю, длиной около 350 м, шириной 110 м. Южная часть холма сливается с северными отрогами Зарафшанского хребта, а северный конец завершается полукругом.

В ходе археологических исследований в 2003 г. выяснилось, что северная треть часть естественного холма впервые была освоена в раннеэллинистическое время – появляется большое земледельческое поселение, площадью около 1 га. Видимо, жилая часть занимала около одной четвертой части всего поселения и располагалась в ее южной половине, а остальная часть была занята большим двором. Архитектурные остатки поселения не были обнаружены, по всей вероятности, они состояли из полуземлянок, так как здесь было вычищено несколько хозяйственных ям. Культурные слои поселения достигают 1,20-1,30 м и состоят из рыхлой и светлой комковатой земли с

Рис. 1

включениями керамики, костей животных, обломков сырцовых кирпичей и органических остатков. Видимо, тогда же поселение было обведено каменной оградой.

Примерно во II в. до н.э. поселение прекращает свое существование по неизвестным причинам, а примерно в I-II вв. н.э. поверхность холма использовалась под кладбище (Бердимуратов, Раимкулов, Холматов, Франческини, Мантеллини, 2004, с.51-56). Как показали многолетние раскопки Самаркандского го-

Рис. 2

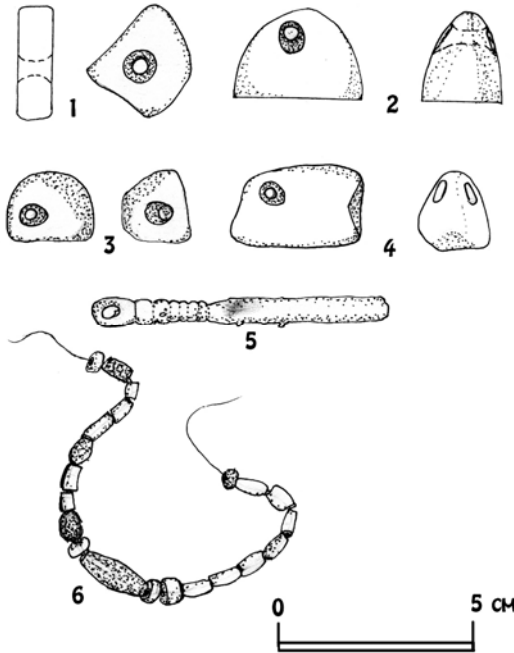

Рис. 3

сударственного университета, территория кишлака Сазаган была освоена человеком ещё в эпоху палеолита. Кроме того, здесь найдено несколько пещерных стоянок неолитических племен, археологические материалы бронзового века и т.д.

Во время археологических раскопок на Бойсаритепа обнаружено и исследовано 5 погребений.

В самом южном конце Бойсаритепа располагается небольшой холм округлой формы, диаметром

около 12 м, высотой 2–2,5 м. На вершине холма имеется участок, покрытый крупными булыжниками. Данный холм рассматривался как курганное захоронение и поэтому был обозначен как курган 1 (К–1).

В 2005 г. от конца склона кургана 1 к северо–востоку заложен раскоп в виде траншеи размерами 20х5 м. На этом участке на поверхности холма в трех местах зафиксированы могилы. После снятия дернового слоя холма были выявлены контуры этих трех могил. Две из них подверглись раскопкам (курганы 5 и 6).

Курган 5. Могила расположена на расстоянии 5–6 м к северо–востоку от кургана 1. Диаметр насыпи 3,5–4 м она слегка возвышается над поверхностью холма. Насыпь состояла из небольших камней разного размера с включением рыхлой комковатой земли. Во время снятия насыпи часто встречались обломки керамических сосудов раннеэллинистического времени.

Размеры могильной ямы измерить было невозможно, поскольку она была выкопана в очень рыхлом культурном слое раннеэллинистического времени. Она имеет удлиненную форму с аморфными углами и вытянута по направлению с юго–востока на северо–запад. Погребальная камера была вырыта с правой стороны примерно на 20–25 см ниже дна могильной ямы, в очень твердом красноватом материковом слое. Погребальная камера была закрыта крупными горными и речными камнями. Длина погребальной камеры 1,80 м, ширина 0,65–0,75 м (рис. 1). На дне погребальной камеры в северо–западном направлении лежал скелет женщины в вытянутом положении на спине, с вытянутыми руками и ногами. Скелет находился на глубине 1,60 м от дневной поверхности холма. Из-за его плохой сохранности размеры черепа не удалось измерить. Между ногами находилось несколько предметов: железные трубочки (рис. 4, 1–2), железное колечко (рис. 4, 4), два маленьких железных ножа (рис. 4, 5–6), железная бляшка от ремня (рис. 4, 3), железный предмет для соединения двух пересекающихся кожаных ремней, видимо, от конской сбруи (рис. 4, 11), бронзовая шпилька с одним отверстием для шнура в плоском конце (рис. 3, 5), плоское, круглое костяное пряслице (рис. 4, 7). Среди находок имелось четыре каменных изделия. Одно из них из черного камня, плоское, со всех сторон тщательно отшлифовано, в середине имеется отверстие, видимо, для подвешивания. Толщина его 8 мм, диаметр 2,5 см (рис. 3, 1). Другой предмет

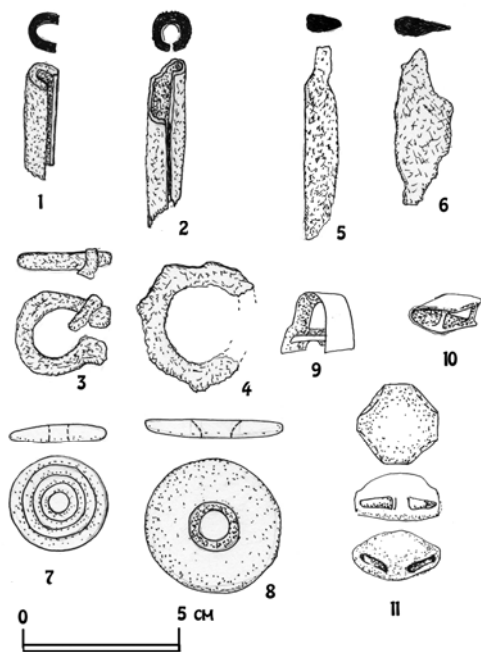

Рис. 4

из белого известняка, нижняя его часть плоская, в верхней части имеется отверстие для подвешивания. Длина нижней плоской части 3,1 см, ширина 1,9 см, высота 2,3 см (рис. 3, 2). Третий предмет темно-коричневого цвета, тоже утюгообразной формы, но изготовлен из другой породы камня, только нижняя часть отшлифована. Длина нижней плоской части 2,9 см, ширина 1,8 см, высота 2,2 см, в верхней части имеется отверстие для подвешивания (рис. 3, 4). Четвертый предмет из коричневого камня, имеет форму четверти шара, с двух сторон отшлифован. Высота его 2,2 см, ширина обеих плоских частей по 1,7 см, в верхней части имеется отверстие для подвешивания (рис. 3, 3). Назначение каменных предметов точно неизвестно, наличие отверстия у всех предметов наводит на мысль, что они могли использоваться в качестве оберегов. Женщина была захоронена с шейным ожерельем из различных бусин (рис. 3, 6). Бусы в основном цилиндрической формы из стеклянной пасты светло-коричневого и черного цветов, в середине, видимо, находилась более крупная бусина из красновато-оранжевого сердолика. Среди них имеется один позолоченный экземпляр и одна бусина из зеленой бирюзы.

Курган 6. Могила расположена к западу от кургана 5 на расстоянии около 1,5 м. Как и в кургане 5, размеры этой могильной ямы также не удалось измерить, поскольку она тоже вырыта в рыхлом грунте. Она была заполнена камнями и имела, видимо, четырехугольную форму, вытянутую в направлении С-Ю. Погребальная камера находилась с правой стороны, примерно на 20–25 см ниже дна могильной ямы, в твердом красноватом материковом слое, но, как в

из белого известняка, нижняя его часть плоская, в верхней части имеется отверстие для подвешивания. Длина нижней плоской части 3,1 см, ширина 1,9 см, высота 2,3 см (рис. 3, 2). Третий предмет темно-коричневого цвета, тоже утюгообразной формы, но изготовлен из другой породы камня, только нижняя часть отшлифована. Длина нижней плоской части 2,9 см, ширина 1,8 см, высота 2,2 см, в верхней части имеется отверстие для подвешивания (рис. 3, 4). Четвертый предмет из коричневого камня, имеет форму четверти шара, с двух сторон от-

кургане 5, не была отделена от могильной ямы. Длина погребальной камеры 1,90 м, ширина 0,70–0,80 м (рис. 1). На дне погребальной камеры в северо-западном направлении лежал скелет мужчины в положении на спине с вытянутыми руками и ногами. Скелет сохранился достаточно хорошо. Погребального инвентаря в могиле не имелось. Интересная деталь - в этой могиле похоронен мужчина - воин, который погиб от стрелы. В районе горла умершего найден железный наконечник стрелы, который был воткнут между двумя позвонками. Скелет находился на глубине 1,60 м от дневной поверхности.

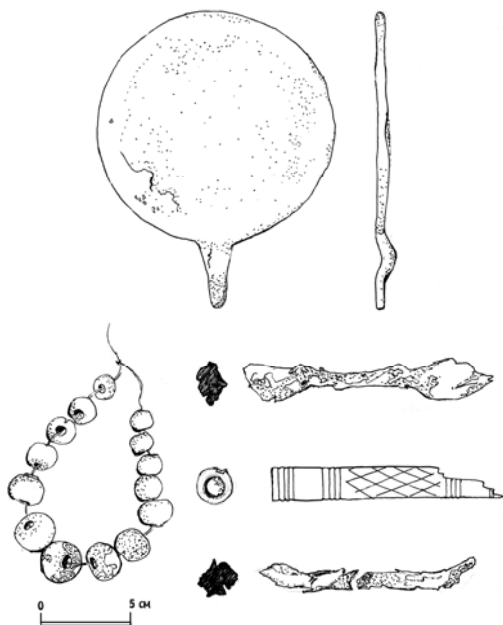

Рис. 5

Курган 7. Курган расположен к северу от кургана 1, на расстоянии более 20 м. Могильная яма была, видимо, вытянутой формы, но нам не удалось точно обнаружить ее границ.

На дне погребальной камеры головами на запад в положении на спине, с вытянутыми руками и ногами лежали три скелета: один женский и по обе стороны от него - два детских скелета. По определению антрополога С. Мустафакулова, женщина умерла в возрасте около 30-35 лет, дети умерли в возрасте около 8-10 и 13-15 лет. Кости умерших очень плохой сохранности. Маленький детский скелет и правая нога женщины были полностью раздавлены крупным камнем, упавшим сверху. Рядом с женским скелетом лежало два пластинчатых наконечника какого-то деревянного предмета с двумя гвоздями - заклепками. Наконечники были сначала подготовлены в виде тонкой четырехугольной пластины, потом согнуты посередине и два конца закреплены двумя заклепками (рис. 4, 9-10). Между но-

гами женского скелета найден железный штырь, видимо, от ручки ножа с остатками деревянной рукоятки. Рядом со штырем найдена костяная трубка с гладкой отшлифованной поверхностью и процарапанным орнаментом в виде пересекающихся косых линий. В четырех местах имеются вертикальные процарапанные линии по кругу. Возможно, это была рукоятка какого-то предмета (рис. 5, 4). У стопы правой ноги детского скелета стоял целый одноручный кувшин, справа от женского скелета возле черепа лежало бронзовое зеркало с боковым штырем для ручки. Диск зеркала очень неровный диаметром 8,7 см (рис. 5, 1). На правой руке женщины имелся браслет с почерневшей прозрачной стеклянной бусиной диаметром 8-14 мм с отверстиями для шнура (рис. 5, 2).

В 2004-2005 гг. в северной и западной частях поселения для уточнения существования обводной стены заложены два раскопа в виде траншей. В обоих местах выявлены остатки каменной ограды длиной 8 и 6 м, не менее 2,5 м толщины. Для крепления стены была использована глина. Интересно, что во время раскопок западной стены обнаружены обломки сырцовых кирпичей, которые использовались для постройки обводной стены. Размеры кирпичей измерить не удалось из-за их фрагментарности.

В 2005 г. впервые начаты раскопки в южном конце освоенной территории Бойсаритепа. Как отмечалось выше, холм был обозначен как курган 1 (К-1). Раскоп заложен на восточном склоне холма. Здесь обнаружены остатки каменной стены. Она вскрыта на 6-метровую длину. Ширина ее составляет 70-80 см, высота - 30-80 см. Функциональное назначение и время постройки стены пока не определены. Возможно, она является остатками жилища или некрополя.

Наличие мощных культурных слоев и каменной ограды показывает, что на вершине естественного холма Бойсаритепа в раннеэллинистическое время в течение приблизительно полутора столетий функционировало оседлоземледельческое поселение, население которого занималось земледелием и скотоводством, на что указывают находки обломков каменных зернотерок и жерновов. Территория долины Сазагансая, где расположен кишлак Сазаган очень удобна для поливного земледелия. Архитектурные остатки древнего поселения пока не обнаружены. Население, видимо, жило в жилищах типа полуземлянок, как на поселении эллинистического времени

Курганча, в кишлаке Боташ Гузарского района Кашкадарьинской области (Хасанов, 1990). Здесь мы не будем останавливаться на характеристике поселения эллинистического времени, поскольку все наше внимание во время раскопок уделялось изучению погребений могильника.

Курганы около кишлака Сазаган впервые обследовались в 1963 г. О.В. Обельченко (Обельченко, 1966, с.66-81). Погребения, которые изучались О.В. Обельченко, были вырыты в естественном грунте и имели каменные насыпи, поэтому конструкция и типы этих погребений легко поддавались обследованию. Погребения курганов 5 и 6, скорее всего, являлись подбойными, поскольку они находились на глубине чуть более 1,5 м от дневной поверхности. Кроме того, камни, которые имелись между могильной ямой и погребальной камерой, прослеживались по всей длине погребальной камеры. Дно погребальной камеры кургана 7 находилось на глубине более 2,5 м. Данное погребение, видимо, являлось катакомбным, т.к. вышеотмеченная конструкция курганов 5 и 6 здесь не наблюдалась. Крупный камень, который полностью раздавил скелет мальчика, возможно, закрывал небольшой вход погребальной камеры кургана 7.

Курганы с каменными насыпями широко известны практически по всей территории Средней Азии с VIII–VII вв. до н.э. и вплоть до конца раннесредневекового времени. Подобные курганы, в основном, были распространены в горных и предгорных территориях, где имелось много камней. Курганы с каменными насыпями в северной части Средней Азии известны в Кунгайском (Горбунова, 1963, с. 171), Вуадильском (Гамбург, Горбунова, 1959, с.9) и в Суфанском могильниках Ферганской долины. Курганы подобной конструкции известны в верхнем Зарафшане, в бассейне Магиандарьи (Ставиский, 1959, с.66). В южных районах Средней Азии подобные погребения известны также в Тулхарском могильнике (Мандельштам, 1961, с.49).

Инвентарь, который сопровождал погребенных и обряд захоронения также находит широкие аналогии в погребальных памятниках Средней Азии. Ассортимент инвентаря во многих могильниках очень близок. Железные кольца и ножи, бляшки для ремней и конской сбруи, стеклянные бусины и бусины из полудрагоценных камней, бронзовые зеркала, различные предметы из кости, керамические сосуды и т.д., часто встречаются в погребениях с I тыс. до н.э.

и вплоть до конца раннего средневековья. Одноручный кувшин, подобный нашему, зафиксирован О.В. Обельченко в кургане 1 близ этого же кишлака (Обельченко, 1966, с.68). Бронзовые зеркала, как один из предметов женского туалета, широко распространены в погребальных памятниках Средней Азии и сопредельных территорий. Аналогичное зеркало из Лявандакского могильника датировано II в. до н.э. - I в. н.э. (Обельченко, 1962, с. 48-50, рис. 16, 1-2). Зеркала со штырем для ручки известны по материалам Койкрылганкала и датируются I-II вв. н.э. (Койкрылганкала – памятник культуры древнего Хорезма..., с. 147-148, рис. 59, 2; Ягодин, Ходжайов, 1970, с.120, рис. 51. 1). Железные пластинчатые наконечники обнаружены в одном из погребений курганной группы Джузкудук–2 в центральных Кызылкумах и датировались III–II вв. до н.э. (Манылов, Абдиримов, 1990, с. 207, рис. 2, 10-13). Бронзовое зеркало также имеет широкие параллели и подобные зеркала датированы Б.А. Литвинским I в. до н.э. – II-III вв. н.э. (Литвинский, 1971, с.43-47).

Положение различных предметов между ногами ниже тазовой кости в наших курганах отмечено дважды. Видимо, такой обряд тоже был распространен, поскольку в одном из погребений курганной группы Джузкудук–2 тоже отмечен подобный случай (Манылов, Абдиримов, 1990, с. 208).

Таким образом, значительное количество погребений (их насчитывается более сорока) наводит на мысль, что здесь хоронили представителей местного оседлого населения. Следовательно, среди местного населения одновременно были распространены катакомбные и подбойные типы захоронений, которыми широко пользовались кочевники и скотоводы Средней Азии. По вышеприведенным аналогиям мы датировали наш могильник II-IV вв. н.э.

Параллельно с археологическими исследованиями на Бойсаритепа группа археологов Самаркандского госуниверситета проводила раскопки на памятниках эпохи палеолита и расположенных вокруг кишлака Сазаган неолитических стоянках Тепакул и Очилгор. В Очилгоре обнаружены остатки несколько очагов с прослойками золы и угля. Во время разведок вдоль Сазагансая, Куруксая, Чучкалисая и Камаркуруксая выявлено около 30 пунктов, где имелись культурные слои первобытного периода. Членами отряда собрано более тысячи различных предметов из камня.

Литература

1. Бердимуратов А.Э., Раимкулов А.А., Холматов Н., Франческини Ф., Мантеллини С. Результаты исследований Узбекско-Итальянской экспедиции в Самаркандской области // Археологические исследования в Узбекистане - 2003 год. Ташкент, 2004.
2. Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Археологические работы Ферганского краеведческого музея в 1953-1954 гг. // История материальной культуры Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1961.
3. Горбунова Н.Г. Кунгайский могильник // Гос.Эрмитаж. Археологический сборник. Вып. 3. Ленинград, 1963.
4. Кой-крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. V. Москва, 1967.
5. Литвинский Б.А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал // Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971.
6. Мандельштам А.М. Новые данные о Тулхарском могильнике по работам 1958 г. // Труды Института истории АН ТаджССР. Том XVII. Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Вып. 6. Душанбе, 1961.
7. Маньлов Ю.П., Абдиримов Р. Курганы III–II вв. до н.э. в курганной группе Джузкудук–2 // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
8. Обельченко О.В. Бронзовые зеркала Лявандакского могильника // КСИ-ИМК, вып. 91. Москва, 1962.
9. Обельченко О.В. Сазаганские курганы // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 7, Ташкент, 1966.
10. Ставиский Б.Я. Археологические работы в бассейне Магиандарьи в 1957 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Вып. V. Душанбе, 1959.
11. Хасанов М. Античные сельские поселения Южного Согда // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 1990.
12. Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

А.Э. Бердимуратов, Б.Х. Матбабаев, С. Мантеллини, Б. Ронделли.
(Самарканд, Болонья)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ КАФЫР-КАЛА

В 2005 г. отдельный археологический отряд совместной узбекско-итальянской экспедиции продолжал раскопки, начатые в 2001-2002

гг. на городище Кафыр-кала, расположенном на левом берегу канала Даргом, в 12 км к югу от Самарканда.

Перед участниками работ была поставлена задача: получить новые данные об архитектуре цитадели Кафыр-калы в канун арабского нашествия. Исходя из этого, в отчетном году был расширен раскоп 2003 г. (рис. 1). В процессе археологических работ зафиксированы остатки трёх строительных горизонтов. Каждый строительный горизонт выделяется на основании наличия полов, очагов и соответствующих строительных остатков.

Первый строительный (верхний) горизонт выделен условно, так как на этом уровне строительных остатков не сохранилось. В перемешанных слоях встречаются отдельные фрагменты керамики X-XI вв. и кости животных.

Во втором строительном горизонте верхний пол вскрыт на глубине 5-5,20 м от реперной точки. Пол отмечается по всей площади раскопа, а в углу юго-восточного сектора удалось выявить строительные остатки, видимо, связанные с сооружением временного жилища. Жилище это имело столбовую конструкцию, так как сохранились ямки от деревянных столбов, которые имеют круглую в плане форму. Нами зафиксированы два вида столбовых ямок, которые различаются по диаметру. Самые первые маленькие отверстия имели диаметр до 5-6 см и глубину до 15-20 см; другие имели диаметр до 15 см, глубину 20-30 см. Как показало расположение выявленных ямок от деревянных столбов, вышеупомянутые жилища были легкого типа, подобные известны в этнографических исследованиях как навес (или айван). Видимо, с постройкой этих сооружений были связаны ремонтные работы, зафиксированные по всей площади раскопа. Для этого были сnivelированы и утрамбованы строительные остатки предыдущего периода и возведены сооружения II-го строительного горизонта.

Как уже отмечалось, в этом периоде осуществлены строительные работы на цитадели, в частности, подвергалась ремонту юго-западная внешняя стена. «Ремонтная рубашка» стены произведена двумя способами: 1) сильно разрушенные части стены облицованы кирпичной кладкой, размеры кирпичей составляют 24x?x8см, 24x?x8,5 см; 2) незначительно разрушенные участки стен выравнивались глиной, иногда поверх старой пахсы наращивался тонкий слой свежей пахсы. В этот же период отремонтирован и вход в цитадель.

Для этого во внутренней части входа с двух сторон сооружена ремонтная кладка из сырцовых кирпичей шириной 60-65 см (размеры кирпичей 42x24x11 см, 42x24x10 см). Таким образом, если первоначальная ширина ворот составляла 2,80 см, то на втором строительном горизонте, т.е. после ремонта, её ширина уменьшена до 1,60 см. На обеих стенах сохранились следы деревянных брусков, что свидетельствует о том, что ворота были деревянными.

По направлению юго-западной внешней стены цитадели Кафыркала зафиксированы три очага. Первый очаг расположен ближе к юго-восточному углу раскопа и, судя по сохранившейся части, он имеет несложную конструкцию. Поверхности стены вокруг очага сильно прокалены до красного цвета; на полу золы серого цвета. Очаг № 2 находится в 1,2 м от угла по левой стороне входа в цитадель и заключён в теле основной стены. Он имеет полукруглую в плане форму диаметром 50 см. Очаг № 3 обнаружен на расстоянии 6,25 м к западу от очага № 2. Он также возведен в теле внешней стены путем горизонтального углубления и имеет полукруглую в плане форму и диаметр 60-65 см. По всей видимости, с этим горизонтом связано скопление жжёных плиток из слоев 10-11 в разрезе северо-западного сектора (размеры плиток: 24x?x3 см; 24x?x2,5 см).

III строительный горизонт связан с основным этапом жизнедеятельности цитадели и соответствует второму полу. За прошлые полевые сезоны на цитадели Кафыркалы вскрыта часть монументального сооружения, относящегося к раннему средневековью. В отчетном сезоне раскопана большая часть южной половины территории, прилегающей к юго-западной стене. Таким образом, в настоящее время на цитадели с внутренней стороны почти полностью вскрыта юго-западная стена и ворота с привратными сооружениями. Как показали результаты раскопок, вдоль юго-восточной и юго-западной частей цитадели было возведено большое здание дворово-айванного типа, перекрытие которого держалось на многочисленных деревянных колоннах. Внутренние части этого сооружения были богато украшены деревянной резьбой, о чем свидетельствуют многочисленные полуобгорелые деревянные балки и доски. На некоторых фрагментах сохранились следы резьбы. Естественно, в результате сильнейшего пожара колонны, балки и базы колонн сгорели. От баз колонн сохранились только их основания; они располагались в юго-западной части в два ряда в числе 12 шт., а также в западной части в

один ряд в количестве 5 шт. Сохранились следующие разновидности оснований и нижних частей баз от колонн: а) отпечатки от базы колонны; б) основание базы в форме четырехугольной пирамиды с остатками обугленного дерева; в) нижняя часть баз из сырцовых кирпичей, поверх которых были горизонтально сложены деревянные брусья. Базы колонн и их основания, надежно фиксировавшие деревянные колонны, выполнены и обработаны очень тщательным образом. Для увеличения прочности применены разные способы: 1) основания баз обработаны путем уплотнения глины с добавлением булыжников разных размеров; 2) изготовление оснований баз комбинированным способом: сначала кирпичная кладка, поверх которой положены деревянные брусья; 3) основание баз выложено только из сырцового кирпича; кирпичи, по-видимому были специально изготовлены из глины хорошей отмучки.

В местах расположения баз от колонн в результате сильного пожара пол прокален до красного цвета; вследствие этого некоторые участки пола частично разрушены. Пол цитадели не был ровным и имел плавный уклон к центру. В центре зала обнаружены остатки водоотвода. Водоотвод состоит из горизонтально уложенных в один ряд керамических кубуров. На определенных расстояниях в кубурной системе оставлены своего рода маленькие «люки» для очистки водопроводной сети. Водоотводная сеть проведена от центра вскрытого участка через вход далее до пандуса и вниз за пределы цитадели. Одной из особенностей цитадели является то, что на вскрытых участках вдоль внутренней части южной стены возведены суфы. Причем суфы правой части входа отличаются от левосторонних. Суфа правой части шириной 140 см, длина раскопанной части 9,75 м, высота 65 см. Левая суфа двухступенчатая: ширина верхней суфы 100 см, длина сохранившейся части 9,10 м, высота 65 см, ширина нижней суфы 110 см, длина сохранившейся части 7,75 м, высота 35 см.

Кафыркалинские суфы возведены монолитно, видимо, из пахсовых блоков. А что касается двухступенчатой суфы, она также возведена одновременно из пахсовых блоков. Это показывает стратиграфическое положение их и наличие одновременных баз колонн на верхней и нижней суфах. Все они вписываются в единый архитектурный план строительства цитадели. В строительстве айвана по периметру цитадели использована сложная деревянная конструкция,

остатки которой зафиксированы на полу в виде обугленных остатков деревянных балок. Деревянные балки, использованные в продольных и поперечных грузонесущих конструкциях имели диаметр 20 и более сантиметров. Судя по расположению перекрытия, здание было плоское. Внутренние части сооружения были богато украшены резьбой геометрических форм, об этом свидетельствуют фрагменты обгоревших бревен.

Во время раскопок на цитадели Кафир-калы обнаружены многочисленные предметы из камня, железа, бронзы и дерева. Среди них следует отметить буллы, которые дают ценную информацию для изучения административного управления и внешних связей ранне-средневекового Согда. В отчетном году обнаружено 84 буллы. Они найдены на поверхности 3-го пола, где также были выявлены две монеты Тюргара, датируемые 710-738 гг. Это дата не противоречит историческим событиям, происходящим в начале и середине VIII в. Сохранность булл различная, есть целые, а от некоторых сохранились лишь обломки. На 24 буллах имеются полноценные сюжеты. Печати, которыми делали оттиски на буллах, были разных типов и поэтому отличаются друг от друга размерами, сюжетами и качеством. Как показывает анализ булл, некоторые из них представляют собой изображения на перстнях, многие оттиснуты геммами-инталиями.

Сюжеты изображений на буллах можно разделить на три группы: 1) антропоморфные изображения, 2) зооморфные изображения и 3) символические изображения. На 14 буллах имеются антропоморфные изображения, на 7 буллах - изображения птиц и животных, а на 3 буллах сюжеты повторяются, т.е. они были оттиснуты одной и той же печатью и были посланы в Кафир-кала одним и тем же отправителем.

Портретные изображения на буллах, как правило, даются в профиль вправо. Мужчины изображены с пышной прической и бородой. Только в одном случае на булле в сасанидском стиле человек изображен в фас. На его голове корона, над короной изображены полумесяц и солнце. На левой стороне изображения надпись. На буллах с зооморфными сюжетами встречаются изображения петуха, слона, оленя, зайца и газели.

Третья группа булл имеет геометрические изображения и составляет очень малый процент от общего числа. На них имеется ромби-

ческая фигура, как нам кажется, выполненная ногтевыми вдавлениями отправителя писем. В целом кафыркалинские буллы являются ценным археологическим источником и находят аналогии в коллекции Пенджикентских и Мугских булл, которые датированы временем перехода к раннему средневековью (Фрейман, 1934. С.34-36).

Большой набор гончарных изделий характеризуется преобладанием прежде всего столовой парадной посуды, что вполне естественно для цитадели.

Археологические комплексы с учетом стратиграфических наблюдений предварительно можно сгруппировать по следующим хронологическим этапам:

1. Первая половина VIII в. (III строительный горизонт).
2. Вторая половина VIII в. (II строительный горизонт).
3. IX—конец X в. (I строительный горизонт).

Таким образом, вскрытое в цитадели Кафыр-калы здание относится к кругу сооружений, известных нам как дворцово-айванная система с помещениями (Хмельницкий, 2002. С. 55). Аналогичные здания известны в доисламской архитектуре Хорезма, Согда и других регионах (Байматова, 2003. С. 23-24, Заднепровский, 1983. С. 55-56). Они обнаружены как в культовых, так и в светских зданиях. Среди них можно отметить ближайшую аналогию в архитектуре храма Джартепа, где в центральном зале и вестибюле широко употреблены деревянные колонны. В вестибюле храма Джартепа зафиксированы 12 баз от колонн, а в центральном зале 8 баз от колонн (Бердимуратов, Самибаев, 1999. С. 18-31). Размеры базы колонн, формы их во многом совпадают с кафыркалинскими.

В заключение отметим, что среди сооружений дворцово-айванной системы здание с большим айваном с колоннами и суфами, обнаруженное в Кафыр-кале, выделяется своей грандиозностью и монументальностью. Мы думаем, что городище Кафир-кала расположено на месте раннесредневекового селения Риврад. По сообщениям арабского географа Ибн Хаукаля в нем было местопребывание самаркандских правителей-ихшидов и здесь же находились ихшидские замки (Бетгер, 1957. С.17). Кафыр-кала является замком, в котором жили ихшиды, о чем свидетельствует мощная фортификация, парадная архитектура, а также наличие многочисленных булл. Некоторые исследователи идентифицируют селение Риврад с Тали-

барзу, расположенным на правом берегу канала Даргом (Grenet F. and E. de La Vaissiere, 2002). При этом эти исследователи забывают об одном важном сообщении Ибн Хаукаля о том, что селение Риврад входило в состав согдийского рустака Маймург. Как известно, вышеупомянутый рустак был расположен на левом берегу канала Даргом и центром его считается городище Кулдортепа в Ургутском районе Самаркандской области.

Литература

1. Фрейман А. Описание рукописных документов, извлеченные из развалин здания на горе Муг. Согдийский сборник. Ленинград, 1934.
2. Хмельницкий С.Г. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Берлин-Рига, 2002.
3. Байматова Н. Айван и её истоки. «Центральная Азия». Источники. История культуры. Москва, 2003.
4. Бердимуродов А.Э., Самибаяев М.К. Храм Джартепа. Ташкент, 1999.
5. Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абул Касима ибн Хаукаля. Труды САГУ, Вып. С XI. Ташкент, 1957.
6. Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории Ошского оазиса // КСИА, Москва, 1983. Вып. 176.
7. Crenet F. and E. de la Vaissiere, 2002. The Last Days of Panjikent. Silk Road Art and Archaeology, 8.

А.Э. Бердимуродов, Б. Черосетти, Ш.А. Рахманов, Б. Ронделли
(Самарканд, Болонья)

НОВЫЙ ПУНКТ КУЛЬТУРЫ ЛЕПНОЙ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ В ЗАРАФШАНСКОЙ ДОЛИНЕ

Джам расположен на трассе основной дороги, ведущей из Бактрии в Мараканду, на территории доисторической Согдианы. Находки, отмеченные в Джаме с конца XX в. дают основание считать, что он имел важное значение на торговом пути и являлся одним из пунктов маршрута Александра Македонского на пути к столице Согда. И не случайно степь к западу от Джама и поныне называется Дашти Искандар. Местность имела значение и в последующее греко-бактрийское время, что подтверждается находками греко-бактрийских монет (Абдуллаев, 2000; Абдуллаев, Еркулов, 2004). На самом деле Джам является приграничной между кочевой степью и оседлой горной зоной. Физико-географическая характеристика региона под-

робно дана предыдущими исследователями. В административном отношении он входит в Самаркандский вилоят, занимая приграничную с Кашкадарьинским вилоятом зону (Аванесова, Шайдуллаев, Еркулов, 2005, с.12-13).

История археологического изучения региона кратка. Она началась с разведочных работ Самаркандского музея-заповедника в 1936 году, открывших расположенную в горах у Джама плотину Гишбанд. Затем плотина была обследована Махандарьинским археологическим отрядом Института истории и археологии АН УзССР (Мухамеджанов, 1966, с. 162-167). Далее в связи с изучением рудных месторождений регион обследовался отрядом СамГУ (Аванесова, Шайдуллаев, Еркулов, 2005, с.17). В 1998 году отрядом Института археологии АН РУз под руководством А.Э. Бердимуратова произведены зачистки могильных ям в местности Галашерик. Результаты этих работ освещены в журнале «Иран и Туран» (Avanesjva, Sajdullaev, Erkulov, 2001) и в сборнике МИЦАИ (Аванесова, Шайдуллаев, Еркулов, 2005). Таким образом, интерес к изучению региона Джам растет. В 2005 году к изучению Джама приступил отряд Узбекско-Итальянской экспедиции Института археологии АН

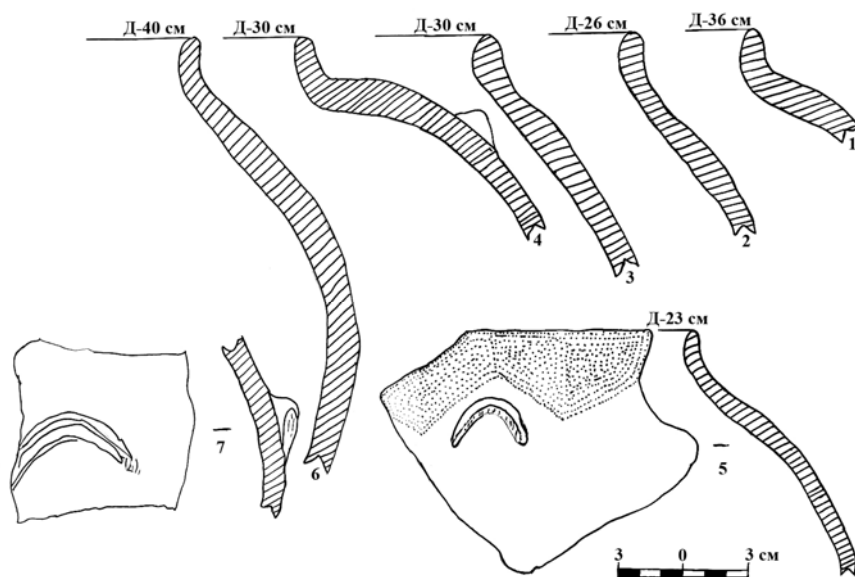

Таблица 1

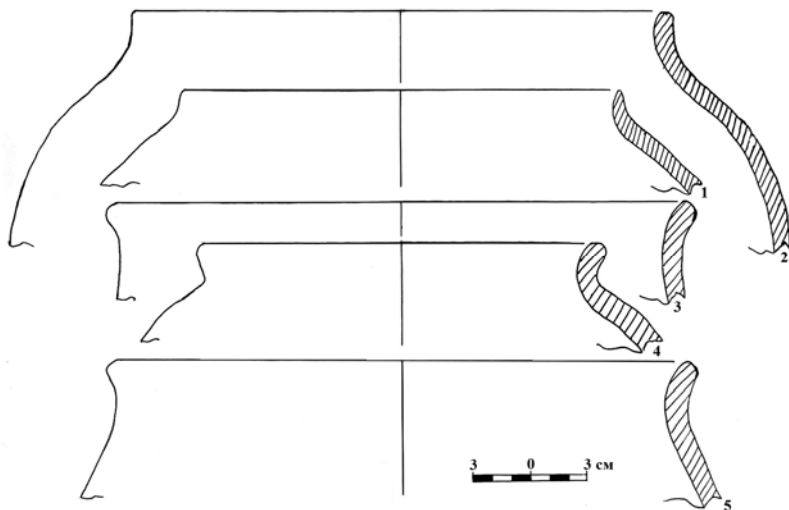

Таблица 2

РУз и Университета Болоньи. Данное сообщение посвящается предварительным результатам первого сезона работ отряда.

После открытия могильника Галашерик, встал вопрос о расположении самого поселения. В 2004 году А. Еркуловым в обрыве Амандарасая найдено несколько фрагментов керамики, которые по фактуре очень близки к материалам из Галашерика. Местность ограничена с северо-запада Амандарасаем, а с юго-востока Джаром (оврагом), который образовался при размыве Уртабулака. Таким образом, между Амандарасаем и Джаром отделился участок, орошаемый водой Уртабулака. Данный участок только в верхней части орошается водой Амандарабулака. Как утверждают местные жители, когда Джара еще не было, Галашерик питался водой Уртабулака. По информации старожилов, на данном участке больших земляных работ не производилось, современная орография местности практически сохранила древнюю систему. Поэтому поселение следует искать ближе к водным источникам, т.е., у истоков родников.

В отчетный период нами заложены контрольные шурфы на месте, где была найдена керамика. Первый шурф (4x3 м) заложен в 3 м к юго-востоку от обрыва. Сначала были сняты слои дерна (5-8 см). Ниже шли агрокультурные слои толщиной 10-25 см. Далее следовали слои песка с лессом. В северо-западном углу прослежен слой

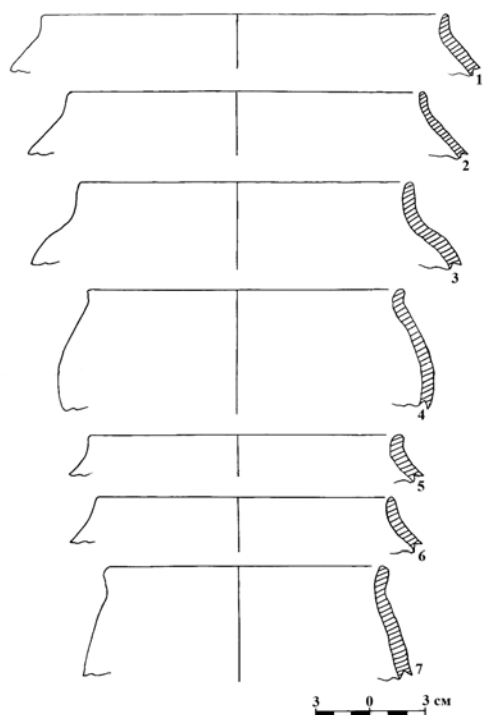

Таблица 3

охватывал в рельефе следы современного арыка, который упирался в обрыв сая. Разрез расширен именно на том месте, где была найдена керамика. В обрыве сая, в разрезе вырисовывалась следующая картина. В начале следовали слои черного песка, которые чередовались со слоями желтого песка. На уровне 50-60 см от поверхности было расчищено несколько ямок, размерами 6-8 см в диаметре. Они расположены бессистемно. Внешне они большей частью напоминают норы грызунов. На материковом слое прослежен черный слой песка.

Во втором шурфе получен небольшой комплекс керамики, который позволяет предварительно датировать время обживания данного участка. Керамика получена, в основном, в слое песка с лёссом в различных частях шурфа. Она лежала в большинстве случаев кучами. Керамический материал представлен изделиями ручной лепки. Это полусферические чаши различных форм, горшкообразные сосу-

гавия, указывающий на возможность нахождения здесь остатков древнего русла арыка. С уровня 1,15 м прослежен уровень материка. В шурфе археологического материала не найдено.

Второй шурф заложен в 15 м к северо-востоку от предыдущего. Первоначально он имел размеры 3x4 м, а затем был расширен до 6x4,5 м. Поверхность данного участка представляла собой последнюю террасу основной территории и к западу выходила к обрыву Амандарасая. В шурфе первые 10-15 см представлены слоями дерна. Далее следовали слои песка с лёссом. Юго-восточный угол шурфа

ды, хумча и котлы. Хумча (табл. I, 1-6; II, 2, 3-5) с шаровидным туловом, прямым округлым в сечении притупленным венчиком. На некоторых экземплярах имеется декоративная шишечка-имитация ручки на плечике (табл. 1, 4). Диаметр венчиков хумча различен - от 26 до 40 см. Сформованы они вручную, в смеси черепка - песок и слюда, входящие в состав местного сырья. Из-за неравномерного обжига внешняя поверхность отслаивается. Некоторые фрагменты керамики имеют светлый ангоб. На внешней поверхности одного фрагмента венчика хумча имеется часть процарапанного орнамента треугольного очертания (табл. IV, 5).

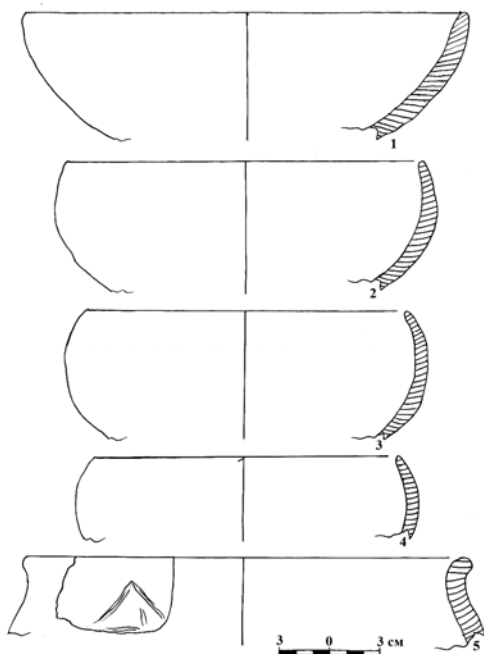

Таблица 4

Острые треугольника обращено вверх. Подобная орнаментация рассматривается как влияние степных культур на оседлые культуры, которое имело место на последней стадии культуры Сапалли (Рахманов, Шайдуллаев, 1985, с.61). Горшкообразные сосуды с округлым в сечении, слегка отогнутым наружу венчиком (табл. III, 1-7). Диаметр венчика 20-30 см. Черепок в изломе светло-коричневого цвета, с наружной стороны имеет светлый ангоб. Примечательно, что на одном сосуде (табл. I, 5) на плечике имеется имитация подковообразной ручки, по внешней поверхности горловины нанесена роспись красного цвета в виде горизонтальных треугольников, обращенных остриями вниз. Следы подобной росписи имеются и на других мелких фрагментах. Аналогичная расписная керамика обнаружена на Турткультепа в Южном Согде и датируется первой четвертью первого тысячелетия до нашей эры (IX-VII вв. до н.э) (Исамиддинов, Раимкулов, 1990, с.33, рис. 7, 1,16; с.37). Аналогичная орнаментация встречена в слоях Кучук II и Коктепа II

(Исамиддинов, 2002, с. 198, рис. 164). Среди керамики особое место занимают чаши (табл. IV, 1-4). Они по профилю венчика практически не отличаются, имеются открытые формы (1) и со слегка загнутыми вовнутрь венчиками (табл. IV, 2-4). Тесто чаш розовое и различных оттенков коричневого цвета с примесью слюды и песка. Подобные формы чаш встречаются во многих памятниках культуры лепной расписной керамики, но наши образцы чаш не имеют росписей. Это, скорее всего, связано с небольшим объемом раскопок. Среди керамики имеются несколько фрагментов котлов (табл. I, 7) с налепной ручкой на плечике. Аналогичные ручки котлов характерны для эпохи поздней бронзы и раннего железа культуры Кучук, а также для нижних слоев городища Коктепа (Исамиддинов, 2002, с.108, рис. 102-104).

Таким образом, в отчетном сезоне в Джаме впервые были отмечены находки культуры лепной расписной керамики, аналогичной материалам Коктепа I, Коктепа II, Турткультепа и Яздепе I. Дальнейшие раскопки, возможно, позволят определить место Джамы в системе культуры лепной расписной керамики в Зарафшанской долине.

Литература

1. Абдуллаев К.А. Тетрадрахма Антиоха I из кишлака Хаприн // Нумизматика Центральной Азии. Ташкент, 2001.
2. Абдуллаев К.А., Еркулов А. Тетрадрахма Гелиокла из Джамы // Археологические исследования в Узбекистане - 2003. Ташкент, 2004.
3. Аванесова Н.А., Шайдуллаев Ш.Б., Еркулов А. К вопросу о культурной принадлежности Джамских древностей эпохи палеометалла // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд-Бишкек, 2005.
4. Avanesova N.A, Sajdullaev S., Erkulov A. Dzam-ein newer bronzezeileichen Fundort in den Sogdiana // Arhaologishe mitteilungenaus Iran und Turan, № 33, Berlin 2001.
5. Исамиддинов М.Х., Раимкулов А. Турткультепа - новый памятник эпохи финальной бронзы в Южном Согде // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
6. Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.
7. Мухамеджанов А.Р. Изучение древнего водохранилища Гиштбанд в Джаме // ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966.
8. Рахманов У., Шайдуллаев Ш.Б. О влиянии культур степной бронзы на керамические комплексы Сапаллинской культуры // ОНУ, № 11 Таш-

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА ИЗ ТАШКЕНТА

Летом 2004 года в Мирзоулугбекском районе г. Ташкента, в окрестностях Алтынтепа (между ул. Циолковского и ул. Археологической) при земляных работах были обнаружены два керамических неполивных сосуда, которые составляют единый комплекс (рис. 2). По словам владельца участка М. Рузиева, оба сосуда были найдены вместе на глубине почти четырех метров. Уникальность находки состоит в том, что на плечиках одного из сосудов черной тушью нанесена согдийская надпись. К сожалению, М. Рузиев, ссылаясь на «Закон об охране и использовании культурного наследия» от 2001 года, отказался передать их в Государственный исторический музей истории Узбекистана АН РУз. Чтобы информация об этих находках не была утрачена окончательно, ниже приводится их описание.

Первая находка - это одноручный кувшин (рис.1,1). Изготовлен он на гончарном круге. Черепок желтоватого цвета, плотный. Тесто хорошего промеса с добавлением мелкотолченого гипса и легко выгорающих добавок. Обжиг средний. Внешняя поверхность неравномерно покрыта светлым жидким ангобом. Придонная часть тулова практически неангобирована. Тулово сосуда имеет характерную биконическую форму, немного асимметричную, нижняя часть более

раздута на плоском основании. На плоском днище следы среза нитью. Верхняя часть выведена в высокую горловину с манжетовидным венчиком. Последний был образован за счет перегиба верхней части стенок горловины во внешнюю сторону. Изнутри горловины вдоль края

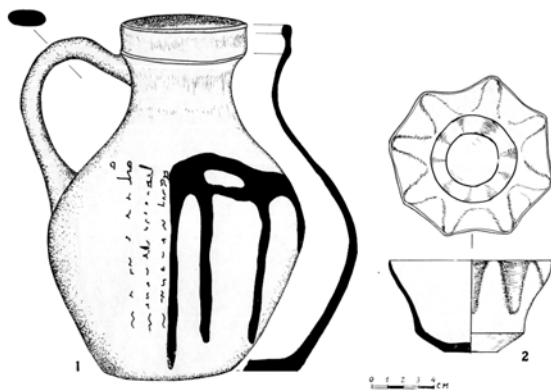

Рис. 1

венчика большим пальцем продавлен широкий желобок. От основания венчика на плечики сосуда опущена ленточная ручка. На отломанном, но сохранившемся фрагменте горловины видно, что с противоположной стороны от ручки защипом был выделен короткий слив – носик. Поверхность сосуда грубовато обтерта. В нижней части имеются вертикальные следы подрезки ножом.

Основная орнаментация – роспись темно-коричневой (почти черной) ангобной краской. Последняя нанесена в виде горизонтальной полосы по плечикам сосуда. В некоторых местах она образует «овальные петли» и стекающие вниз потеки краски. Ручка тоже украшена в верхней части спинки двумя поперечными мазками и одним у основания ручки. Однако горизонтальный пояс росписи не охватывает всю поверхность плечиков сплошным кольцом. Начинаясь с одного края основания ручки, она почти на четверть не доходит до другого. Этот пробел оставлен преднамеренно. Именно здесь черной тушью нанесена надпись в виде вертикальных полос сверху вниз. Совершенно очевидно, что надписи наносились при горизонтальном наклонном положении сосуда. Просматриваются три строчки и часть букв от четвертой строки. Каждая строка начинается с плечиков сосуда.

Надпись выполнена черной тушью, местами уничтожена солями, а также непрофессиональной очисткой поверхности сосуда нашедшим его человеком. Надпись выполнена развитым курсивным письмом, относящимся к VIII в. Следы надписи в виде отдельных букв едва просматриваются в нижней части тулова сосуда под сливом. Возможно, надписи имелись также под основанием горловины в виде вертикальных полос. В настоящее время они едва просматриваются в форме неясных еле различимых пятен.

Размеры: общая высота сосуда – 22 см, ДВ – 7,8 см, ДД – 8,4 см, наибольший диаметр тулова – 6,5 см. Ручка – высота – 8,5 см, ширина – 2,6–2,1 см при толщине 1,3 см. Высота манжета венчика – 2 см.

Форма сосуда, ручки, характер обработки внешней поверхности однозначно позволяют отнести его к типичным образцам бытовой керамики конца VII – середины VIII века. В пользу этого говорит и широкий круг аналогий среди керамики Согда и Чача, особенно среди чачской посуды. Эти кувшины становятся одной из ведущих форм в комплексах Намудлыга, Ханабада, Тункета, Канки и датирую-

ются исследователями VII-VIII веками (Древности Ташкента, 1976, с.20, рис. 7; Буряков, 1966, с.105, рис. 7, 15-18; Левина, 19861, рис. 59, 350).

Вполне вероятно, что сосуд отражает тенденцию, все больше проявлявшуюся к середине - концу VIII века, когда ручка приобретает все большую изогнутость и спинка поднимается над устьем сосуда, что становится характерным для кувшинов следующего этапа.

Второй сосуд представляет собой небольшую неполивную чашечку (рис.1.2). Она изготовлена на гончарном круге. Черепок плотный, в изломе розового цвета. Тесто с примесью мелкоотличеного гипса, обжиг нормальный. Снаружи и изнутри чашечка покрыта светло-бежевым ангобом. Чашечка имеет характерную усеченно-коническую форму с ребром, выделявшим придонную часть. Последняя внутри сосуда выделена специальным желобком, с внешней стороны подрезана палочкой-стеком. Донце плоское со следами срезки нитью. От придонной части стенки сосуда конически расширяются и утончаются к венчику. Сам венчик простой, прямой. Защипами верхней части сосуда ему придана фестончатая форма в виде восьмилепестковой розетки. Сосуд грубовато имитирует металлическое изделие. Размеры чашечки: общая высота – 5,5 см, ДВ – 10 см, ДД – 3,8 см.

Чашечку можно датировать VII–VIII вв. Она находит широкий круг аналогий среди комплексов керамики VII-VIII вв. Северного Тохаристана, Ферганы, Согда, Чача (Аннаев, 1988, табл. XVIIa, 21, Якубов, 1988, табл. XIV, 7-9, XVI, 1, 4-6).

Таким образом, оба этих сосуда датируются по своим признакам и аналогиям VII-VIII вв.

Особое значение имеет согдийская надпись. Она выполнена развитым курсивным письмом, относящимся, судя по палеографии сохранившихся знаков к VIII веку (рис. 2. 3). К сожалению, плохая сохранность надписи не позволяет выявить отдельные слова. Просматриваются лишь буквы и они демонстрируют отличительные черты представленного на сосуде курсивного письма, характерного для чачского варианта согдийских надписей. В целом они близки согдийским курсивным надписям, известным по мугским документам первой четверти VIII века.

Отметим некоторые особенности, выявленные в надписи на сосуде из Ташкента. Во-первых, буква D (L) на поверхности сосуда

Рис. 2

выполнена жирно, без наклона, верхняя ее часть ровная, без дополнений. Тогда как в Мугских документах она тоже выделяется из всех, но выписана не так жирно и имеет характерный резкий наклон влево. Верхняя часть ее дополняется небольшим косым штришком, расположенным перпендикулярно,

либо под углом, как бы образуя остроугольный крючок. Такие возвышающиеся над общей массой знаков буквы создают особенность самаркандского стиля письма VIII века.

Во-вторых, как в чачском, так и в самаркандском стилях письма выделяются буквы, завершающие отдельные слова и строчки письма. Завершающая слово или строчку буква имеет последний штрих, выполненный, как и буква D(L) под наклоном вниз и более удлиненно, чем остальные буквы.

В мугских находках эти завершающие слова буквы выделены иногда с некоторым плавным перегибом. На чачском сосуде они выписаны резко под наклоном без плавных перегибов. Так, на чачской надписи выделены последняя буква первого слова второй строки и второго слова нижней строки, передающая, вероятно, букву «М».

Эти особенности, возможно, отражают различные стили письма чачского и самаркандского.

В 1987 году на городище Канка Ташкентской области, при раскопках фортификационных сооружений в шахристане-3 было найдено донце сосуда с остатками курсивных надписей в слоях, датирующихся VI-VII вв. Надпись выполнена черной тушью по заглаженной поверхности сосуда красно-коричневого цвета. К сожалению, сохранность надписей не позволяет выделить отдельные сло-

ва, едва проступает лишь буква R, которая завершает слово.

До 1987 года в Чаче не были известны находки надписей, кроме как на монетах. Публикуемый сосуд, спустя почти двадцать лет – вторая находка подобного вида надписей в этом регионе. О содержании надписей на этих предметах, ввиду их плохой сохранности, остается лишь догадываться. Возможно, они содержали благопожелательные надписи зороастрийского толка, а надписи на донце сосуда могли иметь и хозяйственное содержание. Все это свидетельствует о высоком развитии торговли и экономики Чача в период раннего средневековья, а также о высоком уровне культуры, о грамотности населения.

Литература

1. Аннаев Т.Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент, 1988.
2. Буряков Ю.Ф. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга // Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1966.
3. Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
4. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. // Труды ХАЭЭ, т. 7. Москва, 1961.
5. Лившиц В.А. Юридические документы и письма // Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод, комментарии. Вып. II. Москва, 1962.
6. Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда (К проблеме становления феодализма). Душанбе, 1988.

С.Б. Болелов, Дж.Я. Ильясов
(Москва, Ташкент)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПАШХУРТСКОЙ КОТЛОВИНЕ

Осенью 2005 года были продолжены совместные исследования Тохаристанской археологической экспедиции НИИ искусствоведения Академии Художеств Узбекистана и Среднеазиатской экспедиции Государственного музея Востока в Пашхуртской котловине, на территории Шерабадского района Сурхандарьинской области.

Раскопки проводились на двух основных объектах: городище Дабиль-Курган и некрополе, расположенном в 300 м к северу от него.

На городище Дабиль-Курган были продолжены работы на объекте Р-4, к югу от юго-западного угла цитадели. В прошлом году

здесь была вскрыта часть позднесредневековой усадьбы, относящейся к последнему периоду жизни городища (XVII – первая четверть XVIII вв.), основой планировочной схемы которой был обширный центральный двор площадью не менее 100 кв.м. По периметру располагались небольшие прямоугольные или квадратные помещения.

Основной задачей полевого сезона 2005 года являлось выяснение характера планировки здания предыдущего периода, на котором, как предполагалось, была построена усадьба. С этой целью в северной части усадьбы на площади чуть более 50 кв.м был заложен стратиграфический раскоп, который доведен до отметки –9,50 м от реперной точки (чуть более 4 м от уровня современной дневной поверхности).

В результате проведенных раскопок выявлена стратиграфия верхних культурных слоев в северо-восточной части городища Дабиль-курбан. Зафиксировано два основных строительных горизонта, которые, в свою очередь, подразделяются на несколько строительных периодов и этапов.

В ходе работ удалось установить, что усадьба была построена на стилобате или платформе, которая образовалась в результате забутовки более раннего здания. Строительство усадьбы было начато спустя некоторое время после забутовки. В какой-то период времени этот участок городища не был застроен и здесь был обширный двор или площадь. Свидетельством этому является хорошо утрамбованный культурный слой небольшой мощности на поверхности платформы, а также оригинальная система водосбора, зафиксированная в восточной части раскопа. Она представляет собой своеобразные мини-кяризы – небольшие канавки (шириной не более 15 см) под древней поверхностью двора с отверстиями, открывавшимися наружу на определенном расстоянии друг от друга (1,2-1,5 м). Следует отметить, что эти канавки шли в южном направлении в сторону хауза, открытого к югу от усадьбы в 2004 году. В этом дворе осуществлялась какая-то хозяйственная деятельность. В центральной части раскопа расчищены два очага, стенки которых были сложены из обломков разноформатных сырцовых кирпичей. В западной части раскопа открыт очаг в виде небольшого прямоугольного в плане углубления, обложенного сырцовыми кирпичами, стоящими на ребре, относящийся к раннему этапу функционирова-

ния двора. Об интенсивной хозяйственной деятельности свидетельствуют многочисленные ямы, прорезающие толщу стилобата. На позднем этапе, возможно, перед строительством усадьбы с западной стороны двор обносится стеной толщиной 65-70 см, сложенной из гувалюков и обломков сырцового кирпича на глиняном растворе, которая перекрывает ранний очаг.

Все описанные выше конструкции и очажные устройства относятся к I (более раннему) периоду I (верхнего) строительного горизонта, который предшествовал строительству усадьбы. По немногочисленным фрагментам керамики, найденным в культурном слое на уровне стилобата, по материалу из хозяйственных ям, а также исходя из стратиграфической ситуации, этот период может быть датирован временем не ранее конца XVI – начала XVII вв.

Слой забутовки, разделяющий постройки I и II строительных горизонтов, не везде однороден. Наиболее плотный слой суглинка серо-желтого цвета зафиксирован в восточной части раскопа; в центральной части – это комковатый суглинок, перемежающийся прослойками комковатой супеси с органо-минеральными отложениями. Все эти слои перекрывают строительные конструкции II (более раннего) строительного горизонта, который по стратиграфическим данным подразделяется на два строительных периода.

К I (раннему) периоду относится часть здания, выявленная в южной части раскопа. О его планировочной схеме сказать ничего нельзя, так как вскрыт только северо-восточный угол одного помещения. Однако толщина стен и качество строительства дают основание считать, что оно было монументальным. Стены сложены из прямоугольного сырцового кирпича размером 51-52x25-26x7-8 см на глиняном растворе. К северу от здания был двор. Об этом можно судить по характеру культурных напластований, примыкающих к северной стене – горизонтально залегающие слои плотной супеси с органикой, перемежающиеся зольными прослойками. Надо полагать, здание существовало здесь только в I период II строительного горизонта. По-видимому, во второй период на его месте был двор. Северная стена перекрыта культурными слоями – плотная супесь с золой и органикой. Западная стена послужила основанием стены, которая ограничивала двор с запада. В ней был проход, ведущий также на запад.

Культурные напластования II строительного горизонта наруше-

ны более поздними ямами. Не потревожены лишь культурные слои во дворе, в северо-восточной части раскопа, примыкающие к северной стене раннего здания. В комплексе, полученном из этих слоев, представлена как глазурованная, так и неглазурованная керамика. Среди глазурованной посуды следует отметить закрытые формы, покрытые темно-зеленой глазурью по черепку, столовую посуду с трехцветной подглазурной росписью по черепку желтого, зеленого и красно-коричневого цвета под мутноватой глазурью и небольшие чаши с надглазурной росписью широкими радиальными полосами бирюзового или изумрудно-зеленого цвета по белому фону. Среди неглазурованной посуды преобладают небольшие светло-глиняные кувшины. Особый интерес вызывают крышки с резным геометрическим орнаментом. Кроме того, в комплексе представлено несколько статуэток лошадок, украшенных пуансонным орнаментом. По многочисленным аналогиям этот комплекс предварительно можно датировать в пределах IX в. Отметим, что в настоящее время это наиболее представительный комплекс керамики этого времени из раскопок на юге Узбекистана.

В 2004-2005 гг. проводились раскопки некрополя, расположенного к северу от городища Дабиль-Курган и представляющего собой остатки наземных погребальных сооружений (Ильясов, 2005, с. 31-33). За два сезона были полностью раскопаны три однотипных сооружения. Это прямоугольные в плане сооружения, возведенные из кирпича-сырца прямоугольного формата (50-52х25-26х8-9 см) на сплошном пахсовом (в одном случае пахсово-кирпичном) стилобате. Одно из них (№ 2) сильно пострадало при сельскохозяйственных работах, два других имеют лучшую сохранность, что позволило полностью выяснить архитектурную конструкцию и характер погребального обряда. Они представляют собой двухкамерные прямоугольные здания, вытянутые в меридиональном направлении. С юга расположено квадратное помещение, перекрывавшееся куполом, возведенным при помощи угловых тромпов. Северное помещение – прямоугольное, оно перекрывалось сводом и служило для захоронений в виде трупоположения на спине.

Размеры погребального сооружения (ПС) № 1 – 8,15х5,90 м, купольное пом. 1 представляет собой квадрат со стороной в 3,40 м; вход шириной в 60 см располагался в восточной стене. В заполнении над уровнем пола отмечена прослойка золы и угольков, выше

лежит кирпичный завал, перекрытый натеками. Прямоугольное пом. 2 имеет размеры 3,20-3,30x1,35 м, вход в него был в западной стене, ширина его 57 см. Пом. 2 служило погребальной камерой, в нем найдены останки трех человек, положенных головой на запад, при этом анатомический порядок двух костяков, располагавшихся ближе к восточной стене, был нарушен при захоронении последнего, третьего покойника. Судя по сопроводительному инвентарю, костяк № 3 принадлежал мужчине, а костяк № 2, несомненно, женский. Было найдено 60 бусин разного размера и форм, изготовленных из различных пород камня, стекла, фаянса, бронзы, раковин, а также пара металлических серег, агатовая гемма в виде ложного перстня с довольно схематичным изображением протомы рогатого животного (джейран?). Были найдены также три монеты, две из них – бронзовые, с квадратным отверстием – являются монетами согдийского правителя Укара (Урк) Вартармука (по В.А. Лившицу). Третья монета находилась во рту у погребенного № 3, она относится к подражаниям чекану Пероза (по Р. Гёблю – эмиссия 289) с надчеканами.

ПС № 3, изучавшееся осенью 2005 г., и сохранившиеся в длину на 9 м, в ширину на 6,4 м, состоит из купольного помещения – 3,9x4,0 м и сводчатого прямоугольного размерами – 1,85x3,9 м. Захоронение осуществлялось в прямоугольной камере. Вход погребальную камеру был с запада, в купольное помещение – с востока. Северо-восточный угол сооружения уничтожен, однако здесь удалось зафиксировать часть стены-контрфорса, идущей в широтном направлении, которую удалось проследить на расстоянии чуть более 2 м. Можно предположить, что эта стена ограничивала с севера пространство перед входом в купольное помещение.

ПС № 3 было полностью ограблено в древности. Кроме того, оно, как и ПС № 1 и 2, частично разрушено поздними мусульманскими погребениями – подбой-ляхад в западной стене впускной ямы, перекрытый речными валунами, без инвентаря. В погребальной камере обнаружено небольшое количество разрозненных челювеческих костей, в том числе фаланги пальцев и фрагмент верхней челюсти. В купольном помещении находок нет, в заполнении над уровнем пола также отмечена прослойка золы и угольков, местами прокалены пол и стены. В завалах помещения и на поверхности погребальных сооружений обнаружено небольшое количество фраг-

ментов керамики, которая в комплексе предварительно датируется VII – первой половиной VIII вв. н.э.

Изученные на Северном некрополе Дабиль-Кургана погребальные сооружения хорошо датируются по находкам из ПС № 1 второй половиной VII – началом VIII вв. н.э.

Обращает на себя внимание большое количество мусульманских, как можно предполагать, позднесредневековых захоронений, вскрытых в процессе раскопок на некрополе, как в прошлом, так и в текущем году, и совершенных, по-видимому, в массовом порядке. В связи с этим можно вспомнить, что позднесредневековая усадьба на Дабиль-Кургане погибла от пожара не позднее первой четверти XVIII века, не исключено, что в результате военных действий. Если допустить, что захоронения относятся к этому же времени, то все это можно связать с конкретным историческим событием. В 1705 г., во время правления Убайдулла-хана Аштарханида (1702-1711) в урочище Пашхурд произошло жестокое сражение между бухарскими войсками, ведомыми Хаит-бием дадхо и отрядами мятежного балхского наместника Махмуд-бия аталыка, состоящими из его соплеменников катаганов и представителей племени дурмен; победу одержало войско Махмуда (Бухари, 1957, с. 81). Весьма вероятно, что именно тогда был разрушен Дабиль-Курган, а рядом захоронены погибшие участники сражения.

Литература

1. Бухари, Мир Мухаммад Амин. Убайдулла-наме. Пер. А.А. Семенова. Ташкент, 1957.
2. Ильясов Дж.Я. О традициях в погребальной архитектуре Средней Азии // Культурная толерантность и самобытность традиций в искусстве Узбекистана. Ташкент, 2005.

А.А. Грицина, Б. Абдулгазиева, Г.И. Богомоллов, К. Рахимов
(Самарканд, Ташкент)

РАБОТЫ ХАВАССКОГО ОТРЯДА

В 2004 году продолжались исследования городища Эски Хавас, расположенного на западной окраине г. Хавас в одноименном районе Сырдарьинской области (Грицина, Иваницкий, Рахимов, 2004, с. 61-64). Работы велись на ранее заложенных раскопах 1 и 3, а так-

же на вновь разбитом раскопе 4 (рис. 1а)¹.

Раскоп 1

Раскоп 1 заложен в 1988-1989 гг. к юго-востоку от цитадели с целью выявления внешних стен и изучения стратиграфии городища. Первоначальные размеры его составляли 3 x 5 м, которые постепенно, по мере раскопок, увеличивались. Он был доведен до уровня начала XIX яруса. В результате было зафиксировано несколько жилых горизонтов, охватывающих период от времени Афрасиаб III и до XX в. включительно (Грицина, 1989, с. 31-35; 1990, с. 12-13). В 2003 году стенки раскопа были зачищены, а сам раскоп освобожден от обвалившегося грунта. Однако до уровня раскопок 1989 года так и не дошли. В отчетном году удалось не только извлечь старый грунт, но и углубиться в культурный слой, вплоть до выхода грунтовых вод на площади примерно 2x2 м (XX ярус).

Культурный слой однородный, вязкий, с включением довольно большого количества керамики и небольшого количества костей животных. В ходе раскопок расчищено (не до конца) две ямы, которые нарушили культурный слой.

Керамика

При зачистке стен стратиграфического раскопа и выемки насыпного грунта, получена керамика различных исторических периодов, в частности, найден «рог» так называемой «шашлычницы» – очажной подставки каунчинского типа (Левина, 1971, с. 99, рис. 27, 25-26). Это не единственное свидетельство влияния каунчинской культуры. Так, при раскопках в 1989 года, кроме керамики, найдена печать-талисман каунчинского типа (Грицина, 1989, с. 105, рис. 49). Подобная печать найдена и в другом уструшанском памятнике – городище Культепе - руинах средневекового Сабата (Грицина, 1992, с. 24, рис. 11). Непосредственно из раннесредневекового слоя (яруса XVI-XVIII) получена посуда, представленная фрагментами разновеликих кувшинов и горшков, выполненных на гончарном круге из хорошо отмученной и равномерно обожженной глины. Среди этой же керамики имеется венчик горшка с петлевидной ручкой, форма которого также могла быть позаимствована из сервиза каунчинской культуры. Подобные сосуды, например, известны по материалам городища Каунчитепе (Левина, 1971, с. 99, рис. 27, 27-29).

Посуда эллинистического времени получена из слоя, расположенного в пределах XVIII - XX ярусов. Она представлена хумами и

хумча, плоскодонными сковородами, а также прекрасными образцами станковой керамики.

Прежде всего, это кубки и бокалы, которые представляют почти все основные формы, известные по находкам в южных и центральных регионах Узбекистана (Исамиддинов, Сулейманов, 1984, с. 49, рис. 25; Пидаев, 1987, с. 89, рис. 3; Некрасова, Пугаченкова, 1978, с. 147, рис. 101; Немцева, 1969, с. 163, рис. 5). Интересно отметить, что в верхней части одного такого сосуда имеются сквозные отверстия (рис. 3, 4). Характерны также для этого времени чаши с Г-образным венчиком и миски с вогнутым вовнутрь венчиком.

Интересна керамика из ям, которые прорезали культурный слой эллинистического времени и, следовательно, содержат материал более поздний. Она сформована на круге быстрого вращения из глины хорошего качества, равномерного обжига, практически без посторонних добавок и представлена кувшинами, чашами различных размеров, кубками и бокалами. По времени она недалеко отстоит от керамики вышеописанного слоя и может датироваться в пределах рубежа н.э. (Кабанов, 1973, с. 31-33, рис. 10).

Раскоп 3

Одной из основных задач, поставленных перед исследователями в этом полевом сезоне, стало изучение ранней застройки городища Эски Хавас. Это позволило бы выявить границы раннего поселения, существенно пополнить наши представления о занятиях и экономике древнего города и, наконец, получить материал для выделения археологических комплексов.

Изучение участка в пониженной части на востоке городища показало многоэтапность и непрерывность его обживания. К сожалению, небольшая площадь раскопа 3 (11,4x4,2 м) не позволила выявить планировку застройки этого участка, но стратиграфические работы здесь засвидетельствовали наличие капитальных строений и обширного дворового пространства. Выделено 4 строительных горизонта. Первый, верхний горизонт связан с капитальной пахсовой стеной и двором, примыкающим с востока. Наличие очагов, очажных развалов, мусорных ям указывает на хозяйственно-бытовой характер участка. Керамический комплекс довольно обилен. В нем присутствует лепная и станковая, профессионально выделанная керамика, которая позволяет датировать этот горизонт III-IV вв. н.э.

Нижеследующие три горизонта представлены материалами ан-

тичного времени, которые датируются от IV-III вв. до н.э. до II (III) вв. н.э.

Второй строительный горизонт. Выявленная в прошлом году стена из квадратных сырцовых кирпичей, подстилала основание пахсовой стены и являлась внешней стеной здания. Зафиксирована часть двора, примыкающего к зданию с юга. Здесь же обнаружен пристенный прямоугольный очажок и следы хозяйственной деятельности.

Третий строительный горизонт удалось выявить лишь в восточной половине раскопа. Он представлен новой планировкой, не совпадающей с нижней. К нему отнесены часть помещения и айван с пристенным напольным очагом. Стены имеют кирпичную основу и ремонтную пахсовую обкладку.

Четвертый (нижний) строительный горизонт. В стратиграфическом плане к нему отнесены материалы конца XI - начала XII ярусов. Удалось выявить часть кирпичной стены, шириной 0,4 м. Из культурного слоя, примыкавшего к стене, на уровне пола со следами хозяйственной деятельности, собран небольшой керамический комплекс, который указывает на связь с нуртепинской культурой Уструшаны.

Раскоп 4

Основная цель раскопок – обнаружение предполагаемой стены, отделяющей первый шахристан от второго и изучение стратиграфии верхних культурных слоев на данном участке городища. На раскопе вскрыто три строительных горизонта с несколькими помещениями в каждом из них, датируемые в пределах второй половины XVIII – первой половины XIX вв. В процессе раскопок открыта мощная кирпичная стена, с обеих сторон которой располагались жилые помещения.

Результаты сравнительного анализа керамики свидетельствуют о связях позднесредневекового Хаваса с Уратюбе (позднейшей Уструшаной), Ферганой и Бухарой (Мирзаахмедов, 1990). Какой характер носили эти связи, сказать трудно. Возможно, это были торгово-экономические отношения, характеризующиеся вывозом и ввозом различных товаров, но торговля привозной керамикой маловероятна.

Следует отметить, что керамическое производство городища Эски Хавас позднего периода XV-XIX вв., да и вообще Уструшаны в целом, изучено слабо. Материалы из раскопа 4 в какой-то мере за-

полняют эту лакуну. Однако полученный керамический материал достаточно фрагментарен, поэтому выделить характерные особенности местного керамического производства пока сложно. Таким образом, в 2004 году основные работы были сосредоточены на изучении нижних наслоений городища Эски Хавас. На стратиграфическом раскопе 1, хотя и не удалось дойти до материка из-за выступивших грунтовых вод, получен комплекс археологических материалов II-I до н.э., что подтверждает предположение о значительной площади античного Хаваса – материалы этого времени фиксируются фактически по всей территории городища (более 10 га).

Не менее впечатляющие результаты получены на раскопе 3, где не только выявлена раннеэллинистическая кладка с соответствующими материалами (середина III в. до н.э.), но и впервые для Уструшаны найдена расписная посуда эйлатанского типа, свидетельствующая о связях с Ферганой-Даванью по древним торговым трассам. Следовательно, мы можем говорить и о том, что древний Хавас входил в круг древнеуструшанских населенных пунктов, упоминавшихся в античных письменных источниках в связи с походами войск Александра Македонского.

Примечания

1. Кроме авторов, в работе отряда принимали участие художник Т.А. Грицина и местные краеведы М. Садыков и М. Азимов.

Литература

1. Грицина А.А. Отчет о полевых исследованиях Сырдарьинского отряда в 1989 // Архив Института археологии АН РУз. Самарканд, 1989. Ф. 6, о.1, д. 22.
2. Грицина А.А. Северная Уструшана в середине I тысячелетия до н.э. – начале XIII в. н.э. (археолого-топографическое исследование). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 1990
3. Грицина А.А., Иванецкий И.Д., Рахимов К. Раскопки на городище Эски Хавас // Археологические исследования в Узбекистане – 2003 год. Вып. 4. Ташкент, 2004
4. Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984
5. Кабанов С.К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973.
6. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. Москва, 1971
7. Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А. Керамика Дальверзинтепе // Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978

8. Мирзаахмедов Д. К истории художественной культуры Бухары. Ташкент, 1990
9. Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.

М.Ж. Жўракулов
(Самарқанд)

САМАРҚАНД УНИВЕРСИТЕТИ ДАЛА АРХЕОЛОГИК ТАДҚИҚОТЛАРИ САҲИФАСИДАН

Самарқанд давлат университети археологик гуруҳи 2004-2005 йилларда мамлакатимизнинг икки минтақасида: бири М. Жўракулов ва Н. Холматовлар раҳбарлигида Ўрта Зарафшон ҳавзасида, иккинчиси эса Н. Аванесова раҳбарлигида Сурхондарёнинг Шеробод туманида, аввалги йиллари бошланган тадқиқот ишларини давом эттирган ҳолда, муайян илмий натижаларга эришилди. Бажарилган экспедиция ишида университетнинг тарихчи талабалари, магистр археологлари, илмий ходимлари иштирок килдилар.

Ушбу сатрлар Ўрта Зарафшон ҳавзаси билан боғлиқ неолит даври ёдгорликларидан бири Тепакул-4 неолит маконида 2004 йилда бажарилган қазилма ишлар натижаларига бағишланган. Макон Қоратепа тоғи шимолий ён бағридаги Тепакул қишлоғи атрофида жойлашган бўлиб, у уч маъдан қатламга эга ёдгорликдир. Ушбу йилда бажарилган қазилма текширишлар аввалги йилларда бошланган тадқиқот ишларнинг бевосита давоми ҳисобланади. Маъдан қатламлар билан боғлиқ тўпроқ ётқизиғи 1,8-2,2 метр қалинликдан иборат.

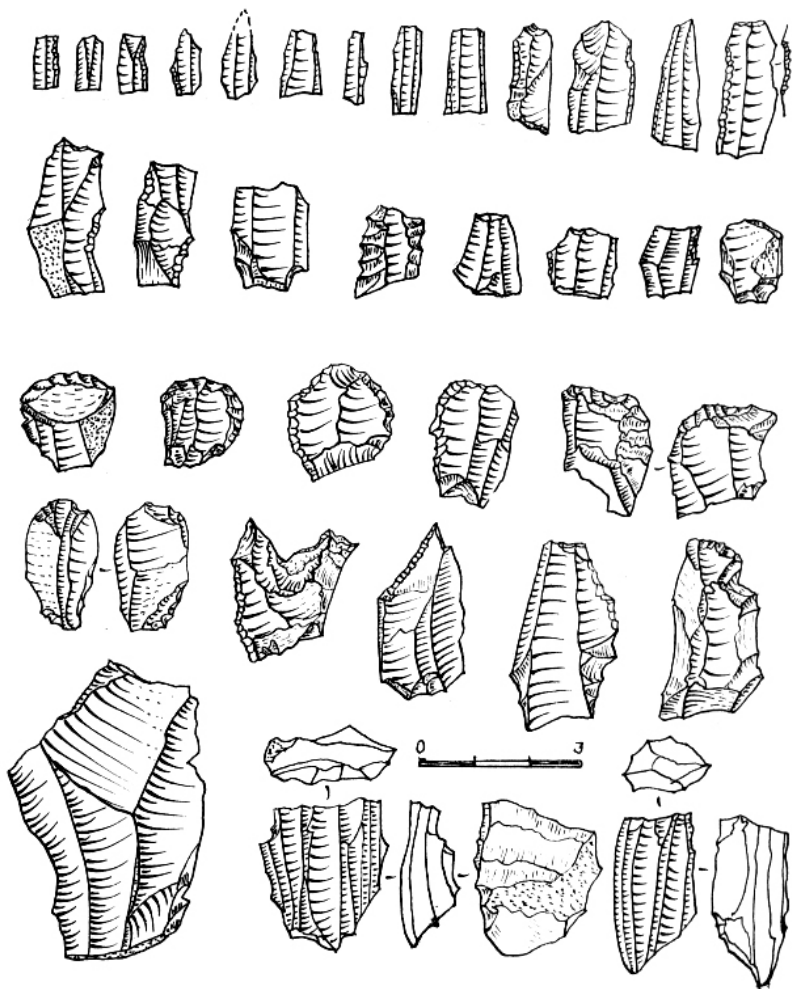
Ҳисобот йилида маконнинг 35 км² майдони 20 см ли горизонтлар орқали қазиб ўрганилди ва натижада мингга яқин археологик ашёвий манбалар қўлга киритилинди. Қазилма текшириш ишлари давомида маконнинг айрим ҳудудлари турли даврларда бажарилган хўжалик ишлари туфайли зарар кўрганлиги маълум бўлди. Шунинг учун бўлса керак, маконнинг юқори қатламида тош буюмларидан ташқари аралашма ашёлар, жумладан, антик ва илк ўрта асрларга тегишли сопол парчалари учрайди. Аралаш маданий қатламнинг қалинлиги 0 дан 0,1 метргача, оралик қатлам қалинлиги ўртгача 1,0-1,2 м, баъзи жойларда 1,3 м.ни, пастки маданий қатлам эса 1,2-2,2 м

горизонтдаги ётқизикни ташкил қилади. Оралиқ қатламда тош буюм топилмалари доимий кўпайиб бориши билан бирга, унинг айрим жойларида сўнги давр топилмалари, хусусан, сопол парчалари учраб туради. Бу ҳодиса маконнинг айрим жойларида ўра, хандак, балки ер қаърига қурилган, маҳсулот сақлайдиган ўралар бўлганлигидан гувоҳлик беради. Тоза неолит даври қатлами ер бағрининг 1,2-2,2 м чуқурликдаги горизонтида қузатилган бўлиб, у тош буюмлари, сопол буюм парчалари ва ҳайвонот дунёси суяк қолдиқларига сероблиги билан ажралиб туради. Ушбу стратиграфик маълумот ўтган йилларда бажарилган қазилмаларга деярли мос келади.

Ҳисобот йилида бажарилган қазилмалар туфайли қўлга киритилган топилмалар таркибини бир неча гуруҳларга ажратиш мумкин: яъни улар тошдан ясалган буюмлар; сопол буюм парчалари; ҳайвонот дунёси суяк қолдиқларидан иборатдир. Макондан топилган тош ашёлар асосан сифатли чакмоқтош, чакмоқтошли сланец, айрим ҳолатларда холцедон ва кварцит жинсларидан ишланган. Чакмоқтошнинг мовий рангли хиллари Самарқанд сўнги палеолит маконида ҳам доим учрайди ва бу манбанинг асл жойи эса Самарқанддан 7-8 км шарқи-шимолий томонда жойлашган Чўпонота мавзеида сероб ҳолда учрайди. Бу маълумот ибтидоий жамоаларнинг бутун тош даврида ушбу манбадан доимий фойдаланиб келинганлигидан гувоҳлик беради.

Макон тош индустрияси учириндили-парақали хусусиятга эга. Масалан, учириндилар 63,2%, парақалар эса 26,9% ни ташкил этади. Бу тош буюмларни типологик жиҳатдан қуйидаги гуруҳларга бўлиш мумкин: қайта ишлов берилмаган учириндилар, қўшимча ишлов берилмаган парақалар, микропарақалар; тош ўзаклари ва тошни йўниш билан боғлиқ буюмлар; парақадан ясалган тош қуроллар; учирмалардан тайёрланган тош қуроллар; қайроқтош қуроллар, уларнинг синиклари ва қумтошдан ясалган ёрғучоқлардан иборатдир.

Коллекция таркибида тош учириндиларининг шаклсиз синиклари сероб тақдим қилинган, аммо уларнинг айримлари тирикчиликда ишлатилмаганлиги ҳам кўриниб турибди. Парақалар таркибида микропарақалар кўпчиликни ташкил қилиб, уларда қайта ишлов излари яққол кўриниб турибди. Айнқса, тақдим қилинган тош ўзаклар кизиқиш уйғотади. Булардан 4 таси призма шаклида бўлиб, улардан

Тепакул-4 неолит макони тош ашёларидан намуналар

юпқа парақалар ажратиб олинган. Нуклеус – ўзақлардан охиригача фойдаланилган (1-расм). Тошни йўниш, силлиқлаш, қайта ишлаш техникасига алоқадор буюмлар 9 нусха. Бу буюмлар сифатли чакмоқтош ва сланецлардан ишланганлиги билан характерланади. Чакмоқтош, асосан маҳаллий, хусусан, Чўпонота баландлигидан ва дарё соҳилларидан келтирилган бўлиб, уларнинг сифати ва рангла-

ри ҳар хил. Ҷамоа кишилари бундай материалларни ташиб келиб, макон қурган жойда қайта ишлаб, турли қурооллар ясаганлар. Макон индустриясида архаик характерга эга, дағал парақалар ҳам мавжуд. Бу жараён тепакуллик ҷамоалар маданиятида сўнги палеолит анъаналарининг сақланиб қолганлигидан далолат беради. Парақадан ясалган бир туркум қуроолларнинг ясалиш технологиясига қараганда, улар Ўрта Осиё пасттекислик минтақаси, хусусан, Қалтаминор ҷамоалари қуроолларига яқин ўхшашлиги кузатилди. Бу дега ни – ибтидоий неолит ҷамоалари орасида муайян маданий қўниқўшничилик алоқалари мавжуд бўлганлигидан далолат беради. Микропарақаларнинг сероблиги ва қўлланилган технологик услублар макон тош индустриясининг ўзига хос хусусиятларидан биридир. Макондан топилган тешгич усқуналарнинг ясалиш, шаклшамойили эса Тожикистоннинг тоғ музофотида ўрганилган Тутковул неолит макони ҷамоалариникига ўхшашлик хусусиятига эга. Учирмалардан ясалган қурооллар, жумладан, қирғич, тешгич, кескич сингари қурооллар, понасимон усқуналар ҳамда бир ёки икки томонлама ишлов берилган парақа қурооллар ҳам ўзига хослиги билан ажралиб туради. Бундай қурооллар турли юмушларда, жумладан, арралаш, йўниш, рандалаш, ёғоч ва суякларни қириш каби юмушларда фойдаланилган. Айниқса, баланд, тик ишчиқиррасига эга бўлган қирғичлар муҳим бўлиб, уларга кертув техникаси асосида ишлов берилиши ҳам макон моддий маданиятининг ўзига хослигини кўрсатади ва бу ҳодиса одатда тоғли ҷамоалар маданиятига хослигини намоён қилади. Сабаби, бу туркум қуроолларнинг турмушда қўлланилиш хронологик чегараси кенг ҳамда асосан, улар Ўрта Осиё минтақаси мезолит – неолит ҷамоаларига тегишли қурооллар ҳисобланади.

Тутқавул типигади тешгич қуроолларнинг учраши ҳамда юқорида қайд қилинган хусусиятлар макон тош индустриясининг Ўрта Осиё тоғли минтақаси мезолит-неолит ҷамоалари моддий маданиятига тегишли эканлигидан далолат беради. Шунингдек, макондан плиткасмон қирғич қуроолларнинг топилиши қизиқарли бўлиб, бу турдаги қуроолларни Ўрта Осиё минтақасидаги паст текстлик маконлари манбаларида ҳам учратиш мумкин. Бундай усқуналардан ҳайвон териларига ишлов беришда фойдаланилган.

Макондан туркум ёргучоғ тошлари, донни эзишда қўлланилган ўртамиён ҳажмда ишланган тошлар бўлақлари учратилинган бўлиб,

бу топилмалар Қоратепа минтақасида яшаган неолит жамоаларининг нафақат терим-термачилик, шунингдек, зироатчилик билан ҳам шуғулланиб, моддий неъмат ишлаб чиқариш ихтисослигига ўтишни кашф қилганлигидан далолат беради. Бу эса Зарафшон хавзасида содир бўладиган цивилизациянинг муҳим омилларидан эди.

Тадқиқот давомида макондан яхши сақланган сопол буюмлари парчалари топилди. Бу сопол идишлар юпқа деворли бўлиб, лойига оқ қум, шпат майдалари кўшилган. Улар яхши пиширилган ҳолда, қорамтир тусда учратилинади. Идишларнинг «реконструкцияси», қисман уларнинг оғиз ва таги айланаси, хуллас, ясалишида кўлланилган техника-технология Сазагон маданиятига хослигини кўрсатди. Маконнинг пастки маъдан қатламларидан ҳайвон суякларини кўплаб топилинди. Бу топилмаларнинг палеонтологлар томонидан ўрганилиши режалаштирилган.

Хуллас, ҳисобот йилида амалга оширилган дала тадқиқотлар Қоратепа тоғ массиви музофоти мезо-неолит даврларида жамоалар томонидан тигис ўзлаштирилганлигини кўрсатди. Бу жамоалар шу ердаги жойли палеолит даври авлодлари анъаналарининг прогрессив намуналарини давом эттириб, цивилизация сари тараққий этиб борган. Бу жойли жамоалар тоғ сойларидаги қулай экологик бурчак қайирларида яшаб, дастлабки деҳқончиликни (мил. авв. IV минг йилликлар) кашф қилишиб, цивилизация сари интилишда бўлган, кенг кўламда қабилалараро маданий алоқалар – бир томондан чўл дашт минтақаларда яшаган Калтаминорлик, иккинчи томондан тоғли Туткавул ва Фарғона водийсида яшаган неолит жамоалари билан муайян маданий алоқалар олиб борган. Шунингдек, улар хўжалик юритиш, унинг учун турли турмуш қуролларини ишлаб чиқишнинг ўз даврига хос устаси бўлганлиги маълум бўлди. Хуллас, бу музофотда яшаган неолит жамоаларининг яратган маданий ютуқлари илдизлари шу атрофда яшаган палеолит жамоаларига бориб тақалиши ва ана шу жамоаларнинг меросхўрлари бўлганлиги сингари муаммовий масалаларга илмий жиҳатдан муайян тарзда ойдинликлар киритилди.

М.Х. Исамиддинов, К. Рапэн, Ш.А. Рахманов,
А.А. Грицина, Е. Лушникова, К. Рахимов
(Самарканд, Париж)

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ КОКТЕПА

В 2004 году раскопки осуществлялись преимущественно на двух раскопах.

Раскоп 6. Зачистки разреза крепостной стены (М.Х. Исамиддинов, К. Рапэн, Ш.А. Рахманов)

Данный разрез заложен на северной стене у северо-западного угла городища еще в 1996 году М.Х. Исамиддиновым и К. Рапэном, на месте среза бульдозера. В результате зачисток в свое время было выявлено три последовательных периода сооружения оборонительной стены. «Третий период в жизни Коктепа является последним периодом. В это время сооружаются, в основном, фортификационные сооружения - оборонительная стена, сооруженная при участии греческих архитекторов и укрепляется цитадель правителя города» (Отчет СУФЭ за 1995 год, с. 30).

Зачисткой охвачена вся поверхность разреза путем расширения его еще на 0,5 м к северо-востоку. В общей сложности длина разреза достигла 19 м (рис. 1). В результате зачистки выявлена сложная картина, представляющая несколько строительных периодов оборонительных стен города. Верхние слои представлены дерновым и рыхлым слоями. На вершине, а также на внешнем склоне прослежен один ряд кладки из сырцового кирпича. Толщина кирпича 10-11 см, выявить другие его размеры не представлялось возможным. Ниже в центре разреза выявлена кладка из квадратных сырцовых кирпичей размером 40-41x12-13 см. На поверхности кладки - небольшой натечный слой. Горизонтальные и вертикальные швы между кирпичами ровные и составляют 2-4 см. У внешнего края кладку прорезает небольшая яма; у начала внутреннего склона расчищена яма больших размеров, шириной до 1,3 м и глубиной более чем 2,5 м, т.е., она прорезает стену на полную высоту. В этой первой сверху кладке хорошо читаются два периода. Ранний из них - внешняя кладка, с относительно вертикальной внешней гранью. Толщина этой стены 2 м, сохранилась она на высоту 10 рядов кирпичей, т.е., на 1,5 м. Внутренняя кладка лежит на слое серо-зеленой пахсы и со-

стоит из 8 рядов кирпича высотой также в 1,5 м. Последняя перекрывает частично и первую кладку. К югу от отмеченной ямы хорошо читается участок кладки из сырцового кирпича в 5 рядов. Поверхность последней кладки, обращенной вовнутрь города, ступенчатая. Далее от этой кладки во внутреннюю сторону города в разрезе видны наклонные слои рыхлой земли и натеки, а под самой кладкой - слои завала. На внешней стороне первой кладки также просматриваются слои рыхлой земли с прослойками золы и натеками. За вертикальной гранью первой стены выявлен слой твердой земли с наклонной поверхностью. Последний перекрыт слоем зеленоватой земли толщиной в 0,5 м, который имеет наклон в наружную сторону города. Под этим слоем на северо-западной стороне разреза следует большой слой завала. За первой стеной, ниже, выявлена третья стена, сложенная из квадратного сырцового кирпича размерами 41-42x13-14 см на сероватом растворе, который в сочетании с коричневым цветом кирпича создает своеобразный контраст. Стена имеет толщину 2 м и состоит из 19 горизонтальных рядов кирпича. Данная стена лежит на слое светло-серой земли на уровне 5,4 м от репера. Внутренняя поверхность ее вертикальная, внешняя имеет незначительный наклон вовнутрь. С внешней стороны стены следует отмеченный слой завала, который лежит на вертикальной ровной поверхности на уровне 4,4 м от репера. Данный уровень является уровнем внешнего пола. Под полом следуют несколько прослоек лесса и золы, имеющие заметный наклон наружу. Под ними на уровне 6-7 м от репера идет светло-серый слой с незначительным количеством керамики и постепенно переходит в материковый лесовый слой. С внутренней стороны стены, несколько выше ее основания, следует кладка из квадратного сырцового кирпича размерами 41-42x13-14 см. Основание последней кладки лежит на слое светло-серой плотной земли на уровне 4,75 м от репера. Кладка состоит из 6 рядов кирпича, а выше до уровня основания первой кладки т.е., до 1,05 м высоты идет забутовочная пахса. Внешняя поверхность имеет строго вертикальную поверхность и примыкает к предыдущей стене. Внутренняя также имеет вертикальную поверхность и примыкает к другой кладке.

Таким образом, данная кладка является как бы заполнением имеющего место коридора, в котором хорошо читаются три уровня полов. Первый из них выявлен на отметке 4,1 м от репера, т.е., на

уровне 4 ряда кирпича. Следующий уровень обнаружен на 0,15 м выше предыдущего, а еще на 0,15 м выше находится последний уровень пола. Все уровни полов хорошо выделяются известковой побелкой. Внутренняя стена также сложена из квадратного сырцового кирпича размерами 41-42x13-14 см на зеленоватом растворе, дающем хороший контраст с цветом кирпича. Толщина стены 1,45 м, она сохранилась на высоту около 2 м и состоит из 13 рядов кирпича. Выше этой кладки прослежены пахсовые разнородные слои, доходящие до второй кладки на данном разрезе. Основание внутренней стены неровное и в сторону города имеет заметный подъем. Это плотный слой светло-серой земли. Под ним имеется 8-10 см неровного слоя лесса. Последний хорошо утоптан и представляет собой поверхность материковой породы. С внутренней стороны внутренней стены в 2,15 м прослеживается еще одна кладка, толщиной в 1,25 м из квадратных сырцовых кирпичей размерами 41-42x13-14 см на растворе зеленоватого оттенка. Стена покоится на отмеченном плотном слое светло-серой земли, на уровне 4,10-4,15 м от репера, несколько выше от предыдущей кладки. Стена сохранилась на высоту 9 рядов кирпича, т.е., чуть более чем 1 м. Выше идет 0,3 м пахсы и слой плотной земли. На последнем слое покоится один ряд кладки из квадратного сырцового кирпича размерами 39-40x11 см и из его половинок размером 18,5x36x11 см, с клеймами в виде двух параллельных линий. Участок разреза, обращенный в сторону города, представляет собой наклонные прослойки рыхлой земли различных оттенков, а также завала стенок.

По предложению руководителей экспедиции, разрез был дополнительно расширен в юго-западную сторону. В результате чего была открыта самая ранняя стена, а также поврежденные бульдозером ее участки, и, может быть, даже зафиксирован поворот стены. На развертке противоположного среза разреза ситуация несколько иная. В северо-западной части развертки - ситуация идентичная с отмеченным срезом. Также идентична ситуация и в юго-восточной части развертки. Тут перемежаются прослойки светло-серого, светло-зеленого и серо-зеленого цветов. Начиная с 2,5 м от конца развертки прямо под срезом бульдозера выявлена кладка из квадратного сырцового кирпича размерами 40-41-42x9-10 см. В начале кладка покоится на отмеченных прослойках, а далее - на надувном слое.

В центре развертки разрез был расширен еще на 3 м. Согласно

развертке выявлены две стены: первая сложена из квадратных сырцовых кирпичей размером 41-43x11-12 см, другая сложена впритык к первой из квадратных сырцовых кирпичей размерами 40-43x8-11 см. До основания этих стен разрез не был доведен. По стратиграфическому залеганию данная стена, возможно, ранняя, но использованные в кладке размеры кирпичей этого не могут подтвердить. Тем не менее, в настоящее время по стратиграфическому залеганию слоев и стен, мы можем предложить следующую периодизацию внутренних стен городища Коктепа. В первом периоде укрепление состояло из внешней стены. Полom для первого периода с внутренней стороны служила неровная поверхность утоптанного лесса. Во втором периоде с внутренней стороны стены появилась вторая, на слое плотной светло-серой земли. Уже во втором периоде укрепление состояло из двух параллельных стен с коридором, шириной 2,15 м. Основание внутренней стены подчинено рельефу. Первый уровень пола коридора соответствует высоте четвертого ряда кирпичей забутовки коридора. Через непродолжительное время наращивается уровень пола на один ряд кирпича, а затем еще на 0,15 м. Уровень с внешней стороны стены на 0,25 м ниже первого пола коридора. Именно во втором периоде возведена и третья стена со стороны города, с отступлением на 2,05 м. Согласно развертке - это своего рода второй коридор или помещение, в котором также прослеживаются три уровня полов. В третьем периоде коридор был заложен пахсой и кладкой из квадратного сырцового кирпича. На месте коридора строится стена, с незначительной наклонной внешней и вертикальной внутренней поверхностью. В третьем периоде внутренние стены уже не функционировали. Укрепление состояло из стены, возведенной на месте забутованного основного коридора. Толщина стены немногим более 2 м. Внешняя поверхность стены имеет незначительный наклон вовнутрь города. Коридор уже не функционирует. Уровень пола, как с внешней, так и с внутренней стороны, находится настолько выше, что соответствует сохранившейся поверхности ранних стен, т.е., с внешней стороны на отметке 1,8 м от репера с пологим уклоном ко рву и с внутренней стороны на уровне 2,5 м от репера. В следующем периоде с внутренней стороны последней стены возводится другая стена из квадратных сырцовых кирпичей размерами 40-41 x11-12 см. Она возведена на слое серозеленой глины. Судя по основанию, последняя стена имела толщи-

ну 2,35 м, где ее пререзает большая яма. С южной стороны ямы просматриваются остатки невыразительной кладки из квадратных сырцовых кирпичей размерами 39-40х9-10 см. Она покоится на слое рыхлой земли с прослойками золы. Со стороны города следуют наклонные рыхлые слои и завал кирпичей.

В процессе зачисток получено незначительное количество керамики, которая, к сожалению, настолько фрагментарна, что по ней практически невозможно датировать стены. В целом, керамика может быть датирована в широких пределах от древнесогдийского периода вплоть до средневековья. Воздерживаясь от конкретной периодизации стен Коктепа, можем сказать, что последний период укреплений относился к кушанскому времени, на что указывают размеры кирпичей, керамический материал, а также последовательное залегание слоев. Что касается времени первоначального возведения укреплений Коктепа, то оно относится к древнесогдийскому периоду, т.е., ко времени Коктепа II. Ранее же возведение оборонительных стен Коктепа было отнесено к эллинистическому времени (Исамиддинов, 2002, с.103). Но пока мы воздержимся от окончательной периодизации внутренних стен Коктепа.

Таким образом, по результатам зачисток впервые нам представилась возможность проследить предварительную периодизацию оборонительных стен городища Коктепа.

Раскоп 11. (А.Грицина, Е. Лушникова, К. Рахимов)

Раскоп 11 расположен в северо-восточной части так называемого храмового комплекса городища (Исамиддинов, 2002, с. 35-39; Рапен, Исамиддинов, Грицина, 2003, с. 143;). Основная цель раскопок в отчетном году прежняя – попытка локализации «алтаря» - главного общественно-культурного сооружения комплекса (Рапен, Исамиддинов, Грицина, 2004, с. 158-170). Для достижения этой цели был заложен ряд шурфов.

Шурф 7 расположен в северо-восточной части храмового комплекса (рис. 1). В прошлом году здесь был вскрыт участок внешней стены и прослежен проход, который, возможно, вел в угловую башню (Рапен, Исамиддинов, Грицина, 2003, с. 162). Для того, чтобы проверить это предположение, шурф был расширен. В южной части шурфа расчищен хум, обнаруженный в прошлом году, опущенный сверху в кладку стены. В различных местах шурфа обнаружены окатанные речные камни (галечник) и обломки зернотерок. Кроме

того, в кладке стены расчищены три прямоугольные ямы, ориентированные в направлении СЗ-ЮВ. Одну из них удалось расчистить полностью. Размеры ее: 148x96 см, сохранившаяся глубина 20 см. Стена сложена из плоско-выпуклых кирпичей размерами 43x25x8-10 см и прямоугольных кирпичей размерами 50x19–13x10 см.

В результате раскопок была расчищена часть внешней стены храмового комплекса и зафиксирован полукруг фундамента северо-восточной башни.

Шурф 13 (10x10 м) заложен с целью обнаружения остатков северной стены храмового комплекса (рис. 1). Он был разбит на четыре равных сектора. Из них были вскрыты только три до уровней полов. Грунт достаточно рыхлый, сухой с включением античной (в основном) и позднесредневековой керамики. Остатки какой-то кладки были зафиксированы в южной части сектора № 1. Она сохранилась только в один кирпич по высоте. Кирпич сильно нарушен, так что установить его размеры не представляло возможности.

Шурф 14 (первоначально размерами 5x8 м, затем был доведен до размеров 15,75x5,70 м и прирезка к северу – 8,60x3,50 м) был разбит к югу от шурфа 12 для того, чтобы проследить продолжение внешней трехметровой стены в месте ее поворота на запад (Рапен, Исамиддинов, Грицина, 2004, с. 160, рис. 1). В ходе раскопок шурф был соединен с шурфом 12 (рис. 1; рис. 2).

Под дерновым слоем находился очень рыхлый грунт с включением керамики и костей животных, который перекрывал остатки архитектуры стены из плоско-выпуклых и прямоугольных кирпичей. Лучше кладка сохранилась в западной части. Здесь на некоторых плоско-выпуклых кирпичах («булках») зафиксированы знаки в виде буквы Z и цифры 8. Удалось проследить внутренний и внешний фасы стены. С внешней стороны стена поворачивала, образуя широкую полукруглую площадку, сохранившуюся к внешнему краю от одного до трех кирпичей по высоте. Скорее всего, нами был открыт фундамент под угловую башню, аналогичный тому, что был зафиксирован в шурфе 7. В «башню» вел проход шириной 1,20 м, в котором прослежены следы, видимо, вторичного обживания, в виде горелых и зольных прослоек. Размеры «булок» 53-54x29-30x10 см.

Как обычно, архитектура сильно нарушена жилищами кочевников, пришедших на городище после его запустения. К северу от вскрытой стены в полу двора расчищена яма, возможно, от цен-

трального столба жилища, диаметром 35 см. В кирпичных стенах также зафиксировано несколько ямок от жердей, диаметром 5-6 см. Все это как будто бы указывает на остатки жилища в виде легкой столбовой конструкции. К более позднему времени относится очаг (диаметр 40 см, сохранившаяся глубина 2-3 см), а также два хума, опущенных сверху прямо в кладку стены.

Шурф 15 (размерами 16х3 м) в направлении восток-запад, заложен к северо-западу от шурфа 13 также с целью поиска остатков северной стены храмового комплекса (рис. 1). Шурф был разбит на два равных сектора. В ходе раскопок в восточном секторе расчищен небольшой участок стены, ориентированный в направлении СЗ–ЮВ, шириной 0,8 м, сохранившийся в один кирпич по высоте и явно не связанный с внешней стеной. Сохранность кирпичей плохая. Скорее всего, она относится к раннеэллинистическому времени. В западном секторе расчищен аналогичный участок стены, а в юго-западном углу яма. Как в самой яме, так и рядом с ней находились камни различных размеров.

Шурф 16 (размерами 3х13,70 м) разбит к западу от шурфа 14 с целью поиска продолжения внешней стены (рис. 1; рис. 2). Здесь удалось проследить только внутренний (северный) фас стены, а южная ее часть, вероятно, также являющаяся частью платформы или фундамента, отмеченного в шурфе 14, уходила за пределы раскопа. Рядом со стеной, во дворе, расчищены две ямки от столбов диаметром 15 см и уровень пола, связанный с ними. На полу прослежен слой золы. На некоторых плоско-выпуклых кирпичиках зафиксированы знаки, прочерченные пальцем, в виде буквы Z и цифры 8.

Шурф 17 (размеры 4х6 м) заложен к западу от шурфа 7, также с целью обнаружения северной стены храмового комплекса (рис. 1). В ходе раскопок расчищены остатки трех параллельных стен из квадратных кирпичей и их половинок, идущих в направлении СЗ–ЮВ. Видимо, здесь удалось открыть часть стен и помещений поселения раннеэллинистического времени, остатки которого уже давно изучаются на Коктепе. Аналогичная кладка известна по раскопкам на городищах Афрасиаб, Эски Хавас в Уструшане (Исамиддинов, Иваницкий, Хасанов, 2003, с. 74; Грицина, Иваницкий, Рахимов, 2004, с. 63), на городище Годинтепа в Западном Иране (Young, 1969, p. 132, pl. XIII).

Шурф 19 (размерами 3x4 м), по мере раскопок расширялся. После того как был снят дерн и рыхлый слой грунта под ним, пошли кирпичи стены шириной 2,80 м, ориентированной в направлении север-юг (рис. 1). Стена сложена из обломков и кирпичей квадратного формата. Она покоилась на плоско-выпуклых кирпичах, служивших в качестве пола. Для того чтобы проследить ее продолжение на север, была снесена перемычка, разделяющая шурфы 17 и 19. Как оказалось, стена шурфа 19 соединялась с западной стеной шурфа 17. При сносе перемычки между шурфами, найдены хум и котел с «шишковидными» ручками-упорами.

Шурф 18 (3x4 м) разбит рядом с шурфом 9 (рис. 1). Сразу же под дерновым слоем находилась стена, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Ширина стены в пределах раскопа 2,40-2,60 м. Сложена она как будто бы из плоско-выпуклых кирпичей и являлась частью какого-то крупного здания, располагавшегося в центре основного культового центра. Продолжение этой стены, видимо, было зафиксировано еще в шурфе 9 в прошлом году.

Шурф 20 расположен к северо-западу от шурфа 13 и также преследовал цель поиска северной стены храмового комплекса (рис. 1). На этот раз поиск как будто бы увенчался успехом: удалось зафиксировать часть стены из плоско-выпуклых и прямоугольных кирпичей. При этом на стене расчищен небольшой фрагмент стены (110x150 см) из квадратных кирпичей размерами 36x36x10 см.

Для того, чтобы проследить ее продолжение и выяснить ее ширину рядом был разбит еще один сектор шурфа. Ширина стены 5,20 м, сохранившаяся высота – до 67 см. Как видно, стена здесь оказалась шире, чем в восточной части храмового комплекса. В стене была расчищена прямоугольная яма, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Размеры ее 30x275 см. Вероятно, она имела ту же природу, что и ямы, прослеженные в шурфе 7 (см. выше).

Шурф 21 (4x6 м) с аналогичной целью был разбит к западу от шурфа 20 (рис. 1). В результате раскопок вскрыт угол стен какой-то постройки во дворе храмового комплекса, при этом одна стена ориентирована в направлении СВ–ЮЗ, а другая – в направлении СВ–ЮЗ. Характер кладки выявить не удалось.

Инвентарь

Как и в прошлом году, в ходе раскопок получен значительный, в основном, керамический материал, который мало отличается от

прошлогоднего. К сожалению, в большинстве своём он оказался переотложенным, так как внутреннее пространство, прилегающее к стенам, раскрытым в шурфах, интенсивно обживалось в раннеэллинистическое время и нарушалось регулярными вторжениями кочевников. Тем не менее, выделяются три комплекса, относящиеся к трём периодам обживания городища.

Наиболее поздний из них относится к XI – началу XIII вв. и к позднему средневековью. Керамика этого периода представлена несколькими черепками поливной и неполивной керамики, которая уже неоднократно встречалась на городище.

Следующие два комплекса делятся между собой с известной долей условности. Хотя следует отметить, что в верхних слоях (имеются в виду слои, лежащие над стенами и в верхней части стен) встречается посуда эллинистического времени, значительная часть

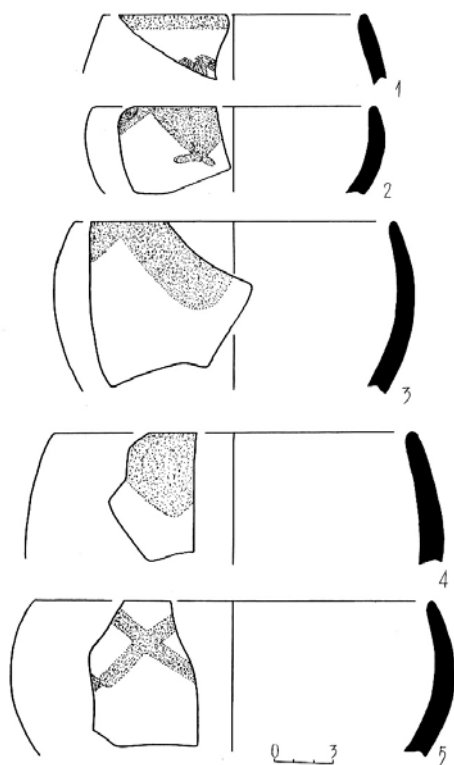

Рис. 3. Расписная керамика

которой сформована на гончарном круге быстрого вращения. Она представлена крупнообъемной посудой типа хумча, крупными горшками и кувшинами, чашами с Г-образными венчиками, которые отделяются от тулова желобком (рис. 4, 2) и кубками с плоским дном. Для последних характерен плавный переход от цилиндрической к конической части. Вместе со станковой керамикой достаточно много находилось и груболепной керамики, что вообще характерно для городища Коктепа (Рапен, Исамидинов, Грицина, 2004, с. 163-164). Эта посуда продолжает традиции эпохи лепной расписной керамики и ахеменидского времени.

Хотя и не исключено, что часть этой керамики попала в верхний слой из нижележащих слоев.

Вся описанная выше посуда уже давно известна по раскопкам на городище Коктепа и относится к комплексу Коктепа III (Исамиддинов, Рапен, 1999, с. 77, рис. 8).

В отчетном году получен хороший комплекс посуды эпохи РЖВ. Наиболее выразительна керамика из шурфа 13, происходящая из зольного слоя, расположенного ниже уровня обнаруженной стены (см. выше). Скорее всего, она связана с нижним слоем городища Коктепа. Вся она выполнена без применения гончарного круга, тесто грубое, с примесью дресвы и шамота. Керамика представлена крупногабаритной посудой типа хумов и хумча, корчаг, котлов с парой ручек-упоров, расположенных ниже закраины, горшками с оттянутым валикообразным венчиком, мисками и чашами различных размеров закраина которых либо загнута вовнутрь, либо поставлена прямо. Среди них имеется группа сосудов, которые можно назвать кубковидными. Судя по археологически целому сосуду, они имели округлое дно.

Особый интерес вызывает группа расписной керамики. Роспись наносилась только на мисках и чашах с внешней стороны красками темно-коричневого цвета. По имеющимся фрагментам выделяется, по меньшей мере, пять видов росписи: в виде «елочки» (рис. 4, 3), в виде косой сетки (рис. 4, 2; рис. 3, 5), в виде залитых краской и соединенных между собой подтреугольных фигур под венчиком (рис. 3, 2-3), в виде прямой линии под венчиком и волнистой линии под ней (рис. 3, 1), и в виде не совсем ясных фигур (рис. 4, 1).

Вся вышеотмеченная керамика также уже неоднократно встречалась на городище и относится к комплексу Коктепа I (Исамиддинов, Рапен, 1999, с. 73, рис. 6). По нашему мнению, как характер росписной керамики, так и вся остальная лепная посуда больше всего соотносится с материалами бургулюкской культуры Ташкентского оазиса (Дуке, 1982, 45-49) и, следовательно, может датироваться

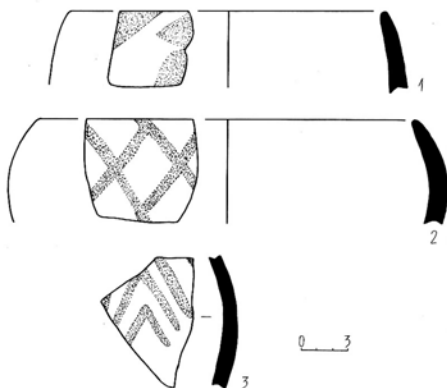

Рис. 4. Расписная керамика

этим же временем, то есть, IX-VII вв. до н.э., с некоторым смещением в сторону углубления ее датировки.

Краткие выводы

1. Вскрытые дополнительные участки полукруглой стены архитектурного (храмового) комплекса как будто бы подтвердили наличие полукруглых башен в середине стены и в местах ее поворотов на севере и юге, на что достаточно определенно указывают проходы в башни, зафиксированные в прошлом году, а также полукруги их фундаментов (рис. 1).

2. Впервые в отчетном году выявлен участок северной стены комплекса и, следовательно, излучина, расположенная рядом, искусственного (более позднего) происхождения.

3. Впервые на изучаемом пространстве городища (раскоп 11) выявлены постройки из квадратных кирпичей раннеэллинистического времени, которые возводились на более ранних сооружениях.

4. Внутри обводной стены с башнями выявлены остатки стен из плосковыпуклых и прямоугольных кирпичей какого-то крупного здания, назначение которого без дополнительных работ определить сложно.

5. Полученные материалы как будто бы не противоречат предположению о возведении полукруглой стены с башнями в доахеменидское время.

Литература

1. Грицина А.А., Иваницкий И.Д., Рахимов К. Раскопки на городище Эски Хавас // Археологические исследования в Узбекистане – 2003 год. Ташкент, 2004.
2. Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
3. Исамиддинов М.Х., Рапен К. К стратиграфии городища Коктепа // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.
4. Исамиддинов М.Х., Грене Ф., Грицина А.А. Работы Узбекско-Французской экспедиции на городище Коктепа в 2001 г. // Археологические исследования в Узбекистане – 2001 год. Ташкент, 2002.
5. Исамиддинов М.Х., Иваницкий И.Д., Хасанов М.Х. Раскопки в северной части «культового комплекса» и в «резиденции правителя» городища Коктепа // Археологические исследования в Узбекистане – 2002 год. Вып. 3. Ташкент, 2003
6. Рапен К., Исамиддинов М.Х., Грицина А.А. Раскопки в центральной части городища Коктепа (Р-1) // Археологические исследования в Узбе-

- кистане – 2002 год. Ташкент, 2003.
7. Рапен К., Исамиддинов М.Х., Грицина А.А. Работы на городище Коктепа (раскопы 11 и 1) // Археологические исследования в Узбекистане – 2003 год. Ташкент, 2003.
 8. Young T. Cuyler, JR. Excavation at Godin Tepe: First Progress Report. Royal Ontario Museum, 1969.

М. Исамиддинов, Б. Ронделли
(Самарканд, Болонья)

НОВОЕ В ИСЛЕДОВАНИИ МИАНКАЛЯ

Узбекско-Итальянская экспедиция совместно с Узбекско-Французской экспедицией ведет разведочные работы по созданию банка данных по археологическим памятникам Самаркандской области Узбекистана.

Территория исследуемого участка изучается с начала XX века, первоначально здесь работал В.А. Вяткин (Вяткин, 1897; его же, 1902). Позднее, в 1936 г., в районе г. Каттакурмана производил разведочные работы А.Ю. Якубовский (Якубовский, 1940). Начиная с 60-х годов и до середины 80-х годов на Мианкале и на правом берегу Акдарьи производила разведочные и стационарные работы экспедиция Института искусствоведения Министерства культуры во главе с Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1963; ее же, 1965; ее же, 1985; ее же, 1989), а также отряд Института археологии АН РУз (Ростовцев, Вафаев, Иваницкий, 1983; Ростовцев, 1980).

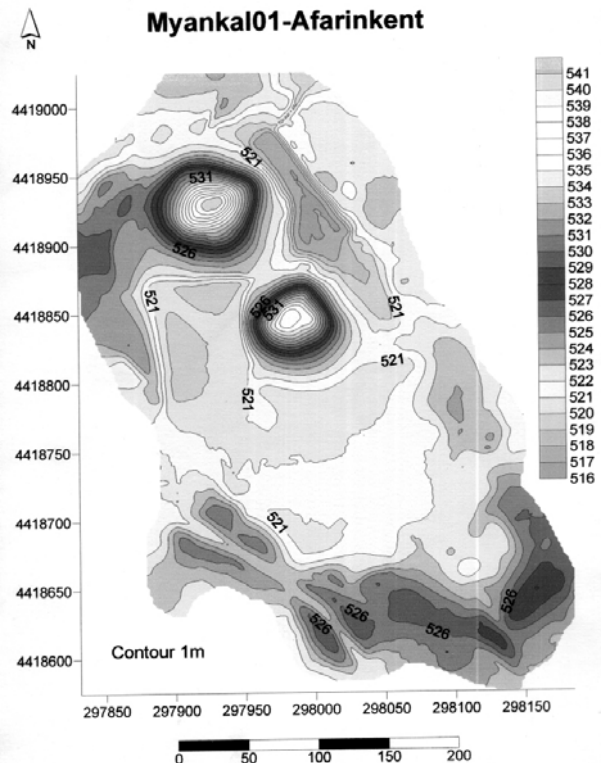
Основной целью повторной экспедиции являлось сплошное обследование археологических памятников с фотофиксацией, сбором керамических и других археологических материалов, установлением детальных географических координат памятников. В результате такой работы выявлено около 240 памятников в районе между Кардарьей и Акдарьей. Фиксировались и уничтоженные памятники, с установлением координат и сбором подъемного материала. По этим материалам устанавливалась относительная хронология, определялся тип поселения, по возможности проведено отождествление с теми или иными населенными пунктами, упоминаемыми в письменных источниках. В этом сообщении приводятся наиболее интересные из обследованных памятников.

Городище Угилтепа-Кызтепа.

Расположено на западной окраине с. Принкент. Имеет прямоугольную форму, размерами 250x450 м. Городище окружено оборонительной стеной вытянутой формы. В центре имеется два крупных холма округлой формы. Их называют Угилтепа и Кызтепа. Один из них (Угилтепа), расположен в северной половине городища, имеет почти округлую форму, диаметр около 80 м и высоту 18 м. Второй холм (Кызтепа) расположен в центре городища и имеет диаметр около 70 м, высоту 15 м. Возможно, эти два крупных холма, расположенные в центре городища, являлись кухендизами или культовыми центрами.

Городище с восточной стороны имеет два пониженных участка в виде двух седловин. Возможно, это остатки ворот. В северо-восточном углу имеется еще одна седловина, через которую на территорию городища поступала вода и где до настоящего времени протекает арык. Западные ворота не сохранились. Вдоль стен как с внутренней, так и с наружной сторон имеются жилые массивы, т.е. шахристан (рис. 1).

Вся южная половина городища в настоящее время используется под кладбище, а его пониженные участки - под сельхозкультуры. С территории городища собрано большое количество подъемного керамического материала, который в преобладающем

большинстве своем относится к IX-XIV вв. Имеются также единичные фрагменты керамики античного времени.

Разведочные работы показали, что, кроме внутреннего города, этот населенный пункт, имел и рабад. Об этом свидетельствуют культурные слои под современным селением. В частности, в 800-1000 метрах к востоку от внутреннего города (от Угилтепа и Кызтепа) местной администрацией розданы новые участки для строительства жилых домов. Вокруг каждого участка, где производились земляные работы, найдена керамика IX-XIV вв.

В юго-восточной части с. Принкент под водонапорной башней сохранился еще небольшой участок рабада, размерами 25x20 м и высотой около 2 м.

От бывшего рабада сохранились участки и в южной части городища. В частности в 300-400 метрах к югу от оборонительной стены шахристана имеется тепа, размерами 50x50 м, высотой около 2 м. В 100 м к югу от этого тепа среди садов и огородов местному жителю Акраму Кучкарову выделен участок для строительства дома. При земляных работах были обнаружены жженые кирпичи и большое количество облицовочных терракотовых плит караханидского времени. Но мотив и содержание орнамента этих плит напоминают мотив и содержание орнамента знаменитого афрасиабского резного штука саманидского времени (Ахраров, Ремпель, 1973).

Небольшой участок от рабада средневекового города сохранился на южной, старой части кишлака Принкент, который состоит из квадратного по форме здания (хонако ?), размерами около 20x20 м, со входом с западной стороны. В 8-10 метрах к западу имеется погребение (мазар) святого. В памяти местного населения оно сохранилось под названием «Эшонбувони мозори». Между погребением и хонакой растет крупный чинар, диаметром до 5 м, что указывает, на большую древность погребения.

Керамические облицовочные плиты, обнаруженные в рабаде, видимо, использовались в качестве декора крупных монументальных сооружений типа загородных резиденций, мечетей или медресе. Что касается датировки, то на территории шахристана обнаружены фрагменты керамики позднеантичного времени. Не исключено также, что на территории городища имеются и слои раннесредневекового и раннеарабского времени, о чем свидетельствует подъемный материал IX-XII вв. Большая часть территории города, особенно его

рабад, сложилась именно в эпоху развитого средневековья (X-XIII вв.).

Учитывая название кишлака, данное городище можно отождествить со средневековым Афаринкентом. Такое отождествление делали многие археологи, но они не знали, что под современным селением покоятся остатки крупного рабада. По В.А. Вяткину, древний населенный пункт основан при современнике Кутайбы ибн Муслима - Гуреке. К такому выводу он приходит, ссылаясь на «Кандию» и местные предания (Вяткин, 1902, с. 57-58). В начале X века Афаринкент упоминается как один из крупных городов Согда (Зимин, 1921, с. 45). Позднее, в эпоху Тимуридов, роль и значение Афаринкента еще больше увеличивается. Он упоминается в качестве одного из центров крупного Ним Сугутского или Афаринкетского тумана, расположенного в центре Самаркандского Согда.

Городище Козокота расположено на юго-восточной окраине одноименного селения. Сохранившаяся часть памятника занимает площадь около 200x150 м. В центре расположена мощная цитадель квадратной формы размерами 70x65 м и высотой около 12 м. На расстоянии 65 м к северу от края цитадели проходит полоса оборонительной стены и жилых построек. Аналогичная ситуация наблюдается и с южной стороны. Только восточная стена городища проходит в 80 метрах от цитадели и основные ворота тоже находились на этой стороне. Западная часть городища уничтожена. По подъемному материалу городище датируется от позднеантичного периода до развитого средневековья включительно.

В свое время Зарафшанская экспедиция во главе с А.Ю. Якубовским искала остатки древней Кушании (Якубовский, 1940, с. 58-59). По предположению В.В. Бартольда, её нужно было искать в месте слияния рек Акдарья и Карадарья. Там находится созвучное Кушании селение Кашанатой. Обследование этой местности показало, что здесь нет крупных городищ, которые можно было бы отождествить с Кушанией.

По нашему мнению, учитывая размеры и наличие позднеантичных и раннесредневековых материалов, Кушанию можно отождествить с городищем Козокота.

Городище Сугаттепа.

Расположено в центре селения Сугат. От древнего и средневекового городища сохранилась часть цитадели и рва размерами 85x65

м, высотой около 18 м. Вся восточная часть северной стороны цитадели снесены и постепенно продолжает осваиваться и остальная часть. Западная и юго-западная части цитадели сохранились хорошо. Цитадель была окружена рвом, остатки которого сохранились с южной, западной и с северной сторон. С южной стороны разреза прослеживается сводчатое помещение, видимо, это остатки внутристенной галереи. Современный кишлак с южной, западной и северной сторон приближается к самому рву, окружавшему цитадель, а с восточной стороны цитадель почти наполовину снесена современными домами и асфальтовой дорогой. В настоящее время ров прослеживается в южной и северной частях цитадели в виде седловины шириной около 20 м. Городище датируется ранним и развитым средневековьем.

Судя по величине цитадели и рва, городище Сугат являлось одним из крупных населенных пунктов после Иштыхана и Кушании. Об этом свидетельствует и его название. Возможно, Нимсугудский туман являлся отдельной и более ранней административной единицей в центральной части Мианкаля, с центром на городище Сугат.

Актепа.

Расположено в центре одноименного селения. Является остатками крупного городища, от которого в настоящее время сохранилась половина цитадели размерами 85х65 м и высотой около 10 м. Особенно памятник пострадал с юго-восточной стороны.

Еще 80-е годы XX века Г.А. Пугаченкова с северной части цитадели увидела продолжение городища в пределах 100 м. В настоящее время северная часть городища, зафиксированная Г.А. Пугаченковой, снесена полностью. В разрезах снесённых частей цитадели открылись (их не менее пяти) целые сводчатые помещения. Некоторые из них в настоящее время используются в качестве навесов для скота. Городище является перспективным памятником для изучения культуры раннесредневекового и средневекового Согда.

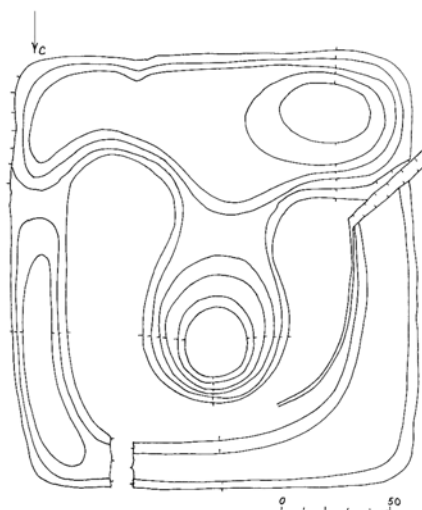
Городище Чанчкултепа.

Расположено возле селения Чанчкул. Является достаточно укрепленным прямоугольным по форме городищем, площадью 200х170 м. В центре городища находится мощная башня 70х65 м, высотой около 12 м, с пандусом с южной стороны. В юго-западной части городища имеется другая аналогичная угловая башня. Городище было окружено оборонительной стеной, в юго-восточном углу был нахо-

дился проход. Является оригинальным в планировочном отношении памятником. Поверхность памятника сильно задернирована, на нем расположен действующий мазар.

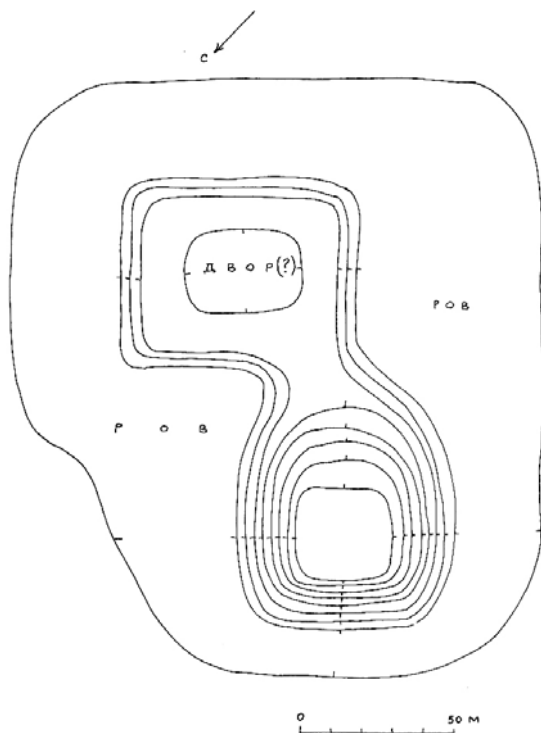
Киркентепа (Шахри Хайбар, Шахри Байбар).

Расположено на расстоянии 1 км к югу от селения Кораходжа. Является остатками уникального в планировочном отношении двухъярусного поселения. В глаза бросается сильно вытянутый вверх замок размерами 70х70 м,

Чанкултепа

высотой около 16 м. На юго-западе расположен другой относительно низкий прямоугольник размерами 75х65 м и высотой около 6 м. В центре этого прямоугольника имеется небольшое понижение. Это явные следы большого двора. Замок и двор соединены пандусом и окружены глубоким рвом. Такие сильно вытянутые вверх замки с пристроенным у подножия дворцовым сооружением, окруженные единым рвом, являются редкими монументальными соору-

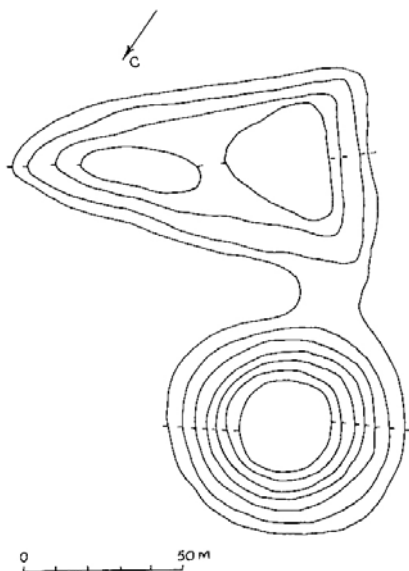

Киркентепа

жениями. Возможно, они являлись летними резиденциями правителей.

Жангалтепа.

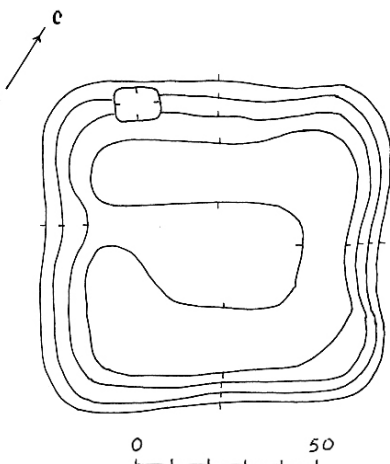
Расположено на северном конце с. Жангалтепа, на берегу Акдарьи. Является остатками уникального в планировочном отношении памятника. Он состоит из двух частей. В северной части выделяется замок-башня округлой формы диаметром около 70 м и высотой около 12 м. Замок с помощью пандуса соединяется с поселением размерами 110х60 м, высотой около 7-8 м. На поверхности тепа много обломков жженных кирпичей и глазурованной керамики X-XII вв. Но, судя по общей планировке поселения и его двухрусной основе, можно датировать памятник от раннесредневекового периода и вплоть до X-XII вв. н.э. Тепа с начала XIX в. по сей день является действующим кладбищем, где имеются надгробные камни.

Жангалтепа

Каттатепа.

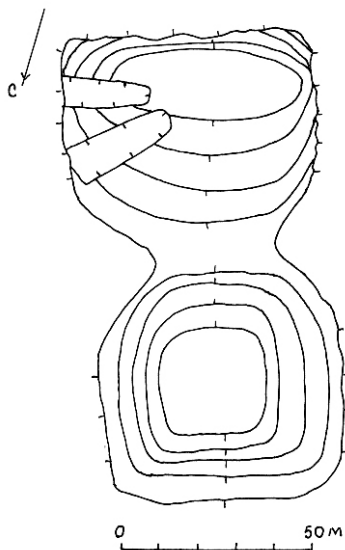
Расположено в 100 м к западу от с. Муллакурган. Является остатками квадратного укрепленного замка или караван-сарая размерами 90х90 м, высотой около 8 м. В рельефе достаточно хорошо прослеживается укрепленная крепость. По четырем углам замка прослеживаются башни, а с западной стороны - основной проход. В центре памятника - небольшое понижение рельефа, видимо, это остатки двора.

Каттатепа

Кошатепе.

Расположено на юго-западной окраине с. Кошкурган. Является остатками двух отдельно стоящих холмов размерами 130х60 м, соединенными друг с другом седловиной. Общая высота холмов около 10 м. Северный холм имеет четкую квадратную форму размерами 65х65 м, высотой около 10 м с наклоном в южную сторону. Это остатки замка, пандус которого вел в южную сторону, т.е. ко второму сооружению, расположенному южнее. Второй холм имел почти такие же размеры, небольшой наклон в сторону замка. На самой верхней части, видимо, имелось поперечное здание длиной около 50 м и шириной около 20 м. Юго-восточная часть памятника у его края значительно нарушена. Собрана керамика античного и раннесредневекового периодов.

Кошатепе

Таким образом, работами в Мианкале установлено, что этот регион Самаркандского Согда в эпоху раннежелезного века был практически не освоен. Это объясняется близким расположением подземных вод и камышовыми зарослями. На этой территории только на поселении Куратепе, возле кишлака Бутанаш, среди фрагментов керамики античного и раннесредневекового времени был обнаружен черепок, который можно датировать ахеменидским временем. Видимо, только в период эллинизма было начато освоение территории Мианкаля.

Территория Мианкаля по-настоящему была освоена в позднеантичный и, особенно, в раннесредневековый периоды. Появляются разнообразные формы раннесредневековых замков и усадеб. Крупные населенные пункты представлены в виде прямоугольного или квадратного тепа с вышками в центре или в одном из углов, имелись ассиметричные в плане тепа с башнями. Небольшие населенные пункты представлены, в основном, прямоугольным или овальным в плане тепа. Самыми распространенными формами населенных пунктов были двухъярусные замки с вышкой и площадкой у

подножия замка. Редкие в планировочном отношении населенные пункты в этой статье представлены планами.

В эпоху развитого средневековья Мианкаль превращается в самый густонаселенный район во всем Самаркандском Согде. Особенно был густо обжит Иштыхан и его округа. В пределах Иштыханского оазиса параллельно развиваются десятки крупных населенных пунктов, претендовавшие на статус городских. Одним из таких населенных пунктов был Афаринкент, позднее, в эпоху Тимуридов ставший основным центром одноименного тумана.

Литература

1. Вяткин В.А. Самаркандский вилайет // СКСО. Самарканд, 1897.
2. Вяткин В.А. Материалы по исторической географии Самаркандского вилайета // СКСО, Самарканд, 1902.
3. Зимин Л. Кала-и-Дабус. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1921.
4. Кастанье И. Развалины Кала-и-Дабус (Прежняя Дабусия). Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. 1921 г.
5. Пугаченкова Г.А. К итогам полевых исследований Искусствоведческой экспедиции 1961 года. ОНУ, 1963, №4.
6. Пугаченкова Г.А. К разведке античных памятников Согдианы // ОНУ, 1965, № 7.
7. Пугаченкова Г.А. Кангюй и Согд: на стыке двух культур. Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1984 г. Москва, 1985.
8. Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.
9. Ростовцев О.М. Работы в Самаркандской области // Археологические открытия 1979 года. Москва, 1980.
10. Ростовцев О.М., Вафаев Г.А., Иваницкий И.Д. Археологические исследования в долине Тусунсая Самаркандской области // ИМКУ, вып. 18. Ташкент, 1983.
11. Якубовский А.Ю. Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину 1934 года // ТОВЭ, Т. 2. Ленинград, 1940.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ г. КУВА

Самые первые археологические раскопки на городище Кува в одноименном районном центре Ферганской области, проводившиеся Ю.А. Заднепровским в 1951 году, дали материал, который позволил говорить о возникновении на этом месте поселения не позднее начала нашей эры. Несмотря на это, многолетние раскопки, с той поры и до сих пор, не давали оснований установить точный возраст города Кува. Причин для этого было несколько. Раскапывались, в основном, верхние слои городища, поскольку толщина культурных напластований на шахристане местами достигает восьми метров. Кроме того, долгое время не удавалось достичь материка из-за высокого уровня грунтовых вод под городищем. После того, как в 1998 году вокруг памятника было установлено несколько дренажных насосов, появилась возможность исследования нижних горизонтов почти по всей площади городища. Препятствием оставалась только глубина их залегания. В том же 1998 году слои над материком открывались сразу на двух раскопах №1 и №7. На территории первого раскопа были открыты материалы первых веков до н.э. Еще древнее оказались находки с территории раскопа №7. В нижних слоях разреза городской стены, в заполнении полуземлянок, вырытых в материке, обнаружены обломки керамики актамского типа, датирующиеся IV-III вв. до н.э. (Матбабаев, Грицина 2000, с. 106). На сегодняшний день это самые древние находки, если не считать трех бронзовых наконечников стрел V в. до н.э., найденных в слоях другого времени. Но они, к сожалению, не могут использоваться как аргумент в пользу ранней датировки собственно города. Эти слои перекрыты южной городской стеной, построенной не раньше VI в. н.э. и, следовательно, в лучшем случае могли быть остатками каких-то поселений за чертой города. Тщательное обследование микрорельефа шахристана Кувы позволило выдвинуть предположение о том, что первоначальная площадь города действительно могла быть несколько меньшей, чем территория, очерченная раннесредневековыми стенами (Ivanov, 2003, p.206). Поэтому в последние годы нами велись поиски ранней стены города. С этой целью на линии предполагаемой ранней городской стены были заложены два новых

раскопа, в восточной части, в 20-ти метрах от восточного края №11 и №12 в северо-западной четверти городища. В одиннадцатом раскопе следов городской стены пока выявить не удалось, но в нижних его слоях над материком зафиксирован слой с материалами первых веков до н.э. Такой же слой прослеживается и в раскопе №12. И, следовательно, во всех четырех раскопах, широко разбросанных на шахристане, где удалось дойти до материка, мы получили достаточно мощные (до 1,5 м толщиной) слои древнее двух тысяч лет.

Не менее важным оказалось открытие в двенадцатом раскопе десятиметрового участка стены, вытянутой по направлению север-юг. Эта стена толщиной до 1,5 м неоднократно перестраивалась. В ней были пробиты проходы в период, когда она служила северной стеной раннесредневекового помещения, но на одном ее участке сохранилась нижняя часть наклонной бойницы шириной 15 см (рис.1).

Наличие бойницы в стене говорит об ее оборонительном назначении. Была ли эта стена стеной города или в данном случае мы открываем часть какого-то замка, предстоит еще выяснить, но несомненный интерес представляет время ее сооружения. Для изучения ее стратиграфии стена была разрезана. Выяснилось, что она стоит на двухметровом слое первых веков до н.э. и первых веков нашей эры. Следовательно, строительство самой стены можно датировать, по материалам, прилегающим к ней, не ранее начала н.э. и она, возможно, не является самой ранней для города. И не исключено, что более ранняя оборонительная стена города может быть обнаружена несколько восточнее границы раскопа №12.

Из материалов, которые были обнаружены при разрезе стены первых веков н.э., наиболее интересной оказалась свинцовая (?) монета – подражание Сасанидским монетам Пероза V века. Монета была найдена в слоях

Рис.1

запустения, примыкавших к поверхности самого раннего (до перестроек) периода стены. Это первая и единственная находка подобных монет на территории Ферганской долины. Ранее находили подлинные серебряные монеты Пероза даже на территории самой Кувы. Но подра-

Рис. 2

жание, подобное нашей монете, встречено впервые в Центральной Азии. Э.В. Ртвеладзе в предварительной частной беседе высказал предположение, что эта монета могла быть изготовленной в Ферганской долине.

Несомненный интерес представляет еще одна находка из слоев VIII века раскопа №12. На полу помещения №2 нами расчищен обуглившийся при пожаре кусок деревянной балки с резным орнаментом (рис. 2).

Сама балка являлась одним из элементов деревянного перекрытия помещения, почти полностью сгоревшего в результате сильного пожара. Резьба выполнена на прекрасном художественном уровне. Это первая находка на территории городища Кува крупного предмета декоративного искусства. Она важна, прежде всего, как показатель высокого уровня развития художественного ремесла в древней Куве. И, в то же время, в сочетании с находками в соседнем помещении деталей декоративного глиняного фризa позволяет предположить неординарность раскапываемого на этой площади здания. Монументальность стен помещений и те предметы искусства, которые уже найдены, дают основания надеяться на серию интересных находок в следующих сезонах.

Литература

1. Ivanov G. Excavations at Kuva (Ferghana valley, Uzbekistan) // Iran, V.XLI, 2003
2. Матбабаев Б.Х., Грицина А.А. Археологические исследования в юго-западной части шахристана Кувы (Кубы) // ИМКУ, вып.31, Ташкент, 2000.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ ПУЛЖАЙ

В сентябре 2004 г. впервые в стационарном плане начаты раскопки Пулжая – периферийного города Хорезма на границе с кочевой степью. Памятник расположен на краю Восточного плато Устюрт (территория Кунградского района Республики Каракалпакстан). От него на расстоянии 8 км расположен строящийся содовый завод.

История изучения Пулжая довольно скупа, публикации по истории города крайне немногочисленны. Это объясняется отдаленностью памятника от основных трасс и населенных пунктов. Он был открыт в 1946 г. сотрудниками Хорезмской экспедиции РАН под руководством С.П. Толстова. Применяв авиацию для разведок на больших пустынных территориях Восточного чинка Устюрта, С.П. Толстов выявил развалины сигнальных башен – Урга, Киятжол, Караумбет, Шибинды, развалины крепостей Пулжай и Кияжол. Все обследованные памятники датированы им X-XI вв. (Толстов, 1948, с. 248). В 1960 г. сотрудник отдела археологии ККФ АН РУз В.Н. Ягодин, наряду с другими памятниками, посещает городище Пулжай. По собранным материалам из траншей и поверхностей памятника он датирует обживание Пулжая в пределах IX-XIV вв. (Ягодин, 1963, с. 90-92). В 2003 г. городище Пулжай посещают члены международной экспедиции во главе с ташкентским археологом С. Баратовым (Ширинов, Алимов, Баратов и др., 2004, с. 197).

Памятник состоит из трех частей. На краю полого мыса плато находится крепость Пулжай домонгольского времени. Внизу, на юго-западной стороне крепости в виде разрозненных всхолмленных площадок, сохранились остатки жилищ. Тщательный осмотр и обмер уровня расположения планировок поселения показывает, что жилые постройки еще в изначальный период были построены на естественных возвышенностях, выделяющиеся среди такыров. Естественно-природные возвышенности защищали жилые постройки от смыва их дождевой и талой водами, в период обильных осадков, спускающихся от чинка плато Устюрт. Многочисленные овраги и промоины обходят возвышенности с жилыми постройками и на юге

соединяются с сухим руслом.

Поэтому обитатели Пулжая не могли строить свои дома по определенному плану. На поселении господствуют развалины небольших построек, состоявших из одного, реже двух-трех помещений. Все постройки открытого поселения в нижней части были построены из тесаного камня, пахсы и сырцового кирпича.

Крепость Пулжай домонгольского времени имеет квадратную форму (74x74 м), располагается на краю мыса, защищена с восточной и южной сторон крутыми обрывами высотой около 32 м. Две другие стороны, обращенные к плато, защищены крепостными стенами шириной 4,20 м; с наружной стороны их огибает глубокий естественный ров-промоина, образованный дождевыми потоками и тальми водами. При осмотре сразу бросается в глаза Г-образный вал, расположенный между крепостной стеной и рвом. При возведении вала использованы каменные тесаные плиты, к настоящему времени они сильно деформировались, расщепляются в верхней части. Закладка каменного вала осуществлялась на дневной поверхности. При его создании строители крепости сразу решили две задачи: возводили важный оборонительный рубеж-вал и защищали крепостные стены от разрушения дождевыми потоками и тальми водами.

К настоящему времени крепостные стены сильно оплыли, превратились в невысокие глинистые валы. В четырех углах сохранились овалы в плане оборонительные башни высотой до 4 м. Кроме того, в середине каждой стены читаются полукруглые в плане башни. При строительстве оснований стен и башен использовался тесаный камень, над ним лежат пахсовые блоки высотой 1,4 м, сырцовый кирпич отсутствует. В результате пахсовые блоки, построенные без учета «связующих» строительных элементов, сильно разрушены.

В археологический комплекс Пулжай входит и некрополь города, расположенный к западу от неукрепленного поселения.

Для уточнения характера и назначения построек, а также для изучения культурного слоя раскопаны три помещения в различных частях памятника. В восточной части крепости раскопано помещение 1 размерами 5x4 м, его стены соприкасались с торцами соседних комнат. Пахсовые стены сильно разрушены, дверной проем не обнаружен. Детали интерьера отсутствуют. Пол в виде скального –

грунта расчищен на глубине 1,10 м. В перемешанном слое завалов, над полом найдены фрагменты керамики с зеленой, светло-коричневой поливой и гравировкой надглазурной росписью, а также обломки красноглиняного кувшина с пластинчатой ручкой и лепная керамика. Много костей животных. Многочисленный керамический материал позволяет датировать крепость Пулжай X-XIII вв.

На территории неукрепленного поселения нами обследованы остатки гончарной печи (помещение 2). Печь с трех сторон – северной, восточной и западной – ограждена стенкой из тесаных плит, сырцового кирпича и сохранилась на высоту около 0,5-0,7 м. Печь еще в древности сильно разрушена, стены и керамический шлак полностью заполняют сохранившиеся стены. Полуразрушенная топчанная камера имеет диаметр 1,6 м. Она построена из кирпича размером 22x22x23 см, т.е. из стандартных кирпичей, характерного для памятников Хорезма золотоордынского времени (Кдырниязов, 1989, с. 121-122). Судя по материалам (кувшины с округлой в сечении ручкой, фрагменты сосудов серого обжига, шлак, кирпичи), гончарная печь датируется XIII-XIV вв. В раскопе, заложенном к юго-западу от помещения 2, вскрыта нижняя часть помещения 3 (6x7 м). Стены его возведены из обтесанных каменных плиток (0,32x0,38x0,26; 0,46x0,24x0,58; 1x0,6x1,4 м). Помещение было заполнено надувным песком, фрагментами тесаного камня, неполивной и кашинной керамики. Культурный слой слабо выражен. Пол ровный. Детали интерьера отсутствуют. Работы подтвердили наблюдение В.Н. Ягодина о том, что «в большинстве случаев они (стены помещений) разрушены до основания и представляют собой просто большие участки развеваемого культурного слоя» (Ягодин, 1963, с. 91). Территория неукрепленной части когда-то была заполнена дельтовыми протоками Амударьи и соединялась с озером Судочье.

Подводя итоги изучения городища Пулжай, надо отметить, что интенсивный период освоения культурной зоны вдоль Восточного чинка Устюрта происходит с X в. по XIV в. В этот период здесь появляются крупные населенные пункты. В числе средневековых городов Хорезма источники указывают Замджан (Шемахакала), куджак (Топраккала Кунградская), Баратегин (Большой Айбуиркала Джувикан (Мончаклы), Гит (Пулжай), Мадминия (Бограхан). Воз-

никновение этих населенных пунктов хронологически совпадает с обводнением западной части дельты Амударьи. Пулжай (Гит), как и другие города этой зоны, появился в результате естественно-географического и культурно-экономического подъема Хорезма.

Литература

1. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. Москва, 1948.
2. Ягодин В.Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части дельты Амударьи // Материалы Хорезмийской экспедиции. Вып. 7. Москва, 1963.
3. Ширинов Т.Ш., Алимов К., Баратов С., Бороффка Н., Вюннеманн Б., Кривоногов В.С., Райнхарт Хр., Рахимов К., Сапаров Н., Сорель Ф. Полевые работы по проекту INTAS Aral № 00-1030: «Климатические изменения в эпоху голоцена и развитие поселений человека в бассейне Аральского моря» // Археологические работы в Узбекистане – 2003 год. Вып. 4. Ташкент, 2004.
4. Кдырниязов М.-Ш. Материальная культура Хорезма в XIII-XIV вв. Нукус, 1989.

М.-Ш. Кдырниязов, С. Саипов, А. Кдырниязов
(Нукус)

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ МИЗДАХКАН

Задачей раскопок 2004 г. было выявление в южном пригороде Миздахкана новых построек и культурных слоев домонгольского и монгольского периодов.

Новый раскоп III расположен к западу от южного поселения, на восточной стороне крепости Гуяркалы. В результате раскопок здесь вскрыто шесть помещений, которые, судя по интерьеру и находкам, являлись хозяйственно-жилыми постройками некогда существовавшего квартала. Кладка стен помещений производилась из сырцового кирпича и пахсы, в основания стен положены ряды каменных плит и жженые кирпичи.

Помещение 1 (4,15x4 м) имеет вход шириной 1 м в южном углу и связано с улицей. При входе – ташнау с облицованной жжеными кирпичами площадкой, размерами 1,10x1,50 м. В середине ташнау расположена поглотительная яма, перекрытая кирпичом с отверстием. В западной части помещения имеется суфа и керамический очаг с каном-дымоходом. Для прочности внешняя поверхность очага бы-

ла обмазана толстым слоем саманного раствора с фрагментами керамики. Предочажная выгребная яма перегорожена стенкой из жженных кирпичей. В северной стороне помещения 1 расположена комната 2. Помещение еще в древности было сильно разрушено, отчего плохо сохранились северная и восточная стены. В помещении зафиксировано два прохода. Первый проход, шириной 0,8 м, ведет на улицу. Возможно, помещение первоначально состояло из двух частей. В середине помещения сохранилось основание нижней части стены в виде перегородки из жженого кирпича высотой 0,35 м. Отгороженный отсек использовался для хозяйственных целей. Здесь, примыкая к западной стене, находился керамический очаг.

Коридор шириной 2 м соединяет помещение 2 и гостиную комнату 5. Помещение 3 (1,90x2,50 м) находится рядом с помещением 2. Западная и северная стены являются основными и выложены каменными плитами и жженым кирпичом. Южная стена, как и восточная, возможно, была каркасной. Об этом свидетельствуют остатки нижней части узкой стенки (0,25 м) из жженого кирпича. Помещение 3 выполняло функцию кладовой. В комнате не было декоративного оформления; было найдено много обломков различной посуды, что дополнительно подчеркивает ее нежилой характер. Основная масса находок относится к хорезмшахскому периоду. В помещении 4 (3,10x3,5 м) вдоль западной стены расположен лавкообразный выступ (3,5x0,35 м), выложенный по краям целыми кирпичами и их обломками. Поверхность лавки также облицована жжеными кирпичами. В середине выступа обнаружен керамический очаг, который с наружной стороны укреплен обломками керамики и обмазан. В помещении найдено большое количество фрагментов неполивной керамики хорезмшахского периода (рис. 1).

Вдоль южной стены, ближе к углу, обнаружены три вкопанные наполовину в землю хумы, стоящих по одной линии. Хумы имеют яйцевидный корпус без шейки и с наружной стороны украшены прочерченным и налепным орнаментом (рис. 2).

Аналогичные изделия известны по материалам Каваткалы, Шах Сенем, Наринджан; они происходят из напластований культурных слоев хорезмшахского времени (Вактурская, 1959, с. 302, рис. 19, 1-2; с. 304, рис. 20; с. 305).

Не исключено, что помещение 4 построено в хорезмшахское

Рис. 1

время в качестве хозяйственного, в раннезолотоордынское время вновь использовалось в качестве жилого.

В связи с этим находит объяснение сохранение внутренних планировок в отдельных помещениях южного поселения, в некоторых имелись стоящие в

положении *in situ* богато орнаментированные хумы хорезмшахского времени (Кдырниязов и др., 2004, с. 81-82).

Помещение 5 (5х3,50 м) имеет хорошо сохранившиеся стены; в основании южной стены сохранилось шесть рядов из жженных кирпичей (20х20х4; 28х28х4 см), использованных в качестве фундамента. Такие же кирпичи имеются в нижней части западной стены. В южной стене оказалась ниша (0,25х0,35 м). В ней найден хорошо сохранившийся железный кетмень. Большая часть жилища занята Т-образной суфой, облицованной по краям жжеными кирпичами. На противоположной стороне в ней отстроен очаг с горизонтальным дымоходом кана. Другой интерьер состоял из лавкообразной суфы у восточной стены

(1,75х0,55х 0,35 м). Лавка сложена из жженого кирпича золотоордынского стандарта. Проход шириной 0,8 м соединяется с длинным коридором, идущим из помещения 2. У прохода, примыкая к внешнему углу

Рис. 2

южной стены помещения 4, стоял большой хум, наполовину вкопанный в землю. Пол помещения облицован жженым кирпичом. Помещения 5, 2 и 3 принадлежали одному хозяину и составляли один дом. Жилище пострадало, возможно, в связи с монгольским нашествием и было восстановлено в раннезолотоордынский период (в 40-50-х гг. XIII в.).

Основание стен (3,65х3,90 м) помещения 6, пол и края суфы были сложены из обожженных кирпичей (20х20х4; 22х22х4; 25х25х4 см). Западный конец комнаты раскопан не полностью. Вдоль южной стены находилась суфообразная лавка (1,10х3,90х0,32 м). У входа находился ташнау, выложенный из жженных кирпичей. Под кирпичной крышкой ташнау стоял вкопанный верх дном хум. В северном углу, примыкая к стене, находился керамический очаг с дымоходом-каном. Помещение 6 со временем перестраивается; первоначально северная стена была единой с помещением 1, затем ее передвинули на 0,65 м в южном направлении. В результате образовался единый проход шириной 0,8 м. Судя по вскрытым интерьерам, помещение могло служить гостиной.

В 2004 г. был заложен шурф (2х1,5 м) с наружной стороны помещения 1. Шурф дал несложный характер наслоений этой части пригорода Миздахкана: сверху прослеживалась часть основания восточной стены помещения 1, ниже шел плотный натечный слой, а на глубине 1,40 м пошла сплошная постелистая кладка из крупноформатного сырцового кирпича (43х43х10 см). Эти стандартные сырцовые кирпичи употреблялись в строительстве Хорезма в античное время (Голстов, 1962, с. 250).

Наличие остатков античной эпохи весьма интересно, если учесть, что речь идет не о центре древнего Миздахкана (Гяуркалы), а об его окраине. Раскопки в разных частях южного поселения должны дать дополнительные материалы по истории древнего и средневекового Миздахкана.

Строительные остатки раннего времени подвергались перепланировке. Следовательно, ранние перестройки перекрываются поздними поселениями, поэтому керамика VIII-IX, XII-XIII и XII-XIV вв. в изобилии встречается в заполнении вскрытых помещений.

В целом раскопки и шурф, заложенный в южном поселении, показали, что эта территория начала обживаться еще в античное время. Жизнь на протяжении средних веков протекала интенсивно,

здесь успели образоваться культурные слои афригидского, хорезмшахского и золотоордынского времени. Не менее важно и то обстоятельство, что жизнь в южном помещении, хотя и в небольших масштабах, возродилась в 40-50-х гг. XIII в., после монгольского нашествия. Таким образом, археологическое изучение юго-восточной части домонгольской Гяуркалы (Миздахкан) доказало непрерывность исторического развития данной территории.

В 2005 г. отряд археологической экспедиции Каракалпакского государственного университета продолжал раскопки в южной части Гяур калы Миздахканской. В двух местах изучены постройки и стратиграфия культурных отложений. В раскопе 2004 г. вскрыто новое помещение № 7 (4,4x3,6 м). Оно расположено к западу от помещения № 5, и можно считать его сооружением более позднего времени. Жилище удлиненной формы, прямоугольное в плане. Стены в основном прямые, западная стена чуть искривлена. Они сохранились на высоту до 1,5 м, возведены из жженого кирпича, в качестве фундамента использованы крупные фрагменты полигональных каменных плит и красноглиняных толстостенных сосудов. Южный угол помещения частично разрушен. Здесь вверх дном наполовину вкопан хум яйцевидной формы. Диаметр широкой части стенки - 0,55 м, высота - 0,65 м, венчика - 0,26 м. В северной стене, ближе к южному углу, сохранился проход шириной 1 м; жилище с ним связано открытым незастроенным пространством.

Большая часть помещения занята П-образной суфой и очагом-каналом, края которого выложены жжеными кирпичами (19x19x4 и 30x30x5,5см). Вдоль южной стены комнаты приспособлен частично разрушенный горизонтальный дымоход кана. Его перекрытие состоит из жженого кирпича различного формата. В южном конце помещения находились закрома прямоугольной формы со стенками из жженого кирпича, разделенные на два отсека. Южный отсек больше размером (1x0,65 м, глубина 0,35 м). Другой, северный, чуть меньше (0,90x0,50 м). Помещение относится к хорезмшахскому периоду. Об этом свидетельствуют остатки основания стен хорезмшахского времени как из раскопок предыдущего года, так и нынешнего сезона. В помещении найдено большое количество неполивной керамики XI - нач. XIII вв. и монеты хорезмшахов-ануштегинидов иль Арслана (1156-1172), Мухаммад бин Текеша (610 г.х. -1213-1214 гг.) [3]. Вероятно, судя по широкому проходу, выходящему на се-

вер, на незастроенную площадь квартала, помещение № 7 относится к отдельному дому, не связанному с жилищами, открытыми в 2004 г.

В целом надо отметить, что на этом участке раскопа Миздахкана преобладает керамика хорезмшахского времени. Само расположение археологических объектов говорит о том, что эта часть построек раннего и развитого средневековья находится на подступах к восточному пригороду Гяур калы Миздахканской. В этом отношении весьма интересно начало изучения укрепленного дома-массива городище Миздахкан в 2005 г.

В этом сезоне начались раскопки на участке, расположенном ближе к Гяур кала, на краю одного из бесформенных, холмообразных возвышений. Здесь на поверхность выступает надувной слой с фрагментами керамики, стекла и жженого кирпича. В ходе раскопок получены данные для характеристики строительных материалов, комплекс керамики раннего и развитого средневековья, т.е. периода, предшествующего нашествию монголов в нач. XIII в. По предварительным результатам работы 2005 г. установлено, что в основании бугра лежат два культурных слоя - афригидской и хорезмшахской эпохи.

При раскопках в южном углу бугра расчищено два помещения XI - нач. XIII вв. и ооконтурена часть внешней стены массивной постройки раннесредневековой эпохи. Оплывшие стены сложены из сырцовых кирпичей (36x36x9; 37x37x9 см) и сохранились на высоту 1,35 м от окружающей дневной поверхности. Толщина стен в расчищенных поверху местах - 1,30 м. Планировка южной части постройки полностью не вскрыта из-за нехватки времени. В результате зачисток выявлена внутренняя планировка, кирпичная кладка стен помещений и поверхность пола с обильными наслоениями культурных остатков. Слой над полом включал большое количество золы, фрагменты керамики и гари.

В начале раскопок было вскрыто помещение № 1 (6,75x5,75 м). Стены сохранились в основаниях. В северном углу находились две клетушки с ташнау, отгороженные и отделенные друг от друга тонкой кирпичной перегородкой. Толщина внутренних стен не превышает полтора-два кирпича (25x25 x5; 27x27x5; 29x29x 5 см); они сохранились на высоту 1,10-1,25 м над полом. Уровень полов неровный, так как в древности был выровнен небрежно. Первый ташнау

Рис. 3

Рис. 4

размерами 1,25х 1,10 м облицован жженым кирпичом (29х29х 10 см), края подняты половинками жженого кирпича, расположенными неравномерно, на различных уровнях (рис. 3). Хум XII - нач. XIII вв. находится в центре, перевернут верх дном (рис. 4). Диаметр – 0,52 м, высота – 0,54 м. С внешней стороны резервуар укреплен крупными фрагментами хума афригидского периода и перекрыт жженым крупноформатным кирпичом (48х37х 5,5 см) (рис.5). От него на расстоянии 1 м расположены два вкопанных в пол

хума. Один из них примыкает к восточной стене перегородки. Диаметр широкой части - 0,52 м, донца – 0,40 м. Второй хум расположен вплотную к западной стене. От центрального хума к ним идет желоб с уклоном вниз, выложенный из жженого кирпича (38 х19х6; 29х20х6; 27х20х5 см). Лишняя жидкость от центрального хума самотеком сливалась в боковые резервуары. Боковые хумы-поглотители расположены ниже, чем основной сосуд. Все хумы были заполнены рыхлой органикой с зеленоватыми комковатыми включениями.

В южном конце западной стенки помещения, к западу от хумов-поглотителей, на приподнятом месте находится вертикально по-

ставленный керамический очаг, приспособленный из старой хумчи. Диаметр устья – 0,24 м, высота 0,26 м, выпуклой части 0,38 м. Очаг с двух сторон - южной и западной защищены невысокой, незамкнутой перегородкой. В передней части очага большое скопление золы, толстый слой пепла.

В восточной стороне помещения, примыкая к стене, располагается узкая кирпичная вымостка ташнау (1,90x0,50 м). Под ним открыт колодец, выложенный изнутри специальными керамическими приспособлениями красного теста со значительной примесью шамота. Этот отощающий ингредиент часто исполь-

Рис. 5

зовался при изготовлении крупных сосудов Хорезма, начиная с раннесредневековой эпохи. При одинаковом диаметре – 0,62 м пологие цилиндрические приспособления имеют высоту от 0,32 до 0,42 м. Колодец раскопан до конца, его глубина 3,65 м, после этой отметки работа была прекращена из-за выхода жидкой глинообразной массы. Аналогичные керамические стенки колодца известны по материалам Кердера (Хайван кала. Архив НГПИ). Колодцы внутри жилища характерны для планировки многих хорезмийских замков афригидской эпохи (3).

В хорезмшахский период колодец уже не функционировал. Заполнение его какими-либо веществами отсутствовало. Только на дне обнаружена слежавшаяся намывная жидкость, которая, возможно просачивалась в период обильных дождей. В XI - нач. XIII вв. по верху керамической стенки колодца была устроена водопоглощающая площадка из разноформатных жженных кирпичей (27x27x6; 29x19x6 см). Площадка образована завалами разрушенных стен и слоем намывов и открыта на глубине 1,20 м от дневной поверхности бугра. Пол помещения № 1 на этом уровне оказался ниже позднего пола на 0,80 м; он включает фрагменты сероглиняной керамики, стекла и монеты хорезмшахской эпохи. Нижний культурный

Рис. 6

слои лишен инородных включений, он состоял из мелких фрагментов толсто-стенной красноглиняной керамики афригидского времени. В западной части помещения № 1 открыта комната № 2 (5,8x3,3 м) удлиненно-прямоугольной формы. В ней у северной стены открыт высокий суфообразный выступ с площадкой ташнау (1,04x1,04 м). Его уровень ниже пола помещения № 1 на 0,34 м. Под крышкой ташнау с четырьмя отверстиями оказался светлоглиняный узкогорлый кувшин с пластинчатой ручкой. *In situ* он был вложен верх дном в афригидский хум. В северном углу помещения обнаружены каменные жернова - нижняя и верхняя части (рис.6). Большая, нижняя часть диаметром 0,54 м, толщиной 8,5 см. Верхний жернов маленький, диаметром 0,38 м, толщиной 5 см, по краю имеет ямку для деревянной ручки, посредством которой осуществляется вращение. С двух сторон жернова обложены жжеными кирпичами (30x30x5 см). Отметим тщательную облицовку помещения пола фрагментами стенок больших толсто-стенных красноглиняных сосудов, из-за чего пол сохранился относительно неплохо, по сравнению с полом описанного выше помещения № 1.

Таким образом, помещения №1 и №2 оказались совершенно однотипными по плану, им свойственны схожие внутренние конструкции (ташнау). Два ташнау находились в помещении № 1, а третий в помещении №2. Если учесть эти отмеченные детали, то становится совершенно очевидным, что эти комнаты являются частью большого дома, построенного в XI - нач. XIII вв.

Стратиграфическая траншея (2x6 м) была заложена в восточном фасаде раннесредневековой стены. Полученный при этом материал подтвердил предположение их принадлежности к афригидскому времени. Траншея обнажила внешний фасад стены, возведенной из

сырцового кирпича размером 36х36х9 см. Она доведена до глубины 5,75 м по отношению к дневной поверхности бугра, ниже началось просачивание грунтовых вод. Траншея прорезала культурные остатки толщиной 3,37 м, составляющие напластования слоев гниения, завала и песка. От разрушений поверхностной части раннесредневековых стен образовался верхний надувной слой. В нем различается слой кирпичного завала, гниения и отслаивающего намыва (отметка – 2,45 м). Под ним оказался песчаниковый слой (4,45 м).

Таким образом, судя по культурным напластованиям, предполагаемый массив-дом раннесредневекового времени был воздвигнут на культурных остатках предыдущей античной эпохи, возможно, на искусственной платформе. В нижних слоях много фрагментов толстостенных красноглиняных сосудов, более древнего времени. По результатам раскопок 2005 г. можно предположить, что в восточной части Гяур калы Миздахканской лежат отдельные постройки IV-VIII и XI - нач. XIII вв. Основанием для этого служат материалы стратиграфической траншеи.

Литература

1. Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XIV вв.) // Труды ХАЭЭ, т. IV. Москва, 1959.
2. Кдырнийазов М.-Ш., Сайпов С., Кдырнийазов А. Продолжение раскопок средневековых построек в южной части Миздахкана // Археологические исследования в Узбекистане – 2003. Ташкент, 2004.
3. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962.
4. Монеты определены А.В. Пачкаловым, за что авторы выражают свою признательность (Институт археологии РАН. Москва).
5. Неразик Е.Е. Раскопки Якка Парсана // МХЭ. Вып. 7. - Москва, 1963.

М. Мамбетуллаев
(Нукус)

КАРАКАЛПАКСКИЙ ТУЛ В МАТЕРИАЛАХ КЕРДЕРА

В 2004 г. при исследовании городища Кердер (Р-5) в помещении № 2 около очага была найдена терракота в виде человеческой личины с зооморфным головным убором (рис. 1 и 2). Нижняя часть отломана. На ней изображен мужчина с крупным прямым носом. Ноздри обозначены углублениями. Слегка приоткрытый рот передан

рельефом. Глаза переданы черточками. Лицо узкое, европеоидное, подбородок не выделен. Голова увенчана изображением пары головок баранов, обращенных в разные стороны. Глаза баранов переданы углублениями. Шерсть на спине баранов плетеная, в виде прически перекрывает лоб и брови человека. Сохранившаяся высота 7,8 см, ширина пары головок баранов 9 см, диаметр нижней части 3,11 см. Терракота изготовлена ручной лепкой, в изломе темно-серая, ангоб светло-розовый. Терракота найдена в четвертом строительном горизонте и датируется X-XI вв.

Кердерская статуэтка не имеет близких аналогий в среднеазиатской коропластике этого времени. На поселении Алтате в Саратовском Заволжье и на могильнике Агачкала в Дагестане были обнаружены бронзовые личины, которые также датируются X-XI вв. (Галкин, 1980).

Рассматривая терракотовую личину, нельзя не вспомнить о древнетюркских языческих обрядах, связанных с похоронами, о которых писал Абул-Гази: «... когда у него умирал любимый кто-либо, то сын или дочь, или братья делали похожую на него статую и, поставив ее в своем доме, говорили: это такой-то из наших близких; оказывая к нему любовь, первую часть кушанья клали перед ней, целовали ее, натирали мазями лицо, глаза и кланялись ей» (Шило, 1975).

Возможно, назначение полиаморфной личины имело прямое отношение к описываемому обряду. Она представляла собой умершего и находилась в жилище его ближайших родственников, являясь тулом. Тул это изображение умершего. В данном случае он мог быть представлен терракотой или куклой в одежде умершего. Тул, как считали исследователи, выполнял роль вместилища души покойного, являлся его заместителем среди живых. Но он был временным и по истечении периода, определяемого обычаем, его уничтожали. Это диктовалось страхом перед умершим и представляло собой акт полного разрыва с покойником, душа кото-

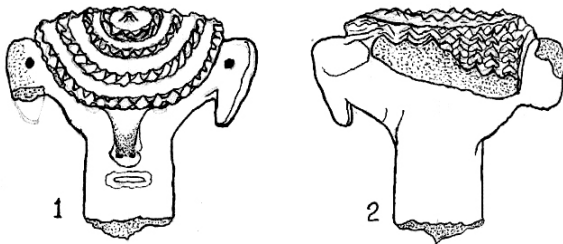

Рис. 1-2. Терракота из Кердера

рого уходила в мир мертвых и не мешала живым.

Как мы отмечали, верхняя часть головы терракоты увенчана изображением головок баранов, обращенных в разные стороны. отождествление изображения барана с фарном общепризнано и не требует дополнительной аргументации. Достаточно широкое распространение получила в литературе гипотеза о связи фарна с погребальным культом. Более того, в Авесте образ Хварно совершенно определенно связывается с вечно растущей жизнью, воскрешением и образом бессмертного спасителя. существование веры в фарн в Хорезме в VII-VIII вв. отмечали С.П. Толстов и В.А. Лившиц, основывавшиеся на упоминании Кавийского фарна в одном из текстов на оссуарии Ток-калы. Кроме того, необходимо отметить, что ритуальные захоронения баранов в отдельных ямах с погребальным инвентарем известны еще с эпохи бронзы. Одно из погребений туши барана с погребальным инвентарем в отдельной яме раскопано на территории Джетыясарского урочища. В погребениях Куюк-калы (Северный Хорезм) также встречаются кости барана (передняя нога, лопатка, астрагалы).

Примеры связи барана с погребальным культом можно было бы множить и множить. Представления эти достаточно универсальны и были распространены на огромной территории Ближнего и Среднего Востока, начиная чуть ли не с эпохи энеолита до наших дней.

Таким образом, в свете приведенных сравнительных материалов можно сделать вывод о том, что кердерский тул по древним обычаям замещал умершего и играл роль хранителя его души и одновременно мог выполнять магические охранительные функции.

Литература

1. Галкин Л.Л. К вопросу о связях степного Заволжья с Кавказом в хазарское время // Северный Кавказ в древности и средние века. Москва, 1980.
2. Шило Б.П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. Москва, 1975.

М. Мамбетуллаев
(Нукус)

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ ХАЙВАНКАЛА

Хайванкалинский археологический отряд Нукусского государственного педагогического института продолжал исследование горо-

дища Хайванкала. Раскоп 6 площадью 250 кв.м был заложен в восточной части памятника. В юго-восточной части раскопа вскрыты строительные остатки верхнего горизонта, относящегося к X-XI вв. Материалы того же времени выявлены и на других участках городища. В северо-восточной части раскопа выявлены два жилых помещения. На поверхности верхнего из них расчищены хозяйственные ямы, найдены фрагменты стенок сосуда, костей животных и рыб. Есть поделки из кости, фрагменты лепных сосудов, бусы и стеклянные изделия.

В одном из помещений вдоль стены обнаружена водопоглотительная яма глубиной 1,5 м, состоящая из последовательно вставленных один в другой двух хумов.

В середине помещения № 1 выявлена подпрямоугольная в плане выкладка (2x1,6 м) на полу, вплотную примыкавшая к западной стене помещения. Поверхность выкладки прокалена докрасна. По краям выкладки поставлены на ребро жженые фигурные кирпичи. Здесь огонь, видимо, не разводился, а на поверхность выкладки просто насыпали горячие угли.

Стратиграфическим шурфом, заложенным в средней части раскопа, выявлена толща напластований мощностью 3,5 м, в которой прослежены четыре строительных горизонта. Последний пол лежал непосредственно на материковом песке. В двух последних горизонтах собрана керамика со светло-желтым ангобом рубежа VII-VIII вв. В верхних двух горизонтах собрана керамика, относящаяся к IX-XI вв.

На одном из найденных поливных блюд изображен голубь (рис. 1). Фигурка птицы нарисована темно-коричневым контуром. Туловище, крылья и хвост изображены коричневой косою штриховкой. Крылья выделены охристо-темным

Рис. 1. Поливное блюдо с городища Хайванкала с изображением голубя

контуром и украшены изображениями кругов. Хвост напоминает рыбий плавник. Острый клюв слегка загнут вниз и держит цветок. Глаз овальный с темно-серым зрачком. Птица изображена перед взлетом с распахнутыми крыльями.

Большое внимание уделялось изучению фортификации города. Выяснено, что на северном отрезке стены сложены из слоев пахсовых блоков и датируются VIII-IX вв. Сохранившаяся высота стен 1-1,5 м, ширина 3,5-4 м.

Таким образом, на городище Хайванкала получены интересные материалы по истории фортификации, строительной технике и стратиграфии, позволяющие уточнить основные этапы истории средневековой Хайванкалы, которая была столицей Кердерского вилоята в VIII-X вв.

Б.Х. Матбабаев, Б.М. Абдуллаев, Б. Юлдашев
(Самарканд, Ош)

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ФЕРГАНЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (ГОРОДИЩА ДАЛЬВЕРЗИН, АШКАЛТЕПА)

В полевом сезоне 2004-2005 гг. были продолжены археологические работы Андижанского отряда на городище Дальверзин (с. Аим, Андижанской обл.). Целью раскопочных работ являлось изучение оборонительных сооружений и связь их с этапами обживания городища. Основные работы проводились в северной части восточной оборонительной стены (P-IV) и северной оборонительной стены у цитадели (P-V) основной жилой зоны - Д-I. Раскопы заложены в виде поперечного разреза и разбиты на квадраты со сторонами по 2 м, а фиксация материалов производилась послойно. Репером служили наивысшие точки исследуемых объектов.

Раскоп-IV (P-IV) заложен в 41 м севернее раскопа III прошлого сезона (2003 г.) и ориентирован с запада на восток. Раскоп доведен до материка. Культурные напластования имели мощность до 3,5 м. Выявлено три строительных горизонта:

I строительный горизонт. Ранний культурный слой мощностью 0,4-0,75 м утолщается к краю основной жилой зоны (поселения), отмеченный в квадратах 1-7. Затем в квадратах 8-11 этот слой утонча-

ется до 0,4-0,1 м. Культурный слой темно-коричневого цвета представлен незначительным керамическим материалом. До края Д-I этот слой имел небольшой подъем; за его пределами полого спускается к востоку. Под культурным слоем шел материк с пологим спуском с запада на восток.

II строительный горизонт. В 4,5 м от края Д-I возводится восточная оборонительная стена сложной конструкции на нивелирующем слое глины коричневого цвета толщиной 15-30 см. Стена состояла из двух (восточный и западный) мощных панцирных кладок, пространство между которыми было забутовано. Восточная кладка возводилась из пахсы зеленого цвета с бессистемными включениями сырцовых кирпичей размерами 52x?x12, 30x?x10, 24x?x10 см. Она имела толщину у основания 2,6 м и по верху 2,25 м, при сохранившейся высоте 1,1 м. Панцирная кладка с обеих сторон была почти вертикальна. Западная панцирная кладка также была возведена из пахсы с включениями аналогичных кирпичей, но имевших определенную систему кладки. Стенка сохранилась на высоту 1,45 м, при толщине у основания 1,75, а по верху 1,4 м. С двух сторон она была вертикальна, но восточная сторона имела ступенчатую форму. Пространство между панцирными кладками имело ширину по основанию 1,25 м и было забутовано рыхлым грунтом с большим содержанием кусков пахсы и сырца. В целом ранняя стена имела общую толщину 5,4 м. С западной стороны к оборонительной стене примыкал жилой комплекс, представленный суфообразным сооружением, полом и остатками очага (?) в виде обожженных до красного цвета фрагментов кирпича (размер не определен). Суфообразное сооружение вплотную примыкало к оборонительной стене. Оно было возведено из пахсы серого цвета с включениями горизонтально положенных сырцовых кирпичей таких же размеров. Сооружение сохранилось на высоту 0,7 м при ширине 0,9 м. Пол имел ровную поверхность с небольшим подъемом к востоку. Очаг не был полностью исследован, так как его основная часть уходила под бровку. Культурный слой над полом, толщиной 0,75-1,3 м, представлял грунт средней плотности серо-коричневого цвета с включениями фрагментов керамики, кусков пахсы, сырца и костей животных. Однако культурный слой с восточной стороны оборонительной стены, при мощности до 1 м, имел незначительный керамический материал.

III строительный горизонт. Ранняя оборонительная стена была

расширена и наращена пахсой ^{кв 7} черного цвета, что увеличило толщину стены до 6,5 м, при сохранившейся высоте 1,8 м. Для этого периода жилой комплекс у оборонительной стены не отмечен. Однако со стороны жилой зоны для подъема навверх стены была выложена вымостка из речных галек средней величины. На вскрытом участке вымостка сохранилась в длину 1,6 м и ширину 1,1 м. Западный нижний край вымостки был ровно выложен и находился на уровне верхнего пола, а восточный край уходил у гребня стены в толщу глиняного помоста плохой сохранности.

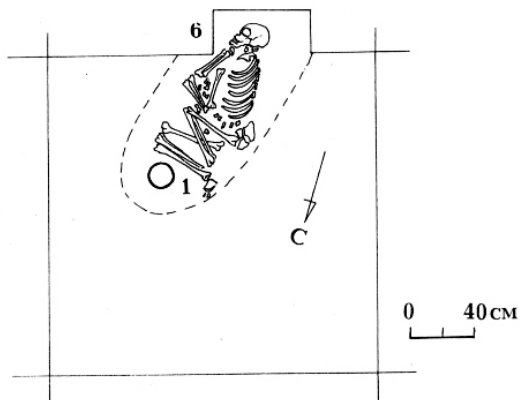

Рис. 1. Дальверзин. Р-IV. Погребение.

В квадратах 6-7 на глубине 2,7 м от репера обнаружено погребение № 1 (рис.1). Костяки погребенного сохранились в удовлетворительном состоянии, анатомический порядок не нарушен. Погребенный лежит на левом боку, в скорченном положении с сильно подогнутыми ногами, со скрещенными руками и головой на юг. Череп, лицевая часть и затылок сломаны. Целой сохранилась нижняя челюсть. Плечи и отдельные кости также фрагментарны. В 6 см к западу от левой ноги *in situ* обнаружена лепная чаша диаметром 14 см (рис.1, 1).

Плохая сохранность могильной ямы не позволяет описать ее. Но некоторые косвенные данные дают возможность предположить, что это было ямное погребение. По верху предполагаемой могильной ямы выявлены аккуратно выложенные булыжники диаметром 10-15 см, под которыми зафиксированы прямоугольные ряды кирпичей (размер не установлен) плохой сохранности. Глубина ямы 1,3 м, ширина сверху 0,7 м, а по основанию - 0,84 м. Погребение осуществлено за пределами оборонительной стены III периода и, вероятно, относится к последнему этапу жизни городища.

Следовательно, результатами раскопок выявлено: наличие двух этапов в истории возведения восточной оборонительной стены Д-1, а также то, что ранняя стена строилась методом двухсторонних панцирных кладок, с заполнением пространства между ними строительным мусором.

Раскоп-V (P-V) заложен на северной оборонительной стене на месте разрушения у цитадели, доведен до материка (рис. 2). Культурные напластования на этом участке составляют более 4,5 м. Вскрыто пять строительных горизонтов:

I строительный период. Ранний культурный слой имел толщину 0,4-0,65 м. Однако у края поселения утончен до 10-15 см. Не характерным является то, что ранний культурный слой покоится не на слое шоха, как обычно на других раскопах, а на слое гравия на южной половине раскопа и гилы болотного цвета на северной половине.

II строительный период. На краю поселения возводится ранняя северная оборонительная стена (рис. 2, 1), под основанием которой не выявлена платформа - нивелирующий слой глины. Более того она была построена на наклонной поверхности, причем ее южное основание оказалось выше, чем северное на 30-40 см. Видимо, стена на этом участке бы-

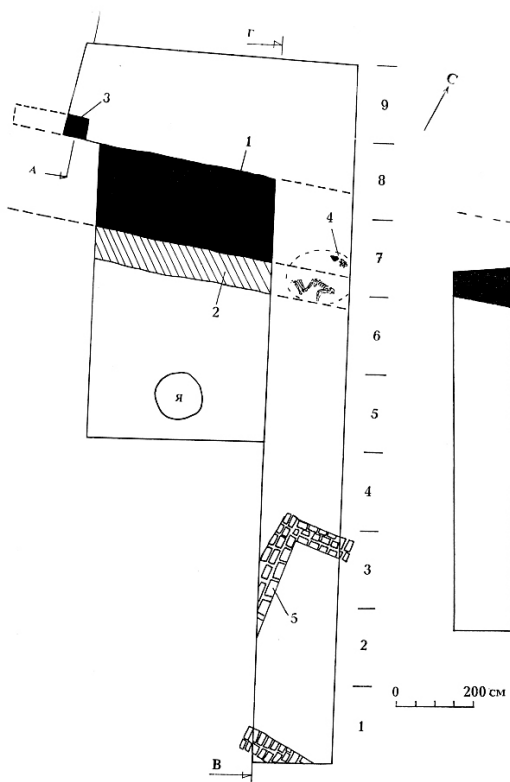

Рис. 2. Дальверзин. P-V. 1-древние стены, 2-стена 2 периода, 3-ремонтная стена, 4-погребение, 5-жилой комплекс

ла построена несколько раньше других.

Стена возведена из пахсы с частичными включениями сырца размером 46х?х10, 26х?х8, 17х?х8 см, сохранилась на высоту 1 м и толщину около 2,5 м. Первый этап представлен полуземлянкой, спущенной с пола, примыкавшей к ранней стене и прорезавшей ранний культурный слой (отчасти галечный слой с восточной стороны). На вскрытом участке выявлена землянка длиной около 4 м и шириной 0,4-0,65 м, сужающаяся к югу. На глубине 35-40 см обнаружен пол, на котором сохранился слой золы с остатками древесного угля и фрагментами лепной и расписной керамики.

В 2005 году было продолжено оконтуривание внешнего фасада ранней стены и в шести метрах к западу от северного края разреза выявлена пристройка. Она возведена на пахсовой платформе высотой 0,4 м и шириной 1,2 м, северный край которой имеет откос. Собственно стена выложена из сырцовых кирпичей (38х?х7, 37х?х9, 50х?х8, 42х?х7 см) такого же темно-серого цвета, как и раствор. Кладка выложена с небольшим уклоном на север. Пока сложно судить о функциональном назначении пристройки. Необходимо отметить, что ранняя стена на этом участке имеет высоту 2,2 м.

Во втором этапе обживания ранний жилой комплекс (полуземлянка) был забутован, поверх него выложена платформа из черной глины толщиной 25-30 см. Последняя с северной стороны наращена по линии наклона внутреннего фасада оборонительной стены, что увеличивало ее толщину до 3 м. Сразу же к пристройке из черной пахсы была примкнута новая стена с суфой, которая с северной стороны также повторяла наклонную линию оборонительной стены и поэтому она у основания имела толщину 1 м, а по верху - 1,5 м. Пахса этой стены представляла собой чередование глиняных заливок черного и желтого цветов, толщиной 6-10 см, с частичными включениями сырца размером 41х?х10, 20х?х8 см. Таким образом, на вскрытом участке толщина северной оборонительной стены достигла более 4 м (рис. 2, 1-2).

Суфа, примыкавшая к стене помещения, представляла собой глиняное ложе со спинкой, покоящейся на плотном основании из сырца (30х?х9, 26х?х8, 16х?х4 см). Верх ложа находится на высоте 0,75 м и имел ширину 0,35 м, а спинка - 1,15 м, толщиной 0,2 м. Основание суфы имеет толщину 0,55 м при высоте 0,5 м. Рядом с суфой обнаружен вкопанный на одну четверть хум, предварительно

обмазанный с внешней стороны глиной болотного цвета, слоем в 1 см. Хум с округлым туловом и дном имел высоту и ширину по 0,7 м, при диаметре венчика 44 см. Возле хума сохранились остатки костра - зола и древесный уголь.

К югу выявлен глинобитный массив, выложенный из заливок черного и желтого цветов толщиной 6-18 см. Он имел длину 3 м при сохранившейся высоте 1,5 м и был отмечен нами как продольная стена помещения с суфой и хумом. Однако зольная линза у хума уходит под северное основание «продольной» стены. Такое положение указывает, видимо, на неодновременность ее возведения, делает необходимым дальнейшее продолжение раскопок, так как эта «продольная» стена могла быть новой оборонительной стеной (?).

III строительный период. Помещение второго периода забутовывается грунтом средней плотности, а с южной стороны «продольной» стены возводится монолитная пахсовая пристройка черного цвета толщиной в 1 м и сохранившейся высотой 1,75 м. Видимо, она являлась новой внутренней пристройкой оборонительной стены, так как из такого же материала была наращена верхняя часть «продольной» стены толщиной 2,5 м и высотой 0,5 м.

Этот период также характеризуется интенсивным обживанием у оборонительной стены. Здесь выявлены остатки помещения в виде двух параллельных поперечных стен (частичная реконструкция представлена в плане (рис. 2, 5), связанных между собой общим полом. Стены были возведены на фундаменте из черной глины, выложенной в котловане. Южная стена построена из сливков глины черного и желтого цветов толщиной 6-8 см, а северная - из сырцовых кирпичей (30x?x8, 24x?x8, 21x?x7 см). Южная стена на вскрытом участке выявлена на толщину 65 см при сохранившейся высоте 50 см, а северная соответственно - 80 и 60 см. Над полом помещения выявлен толстый (до 10 см) слой золы с включениями фрагментов керамики и древесного угля. Видимо, в конце этого периода помещение было сожжено, так как пол и северная стена имели следы обжига красного цвета. Пол, вероятно, был обмазан - ее поверхность под золой была гладкой.

По разрезу помещение имело ширину 3,5 м. Культурный слой очень богат керамическим материалом, где также были обнаружены квадратные, со скругленными углами, кирпичи размером 21-26x20-

24x12-14 см, обожженные на открытом огне.

IV строительный период. Жилой комплекс III периода забутовывается и по верху разравнивается нивелирующим слоем глины, который имел небольшой уклон к югу. Вероятно, верхняя часть оборонительной стены предыдущего времени была использована вторично, так как нивелирующий слой примыкает к ней как с юга, так и с севера. Новая оборонительная стена строится с большим отступом от внешнего края ранней стены - почти на 7 м. Она имела толщину по основанию более 4,5 м, а по верху около 3,5 м, при сохранившейся высоте 1,25 м. Основная часть новой стены возвышалась над северной стеной помещения и оборонительной стеной III периода.

Особого внимания требует конструкция поздней стены, выложенной из блочной пахсы, где не выявлен сырцовый кирпич. В центре по основанию стены был выявлен слой рыхлого грунта шириной более 3-х метров и толщиной до 0,5 м. Основание поздней стены также возводилось на неровной поверхности. Его южная сторона, в отличие от ранней, находится ниже северной на 20-25 см. Культурный слой этого периода имеет толщину 0,5-0,7 м.

V строительный период. Характеризуется прекращением защитных функций оборонительных стен. Вскрытые культурные слои с внешней стороны оборонительной стены выявили следы обживания в виде двух уровней полов. Культурный слой мощностью 0,5-0,7 м представлял собой неплотный завал с включениями кусков пахсы, сырца, а также фрагменты керамики и костей животных.

В целом исследования показали, что участок северной оборонительной стены у цитадели имел культурный слой общей мощностью до 4,5 м с пятью строительными горизонтами. Оборонительная стена имела три периода возведения с этапами периодических ремонтных пристроек. Это положение подтвер-

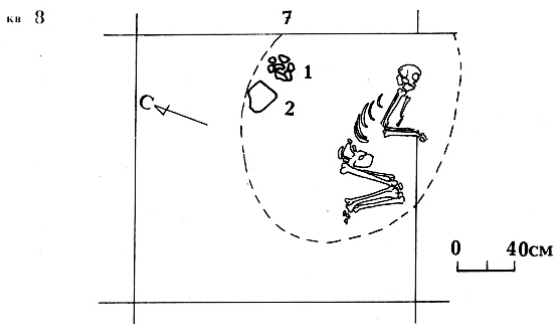

Рис. 3. Дальверзин. Р-V. Погребение

ждает и дополняет мнение о более длительном обживании не только цитадели, но и всего северо-западного участка городища. Однако новые материалы также дают возможность по-новому интерпретировать отдельные этапы эволюции как городища в целом, так и оборонительных стен в частности.

Отметим, что на этом участке также обнаружено погребение в квадратах 6-7, на глубине 3,9 м от репера (рис. 3). Костяк погребенного сохранился в удовлетворительном состоянии, анатомический порядок не нарушен. Череп раздавлен камнем среднего размера. Погребенный лежит на левом боку в скорченной позе. Ноги согнуты, руки скрещены на груди, голова ориентирована на восток. В 0,6 м к северу от ног погребенного обнаружены фрагмент желтоватого кирпича, видимо, кострового обжига (рис. 3, 2) и скопление галек (рис. 3,1), которые стратиграфически являются одновременными (на одном уровне) с погребением. Захоронение впушено в материковый грунт - слой болотного цвета, зафиксированы самые ранние культурные слои Дальверзина. Погребение № 1 раскопа V относится к периоду, когда еще не существовала северная внешняя оборонительная стена арка (Дальверзин III). Другие детали погребального сооружения и сопроводительный инвентарь не обнаружен.

Особый интерес представляет то, что погребения, выявленные этими раскопками, относятся к первому типу по классификации Ю.А. Заднепровского (Заднепровский, 1978. С. 19). Однако по отдельным деталям новые дальверзинские погребения, обнаруженные в полевом сезоне 2005 г., близки к единственному пока погребению с Ошского поселения (Заднепровский, 1997. С. 30). По мнению предшествующего исследователя, дальверзинские погребения с сосудами относились к нижнему горизонту (Заднепровский, 1978. С. 19), что не подтверждается нашими результатами, так как подобное погребение с P-IV стратиграфически относится к III периоду.

Таким образом, археологические раскопки дали возможность сделать следующие выводы:

Первоначально была возведена внешняя оборонительная стена на северо-западном участке городища, так как построена на не разровненной поверхности и без нивелирующего глиняного раствора.

В конце функционирования городских оборонительных стен в жилом комплексе у соединения с северной оборонительной стены с цитаделью отмечены следы сильного пожара.

Лишь на участках северной оборонительной стены Д-I и Д-III возводятся самые поздние оборонительные стены из блочной пахсы.

В строительстве оборонительных стен использовались различные технические приемы и строительные материалы: утрамбованный грунт, пахса, сырцовый кирпич гувалья.

Получены новые данные по погребальному обряду Ферганы эпохи поздней бронзы.

Участниками Андижанского отряда также обследован другой памятник эпохи поздней бронзы - Ашкалтепа, который был открыт и исследован Ю.А. Заднепровским в 60-е годы прошлого столетия. Следует отметить, что за прошедший период после первого исследования, Ашкалтепа сильно разрушена почти со всех сторон. Учитывая значение этого памятника, в 2005 г. снят его глазомерный план (рис. 4) и на поверхности собран керамический материал. Подъемный материал немногочислен, толщина слоев небольшая.

Памятник Ашкалтепа площадью 13 га расположен на левом берегу Карадарьи, в 5-6 км к северо-востоку от Дальверзина (Заднепровский, 1959. С. 216-217). Однако причины возникновения на столь близком расстоянии двух крупных памятников чустской культуры пока остаются неясными. По этому вопросу можно предположить следующее. Первое предположение, что Ашкалтепа и Дальверзин синхронны, но на определенном этапе, в связи с ухудшением условий окружающей среды (изменение водного режима Карадарьи) жители переселяются на другую территорию (возможно, на Дальверзин). Вторая версия состоит в том, что близкое их расположение объясняется хронологической разницей между ними (Иванов, 1999. С. 8). Однако вторая версия пока археологически материального подтверждения (стратиграфия, керамика и др.) не получила, в то время как имеющиеся подъемные материалы из Ашкалтепа тождественны дальверзинским.

Литература

1. Заднепровский Ю.А. Ашкал-тепа - новый памятник чустской культуры в Фергане // СА, № 3. Москва, 1959.
2. Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии // Автореф. док. ист. наук. Москва, 1978.
3. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997

4. Иванов Г.П. Археологические культуры Ферганы (периодизация и синхронизация) // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 1999.

Д.К. Мирзаахмедов, Г.Л. Семёнов, Б. Абдуллаев,
Н. Сапаров, Н. Сабиров, А. Торгоев
(Самарканд, Санкт-Петербург)

ИССЛЕДОВАНИЯ В ПАЙКЕНДЕ

В полевом сезоне 2005 г. совместная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Института археологии АН РУз продолжила раскопки городища Пайкенд в Каракульском районе Бухарской области. Работы велись на четырех объектах, охватывающих основные части города: цитадели, шахристанах I, II и пригороде. В южной части цитадели площадью около 300 м² открыты фундаменты от баз колонн. Они прямоугольные в плане, размерами 1,9х1,9 м. Расположены на расстоянии 3,6х3,75 м друг от друга. Всего открыто 17 фундаментов, расположенных в три ряда. Наружных стен, относящихся по времени к этой постройке, открыто не было (рис. 1).

В IX-X вв. в Средней Азии получает распространение тип зданий с многорядной колоннадой вокруг двора. Он известен, прежде всего, для пятничных мечетей. Наиболее близкие аналогии дают план мечети на Афрасиабе и в Мерве, где расстояние между колоннами несколько больше (соответственно 5 и 4,2 м) (Хмельницкий, 1992, с. 61-65).

На шахристане I завершены, в основном, раскопки жилого квартала для периода IX-XI вв. В двух лав-

Рис. 1

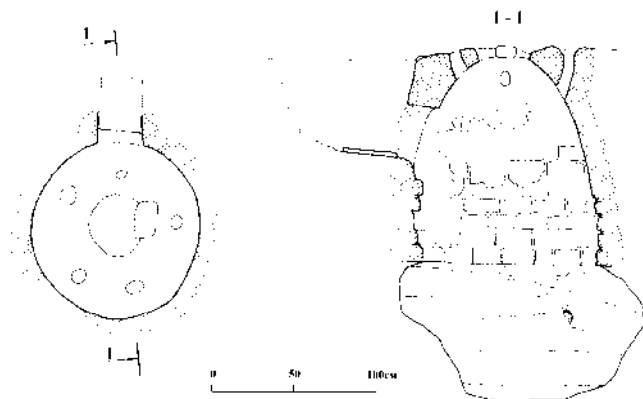
ках, возможно, занимались ремонтом посуды, включая каменные котлы, в соседней лавке работал мастер-костерез. Остальные лавки могли принадлежать хлебопекам. Кроме лавок, открыты остатки колодца, выложенного жженым кирпичом. Это уже вто-

Рис. 2

рой колодец, открытый в городе последнего этапа его обживания и также выходящий на улицу. Лавки разного назначения по соседству в Пайкенде встречаются и, на первый взгляд, противоречат описанию специализированных базаров Бухары у Наршахи в X в. Раскопки лавок около базара в Пенджикенте в VIII в. показывают, тем не менее, картину сосуществования по соседству разных лавок (Распопова, 1971, с. 67-75).

За пределами крепостных стен в южном пригороде продолжены раскопки караван-сарая около городских ворот. Площадь раскопа этого года составила 320 м². В жизни здания отмечены два основ-

ных периода. На первом этапе это был караван-сарай, который превратился впоследствии в центр жилого квартала. Для раннего периода подтверди-

Рис. 3

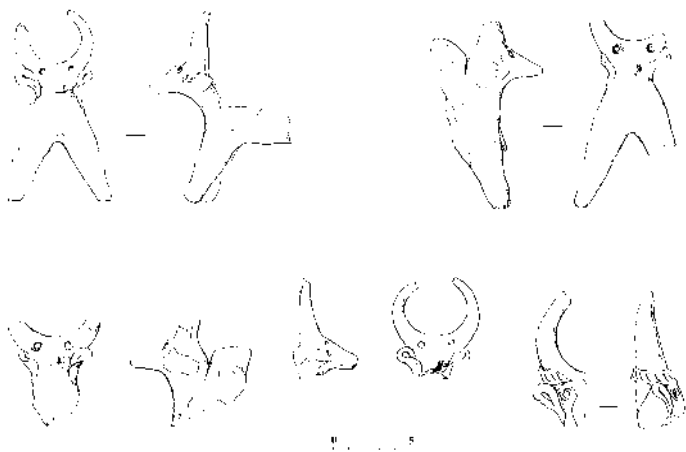

Рис. 4

лось чередование трехкомнатных и однокомнатных секций. В трехкомнатных секциях в двух боковых сводчатых помещениях были открыты ясли, таким образом, помещения оказались конюшнями (рис. 2). Открытая ранняя планировка этой части здания оказывается близка планировке рабада № 1 в Пайкенде, раскопанного к востоку от городища. По характеру находок там предполагалось, что боковые помещения в трехкомнатных секциях рабада № 1, в отличие от помещений в комплексе южного пригорода, предназначались для жилья (Городище Пайкенд, 1988, с. 116-125).

На фасадной стене здания на расстоянии 21 м от открытого в прошлом сезоне башнеобразного выступа открыт второй такой же выступ.

В одном из помещений были открыты остатки двух гончарных печей. Они не соотносятся со стенами помещения и могли быть построены в период временного запустения здания. От печей сохранились топочные камеры диаметром 1,25 м и высотой 1 и 1,4 м, перекрытые купольной мембраной из сырцового кирпича. В мембране по кругу открыто в одном случае пять, а в другом шесть продухов. В центральной части мембраны находится крупное отверстие неправильной округлой формы (рис. 3). В заполнении топочной камеры среди золы найдено небольшое количество керамики, в том числе донце глазурованной чаши с вихревой розеткой XI века. Наиболее интересные находки были сделаны под топочной камерой в од-

ной из печей. Там обнаружилась яма, возможно от более ранней топочной камеры, заполненная золой с фрагментами керамических игрушек. Все игрушки представляли собой фигурки зебувидной коровы с характерными рогами в виде полумесяца и горбом на спине (рис. 4). Нужно отметить, что фигурки коров и быков среди терракоты встречаются относительно редко. Вероятно, они могли, как и фигурки баранов и козлов, как показывают данные этнографии, изготавливаться к Наурузу и относиться к народным верованиям с пожеланием прироста скота в Новом году. Все фигурки фрагментированы, что указывает на то, что они являются гончарным браком.

Литература

1. Городище Пайкенд. Ташкент, 1988.
2. В.И. Распопова. Один из базаров Пенджикента VII-VIII вв. // Страны и народы Востока. Вып. X. Москва, 1971.
3. С. Хмельницкий. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX-X вв. Рига, 1992.

Т.К. Мкртычев, С.Б. Болелов, Н.Д. Двуреченская, Дж.Я. Ильясов
(Москва, Ташкент)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕПОСТИ КАМПЫРТЕПА

В 2005 г. Тохаристанская археологическая экспедиция НИИ Искусствознания Академии Художеств Узбекистана, Среднеазиатская археологическая экспедиция Государственного музея Востока и отряд Сектора классической археологии Института археологии РАН под общим руководством академика АН РУз Э.В. Ртвеладзе продолжали исследования кушанской крепости Кампыртепа на переправе через Амударью, в 30 км к западу от Термеза. Основные исследования проводились на территории «нижнего города» (Мкртычев, Болелов, 2002, с. 107-109).

В северной его части в настоящее время полностью раскопаны два жилых квартала – «А» и «Б» и восточная часть еще одного квартала – «В».

Планировочная схема раскопанных жилых массивов, в общем, одинакова: квартал состоял из двух частей, которые, в свою очередь, состояли из небольших (2-4 помещения) относительно обособ-

ленных жилых секций, по пять в каждой части. Вход в домовладения был из переулка, ориентированного по линии С-Ю и являющегося центральной связующей доминантой жилого квартала. Следует отметить, что все переулки в северной части «нижнего города» параллельны главной улице Кампыртепа, идущей от предполагаемой пристани. Расстояние между переулками 19-19,5 м. В то же время стены жилых помещений внутри квартала (например, квартала «Б») не совпадают по направлению с переулком, видимо, они строились с учетом рельефа древней поверхности, который представлял собой «амфитеатр», с трех сторон окружающий цитадель.

Планировочная структура «нижнего города» Кампыртепа позволяет сделать заключение о том, что в самом начале строительства территория, окруженная крепостной стеной, была разбита на примерно равные по площади участки, застройка внутри которых осуществлялась хаотично.

В настоящее время в северной части «нижнего города» Кампыртепа выявлены небольшие здания, объединенные в кварталы, которые и составляли большую часть жилой застройки памятника.

Стратиграфические и планиграфические наблюдения, проведенные в ходе раскопок, дают возможность сделать некоторые предположения по поводу раздела и приобретения собственности жителями квартала.

Следы перестроек и разделения достоверно зафиксированы в нескольких домовладениях. В одном из жилых блоков квартала «Б» (Б-VII) первоначально существовало одно помещение – 15б и входной вестибюль – пом. 16б. Впоследствии с севера, на верхней террасе, пристраивается еще одно помещение – 17б, а в вестибюле, располагавшемся на уровне нижней террасы, устраивается лестница перед проходом. По всей видимости, в данном случае можно говорить о присоединении или приобретении части свободной от застройки площади владельцем уже существующего жилого блока.

В другом жилом блоке этого же квартала (Б-VIII) первоначально существовали 4 жилых помещения, соединенные проходами. Впоследствии проход между западной и восточными частями домовладения закладывается, и оно разделяется на две отдельные части: западную – пом. 27б и 29б и восточную – пом. 26б и 28б. В этом случае можно было бы говорить о разделе имущества. Однако, если принять это предположение, то возникает вопрос: каким образом

можно было попасть в западную часть жилой секции, изолированную от входного коридора? Ответ на него можно найти только в том случае, если предположить, что кирпичная кладка, обнаруженная у западной стены пом. 27б, была порогом перед проходом, который был прорублен в стене. Он вел в помещение, располагавшееся западнее, в квартале «В», то есть часть прежнего домовладения отошла в собственность соседнему домовладению из другого квартала. Видимо, речь может идти об отчуждении имущества, приобретенного главой семьи и ее членами по передачам (дарственным, в собственность) или купленным за деньги. По иранскому праву собственности свободное отчуждение было возможно только для этой категории имущества.

В двух случаях зафиксировано деление единых ранее домовладений на две части (жилые блоки I-Б и V-Б). И в том, и в другом блоках закладывались проходы между помещениями и прорубались дополнительные проходы, выходящие в переулок. В блоке V-Б в заложенном проходе была устроена ниша, а перед нею очаг. В данном случае, по всей видимости, можно предполагать раздел имущества между кровными родственниками, может быть братьями. Нельзя также исключать и того, что отделенная часть имущества была отдана как доля наследства сыну или преемнику еще при жизни отца – главы семьи.

Таким образом, как можно предполагать, в ходе археологических раскопок жилых кварталов Кампыртепа, видимо, зафиксировано несколько форм перехода или передачи недвижимости от одного владельца к другому, которые описаны в Сасанидском Судебнике.

В процессе раскопок получен характерный кушано-бактрийский археологический комплекс, основную часть которого составляет керамика. Набор форм в общем не отличается от полученных ранее. Следует отметить зооморфный налп на ручке кувшина в виде обезьяны с раскинутыми передними лапами, который по стилистическим особенностям близок фигуркам обезьян, известным по коллекции Хотанских древностей Гос.Эрмитажа. По нумизматическим данным весь комплекс может быть датирован в пределах второй половины I – первой половины II вв. н.э.

К западу от вышеописанных кварталов в 2005 году были продолжены раскопки т.н. Блока 8. Здесь раскопана жилая секция, состоящая из четырех помещений, связанных через коридор с галереей

(«военная улица»), тянущейся вдоль крепостной стены «нижнего города». Коридор имеет протяженность 3 м при ширине 1,40 м, он имеет выходы в пом. 1 и пом. 4. Пом. 1 имеет трапециевидную форму, его размеры 3,30 м по западной стене, 3,86 м по восточной, 3,10 м по северной и южной стенам. Это помещение представляет собой хранилище-хумхану, в котором вдоль стен было вкопано 10 хумов; часть из них еще в древности была сломана и стала использоваться для сброса мусора. В центре пом. 1 находился очаг в виде округлого углубления в полу диаметром 50-55 см. Широким проходом в восточной стене пом. 1 связано с пом. 2, размеры которого 3,85 м по западной, 3,70 м по северной, 4 м по восточной и 3,80 м по южной. Сохранность стен 0,7-1,60 м. Помещение содержали в чистоте, поэтому находок на полу практически нет, кроме нескольких разрозненных черепков. В кирпичном завале была найдена монета «Сотера Мегаса» = Вимы Такто. К югу от пом. 2 расположено пом. 3, размеры которого 4,20 м по северной стене, 4 м по восточной, 4,30 м по южной и 3,80 м по западной. Проходом в юго-западном углу пом. 3 связано с пом. 4, расположенным к западу от пом. 3 и к югу от пом. 1 и коридора. Размеры пом. 4—4,40х3,40 м; в его восточной стене, ближе к северо-восточному углу, имеется ниша шириной 0,95 м и глубиной 0,50 м. Данное помещение, по-видимому, также имело хозяйственное назначение, здесь найдены раздавленные хумы и фрагмент каменной зернотерки. Из других находок назовем две монеты – Вимы Такто («Сотер Мегас», в завале под полом 1) и Канишки I.

К югу от раскопанной в 2003 г. т.н. «Секции свастик» (Ильясов, 2004, с. 205-209) и описываемой четырехкомнатной секции («Блок 8, восточный комплекс») раскопан не связанный с ними обширный двор (13,30х3,40 м), вытянутый в широтном направлении. Его особенность в том, что он был вымощен жженными плитками (32х32х4 см, 33х32х4 см, 40х31х4 см). Аналогичными плитками облицована также нижняя часть стен. Двор имел широкий выход в южном направлении; его место в архитектурно-планировочной структуре данного блока покажут дальнейшие раскопки.

В 2005 году были продолжены работы в восточной части нижнего города, в западной части жилого блока 5. Основной целью осеннего полевого сезона было выявление стратиграфической картины обживания на этом участке городища от уровня построек кушанско-

го периода на краю верхней террасы вплоть до ее подошвы на уровне рва.

Работы были сконцентрированы вокруг помещения 33, раскопанного в прошлом году на второй террасе. Дальнейшее вскрытие помещения позволило уточнить его размеры. Восточная стена протяженностью 4,8 м сохранилась на высоту до 2,8 м, южная протяженностью в 3 м сохранилась на высоту до 1,5 м. Обе стены воздвигнуты на подрубленной материковой поверхности. Они сложены из прямоугольного сырцового кирпича размером 50x40x10 см на глиняном растворе. После того, как стены были построены, внутреннее пространство помещения на высоту 0,8 м от основания стен было засыпано однородным слоем материковой крошки. Таким образом, была сnivelирована подрубленная поверхность материка, а нижние части стен стали своеобразным цоколем. Поверх нивелировочной подсыпки была положена глиняная обмазка пола толщиной около 3 см. В юго-восточном углу помещения, ниже уровня пола, обнаружен вкопанный на треть высоты хум с диаметром венчика 34 см. Сверху он был накрыт обожженной керамической плиткой размером 42x34x5 см.

Из культурного слоя на уровне пола помещения получен немногочисленный, но достаточно характерный керамический комплекс. Прежде всего, следует отметить почти полностью сохранившийся светлоглиняный кубок с округлыми стенками на плоском дне, фрагменты венчика и профилированной каннелюрами ножки красноглиняного кратера, фрагмент венчика светлоглиняной чаши с загнутым внутрь приостренным венчиком, а также фрагмент крупной толстостенной миски (тагоры?) со слегка загнутым внутрь венчиком. По многочисленным аналогиям, а также, принимая во внимание стратиграфическую ситуацию, этот комплекс предварительно можно датировать раннеэллинистическим периодом – не позднее середины III в. до н.э.

В целях уточнения планировки раннего здания была произведена расчистка стен помещения с наружной стороны в восточном и южном направлении. В результате под мощными напластованиями однородного слоя без каких-либо примесей, ранее принимавшегося за материк, был обнаружен культурный слой с комплексом керамики, включающим целые формы, также датируемым раннеэллинистическим периодом. Среди них следует отметить фрагменты красногли-

няного кратера, внешнее покрытие которого по качеству напоминает красный лак, кубок на кольцевом поддоне, рыбные блюда.

Для изучения характера напластований всего западного края второй террасы (длиной 21 м, и максимальной шириной 11 м) был заложён стратиграфический разрез и зачищено три профиля. Изучение стратиграфии террасы с перепадом высот в 10 м выявило интенсивное и непрерывное обживание этого участка, начиная с эпохи раннего эллинизма. В результате этих исследований установлено, что на западном склоне у основания террасы, практически с уровня рва, из плотной супеси (перемещенный культурный слой) была возведена мощная платформа. Судя по керамическому материалу, который происходит из этого слоя, это масштабное строительство было предпринято не ранее рубежа н.э.

Литература

1. Ильясов Дж.Я. Раскопки у башни № 7 на Кампыртепа // Археологические исследования в Узбекистане – 2003 год. Ташкент, 2004.
2. Мкртычев Т.К., Болелов С.Б. Раскопки на Кампыртепе // Археологические исследования в Узбекистане – 2001 год. Ташкент, 2002.

В.В. Мокрородов
(Ташкент)

КЕРАМИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ КИШЛАКА ПАШХУРТ

В 2004 г. сотрудники Тохаристанской археологической экспедиции проводили маршрутные исследования в окрестностях кишлака Пашхурт Шерабадского района Сурхандарьинской области. В ходе их близ городища Дабилкурбан была открыта группа разновременных археологических объектов. Ниже приводятся предварительные данные по древнейшему из них – местонахождению керамики эпохи бронзы.

В 2002 г., в первый год работ экспедиции в верховьях Уланбулакская, местные жители передали С.Б. Болелову керамическую вазу, а в 2004 г. – ещё несколько сосудов так называемого сапаллинского типа. Анализ полученного материала позволяет нам предполагать вероятность обживания данной территории в эпоху бронзы.

Местонахождение керамики находится на восточной окраине кишлака Пашхурт, в 1,5-2 км к юго-востоку от Дабилкурбана. Судя

по ареалу распространения подъемного материала, площадь памятника составляла не менее 1 га. Принимая во внимание высокую степень сохранности сосудов, переданных сотрудникам экспедиции, можно предположить, что они происходят из могильника. Весьма вероятно, что восточнее, на одном из длинных пологих холмов над древним руслом сая, располагалось поселение. В ходе обследования этой территории, изобилующей фрагментами позднесредневековой посуды, была найдена ножка вазы, синхронная керамике из предполагаемого могильника.

Таким образом, всего имеется 11 целых сосудов (рис. 1, 1-3, 5-12) и упомянутая выше ножка вазы (рис. 1, 4).

Вазы. В комплексе представлены 2 целые вазы, фрагмент резервуара и обломок ножки вазы (рис. 1, 1-4). Диаметр венчиков 17,8, 21, 22,5 см. Характеризуются наличием глубоких резервуаров с плавно загнутыми внутрь венчиками, ребром в месте перехода от резервуара к ножке, полый и довольно массивной ножкой и слегка профилированным поддоном. Все сосуды этого типа светлофонные (результат высветления), на фрагменте ножки отмечены следы светлого ангоба. На резервуарах и поддонах ваз видны следы тщательной затирки.

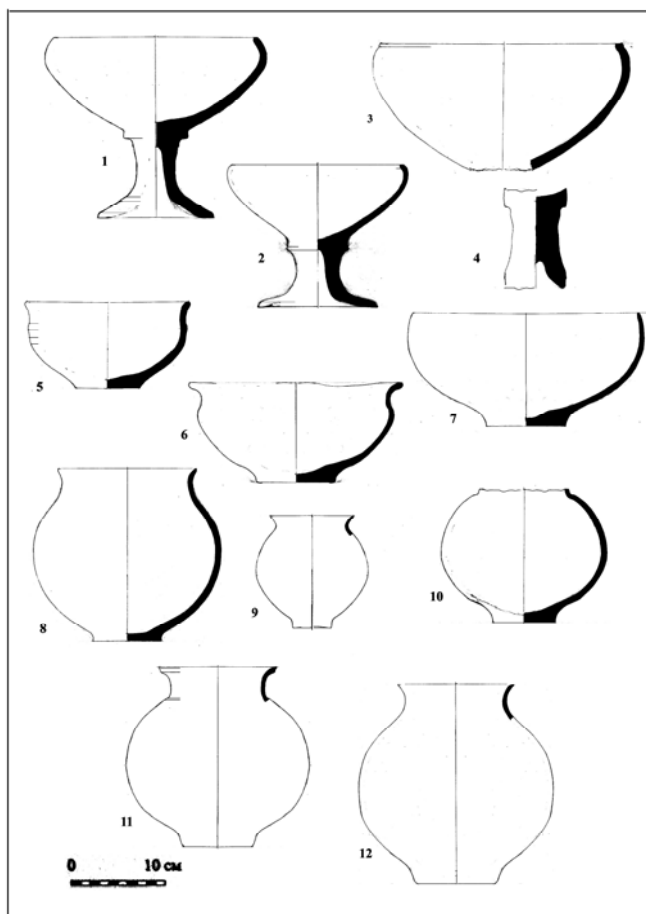
Чаши. Представлены 3 полусферические чаши (рис. 1, 5-7). Диаметр венчиков 17, 22, 23,5 см, донец – 6,4, 8,2, 8,2 см. Сосуды тонкостенные, на плоских донцах, с небольшим углублением в центре. Две чаши имеют слабо выраженный перегиб в месте перехода к венчику, отогнутому наружу (рис. 1, 5-6). Все сосуды светлофонные, снаружи тщательно затерты, № 5 – следы светлого ангоба снаружи, №№ 6-7 – высветлены.

Горшки. Имеется 5 экземпляров (рис. 1, 8-12). Диаметр венчиков 8,6, 11,4, 12,2, ?, 14,5 см, донец – 4, 6,4, 7,1, 7,5, 8 см. Тулово сферическое, со слегка отогнутым наружу утончающимся венчиком, донце плоское (в одном случае – слегка вогнутое (рис. 1, 9)). Поверхность снаружи неравномерно высветлена и тщательно затерта. В общей группе несколько выделяются №№ 10 и 11: первый – со слабо выраженным подкосом, второй – с профилированным венчиком и стенками.

В целом полученный комплекс можно охарактеризовать как набор форм высококачественной станковой керамики, широко известной на поселениях и могильниках юга Средней Азии т.н. молалин-

ского этапа дашлы-сапаллинской культуры (БМАК) (Аскарлов, 1977. С.65, 84-87, рис. 32; Аскарлов, Абдуллаев, 1983. С.25-30, рис. 9) или, по новой периодизации, фазы Джаркутан III (Širinov, 2003. S.127-136, Add. 75-77, 82).

В конце прошлого столетия, благодаря новейшим методам и изысканиям, хронология эпохи бронзы Средней Азии была уточнена. Согласно им, поздний этап культуры носителей бактрийско-маргианского археологического комплекса приходится на середину II тыс. до н.э. (Görsdorf, Huff, 2001; Lamberg-Karlovsky, 2003. P.13). Соответственно, мы считаем возможным датировать комплекс кера-

мики из Пашхурта этим же временем – серединой II тысячелетия до н.э.

Тезис о широком вовлечении подгорной полосы Кугитанг-Байсунтау в сферу влияния земледельческих культур эпохи бронзы высказывался давно (см., например, Сагдуллаев, 1978; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С.14, 16). Еще раньше предположение об освоении предгорий Кугитангтау во II тыс. до н.э. выдвигал А.А. Аскарлов, не без основания считавший, что многочисленные каменные орудия с поселения Сапалли изготавливались из местного сырья (Аскарлов, 1977. С.122).

Действительно, для поздней фазы данной культуры археологами фиксируется увеличение числа поселений и могильников, а также смещение их в направлении гор. Так, группа Молали расположена в несколько отличных от более ранних этапов условиях, а в долинах Южного Таджикистана в это время отмечается рост количества памятников.

Крайне любопытным нам кажется тот факт, что материалы могильников Ранний Тулхар и Тандырыул демонстрируют значительное сходство с керамическим комплексом из кишлака Пашхурт (Мандельштам, 1968. С. 90, 154-155, табл. XIII-XIV; Виноградова, Кузьмина, 1986. С. 134-135, рис. 5). Данные объекты традиционно связываются со смешанным скотоводческо-земледельческим населением, поэтому можно предположить аналогичную ситуацию и в районе предгорий Кугитангтау. Однако доказательства могут быть получены лишь в ходе углубленного комплексного изучения как округи городища Дабилкурган, так и всей Пашхуртской предгорной долины.

Литература

- 1.Абдуллаев К., Станчо Л. Археологические работы на Джандавляттепа // Археологические исследования в Узбекистане – 2003 год. Вып. 4. Ташкент, 2004.
- 2.Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- 3.Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
- 4.Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии эпохи бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культуры древнего и средневекового Востока. М., 1986.

5. J. Görtsdorf, D. Huff 14C-Datierungen von Materialien aus der Grabung Džarkutan // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 33. Berlin, 2001.
6. C.C. Lamberg-Karlovsky Civilization, State or Tribe? Bactria and Margiana in the Bronze Age (Review of Askarov and Shirinov, Sarianidi) // The Review of Archaeology, Vol.24, Spring, 2003.
7. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып.145. Ленинград, 1968.
8. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия–Тохаристан. Ташкент, 1990.
9. Сагдуллаев А.С. Древнеземледельческие поселения предгорий Байсунтау // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
10. T. Š. Širinov Die frühurbane Kultur der Bronzezeit im südlichen Mittelasien. Die vorge schichtliche Siedlung Džarkutan. Berlin, 2003.

С.И. Мустафакулов
(Самарканд)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЧИНГИЗТЕПА И БУДДИЙСКОГО ЦЕНТРА КАРАТЕПА

В сезонах 2004-2005 гг. на холме Чингизтепа I проводились раскопки на нескольких участках, особенно на северной стене между башнями № 11, 12, 13, 14 (Пидаев, Лериш, 2002, 2003). Верхний слой стены очень сильно разрушен во время военных учений окопами, траншеями и др.

После запускания этих оборонительных сооружений Чингизтепа I, где-то в VI в. или начале VII в. население города Старого Термеза использовало пустующие коридоры и внутрибашенные помещения под некрополь. Во многих участках коридор перегораживался сырцовыми кирпичами (размеры кирпичей 32x32x10x12) тем самым образовывая комнаты. В одной из таких комнат между башнями №13 и №14 раскопано около 30 человеческих скелетов. Кости скелетов находились на глубине от 15 до 100 см от дневной поверхности (рис.1) и беспорядочно лежали по всей площади коридора. Особенно много костей находилось в северо-западном углу помещения. Вместе с человеческими костями обнаружено много костей животных.

Сохранность костного материала плохая. Консервация материала в полевых условиях весьма трудоёмка и в каждом отдельном случае приходилось использовать различные методики, предложенные в свое время специалистами. В процессе полевых работ нами использовался жидкий спиртовой раствор клея БФ-2. В поле череп очищался от влажной земли, затем, после его просушивания в тени мягкой кисточкой наносился слой жидкого клея.

Ниже описаны черепа в том положении, в котором они находились.

Череп № 1. Мужчина 40-45 лет, находился в юго-восточном углу коридора, лицом на юго-восток, затылком на север. Следов деформации нет.

Череп № 2 находился рядом с черепом № 1. Череп человека 45-50 лет, лицом ориентирован на юго-восток, затылком на северо-запад.

Череп № 3 женский 35-40 лет, находился на черепе № 2, лицом ориентирован на юго-восток, затылком на северо-запад.

Череп № 4. Мужчина 50-60 лет. От черепа сохранилась только черепная коробка.

Череп № 5. Женщина 25-30 лет лежит на левой стороне, лицом на восток, головой на запад.

Рис. 1

Череп № 6. Мужчина 50-60 лет, лицом ориентирован на запад, затылком на восток.

Череп № 7. Мужчина 16-18 лет, лицом направлен на запад, затылком на восток.

Череп № 8. Мужчина 45-50 лет, лицом ориентирован на запад, затылком на восток. Надбровные дуги и надпереносье развиты средне.

Череп № 9. Детский inf-1, сильно раздавлен.

Череп № 10. Женщина 20-25 лет. Находился рядом с черепом № 9. Верхняя часть черепа повреждена, лицом на запад, затылком на восток. Надпереносье, надбровные дуги и сосцевидный отросток развит слабо.

Череп № 11. Женщина 25-30 лет. От черепа сохранилась только черепная коробка. Рядом с этим черепом найдены бусы.

Череп № 12. Мужчина 35-40 лет. Череп сильно раздавлен. Возраст определён по стёртости зубов. Пол по рельефу черепа.

Череп № 13, возможно, мужчины 40-45 лет. От черепа сохранилась только черепная коробка, головой на юг, лежал на правой теменной части, лицом на север.

Череп № 14. Детский inf-1, лицом ориентирован на восток, затылком на запад. Сохранность черепа хорошая.

Череп № 15. Детский inf-1, лежит лицом вверх, затылком вниз.

Череп № 16. Детский inf-1, от черепа сохранилась только лобная часть черепа.

Череп № 17. Мужчина 35-40 лет. От черепа сохранилась только затылочная часть левой теменной части.

Череп № 18. Мужчина 25-30 лет. Череп сильно раздавлен.

Черепы находились, в основном, в западном направлении от коридора, ближе к башне № 14.

В восточном направлении коридора около башни № 13 обнаружено еще четыре черепа и много трубчатых костей скелета человека. Как и на других участках коридора, здесь лежало скопление бессистемно разбросанных костей. Определить первоначальное положение костяков невозможно. Поэтому мы ограничились описанием только по положению черепа, как они находились.

Череп № 1. Детский inf-1, лежит на правом боку, лицом на восток, затылком на запад. Сохранность черепа очень хорошая.

Череп № 2. Детский inf-1. От черепа сохранились только лицевая и лобная части. Рядом с черепом найдены две медные монеты и серьга.

Череп № 3. Мужчина около 40 лет. От черепа сохранилась только лобная часть. Рядом находилось много длинных костей скелета. Найдена одна монета.

Череп № 4. Мужчина 45-50 лет, лежит на левом боку, лицом ориентирован на восток, головой на запад. Около этого черепа обнаружены две монеты (подражание «Перозу»). К востоку от этого черепа найден череп собаки.

Как отмечалось выше, кости скелетов находились в беспорядке по всей площади коридора, но больше всего в его северо-западном углу. Чаще длинные кости скелета находились под черепами, как будто бы они лежали кучками. В трех случаях под такими кучками обнаружены большие куски ткани. Видимо, эти кости были собраны из других мест, возможно, из дахмы, перевезены и перезахоронены вторично.

Пол черепов определен по рельефу черепа и тазовым костям, возраст по степени стертости зубов.

В ходе раскопок найдено много монет, бус, серег, зеркал, керамики и др.

В нашем распоряжении оказалось 11 мужских, 12 женских и 7 детских черепов (табл. 1).

В целом, мужские черепа мезокранные при малом продольном и среднем поперечном диаметрах. Свод черепов средний. Лоб среднеширокий, средненаклонный. Лицевая часть ортогнатная, узкая и невысокая. Нос среднеширокий и средневыступающий. Клыковые ямки углублены средне. Орбиты узкие и средневысокие. Женские черепа от мужских не отличаются и имеют те же параметры. Расовый тип черепов этого периода определяется как европеоидный.

На Каратепе одновременно с археологическими велись и антропологические работы. Антропологические материалы получены из нескольких помещений северного (21, 24, 25, 26, 27, 28, 31, 35) и западного (пом. 2, 5, 6; кельи 1, 2, 3) холмов. В этих помещениях раскопано более 100 человеческих останков. Покойников хоронили в одежде или обертывали в ткань. Отпечатки следов тканей очень хорошо прослеживаются в глине. На скелете № 1 из помещения №27 на ногах хорошо сохранились следы носков (рис. 2). Почти у каждо-

го погребенного в ладони руки находились одна или две медные монеты. В области рта некоторых черепов (№6, череп №5) обнаружены монеты. Нередко отдельные женские погребения сопровождал богатый инвентарь, в частности, ожерелья из полудрагоценных камней и пастового стекла, амулеты, бронзовые колечки, браслеты, зеркала и др.

Таблица №1 Средние размеры черепов из Чингизтепа I

№ по Мартину	П	Х Мужчины	N	Х Женщины
1	10	175,0	12	169,6
8	11	140,0	12	136,3
8:1	10	80,0	12	80,3
17	8	136,7	11	134,6
17:1	7	78,1	11	79,3
17:8	8	98,5	11	98,7
9	11	98,5	10	94,6
10	11	121,4	10	117,2
9:10	11	81,0	10	80,7
5	8	101,1	11	98,1
40	7	95,4	10	93,6
40:5	7	94,6	10	95,4
45	8	129,1	9	126,1
48	8	66,2	10	64,8
55	8	51,0	10	49,1
54	8	25,3	10	25,0
54:55	8	49,9	10	50,9
52:51a	7	86,8	10	85,7
77	10	135,4	9	136,6
LZm	8	127,6	8	123,4
MS:MC	8	38,9	10	40,6
SS:SC	9	47,6	9	11,1
DS:DC	6	51,9	9	63,6
F.C	8	4,9	10	4,4
72	7	86,8	9	79,4
75(1)	27	27,5	8	28,0

В этих помещениях захоронения были групповыми и покойников хоронили в разное время (рис. 3). Вход в помещение и пещеры (келья) был заложен сырцовыми кирпичами в 3-4 ряда. Каждое помещение служило наусом одной

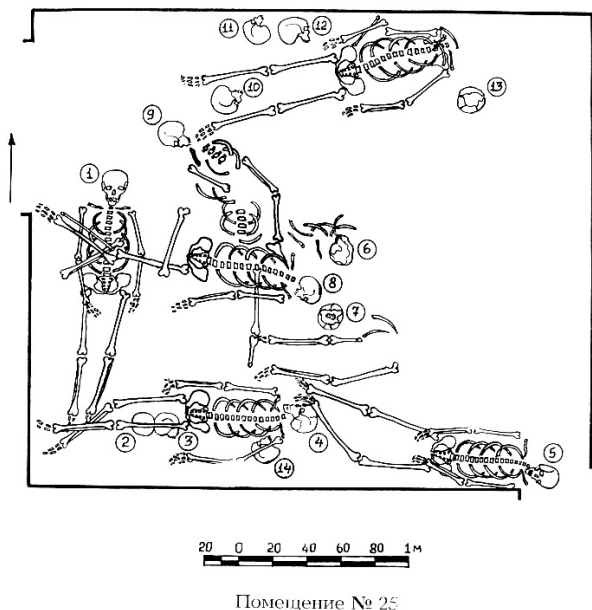
Рис. 2

семьи или принадлежало некоей родоплеменной группе. По монетным находкам, керамическому и другим материалам захоронения датированы Ш.Р. Пидаевым концом V - первой половиной VI в. н.э. (Пидаев, 2003, с. 130).

В целом, в нашем распоряжении оказалось 24 мужских, 13 женских и 3 детских

хорошо сохранившихся черепа (табл. 2).

Средняя продолжительность жизни взрослых мужчин, определенная по 50 костякам, составляет 38,9 года, женщин (44 костяка) – 35,1 лет. У населения Каратепа бытовал обычай искусственного деформирования головы. По нашим исследованиям, чаще он

Помещение № 25

Рис. 3

практиковался среди мужской части населения, реже - у женской. На нескольких черепах отмечен очень редко встречающийся тип искусственной деформации (Мустафакулов, 2003, с. 129).

Таблица № 2. Средние размеры черепов из Каратепе
(сезон 2004-2005 гг.)

№ по Мартину	Мужчины	Муж. деформация	Женщины
1	178,0	169,8	174,7
8	139,3	141,1	133,1
8:1	77,5	81,9	76,2
17	141,0	144,0	134,4
17:1	78,5	84,8	76,9
17:8	100,7	102,0	100,9
9	96,0	94,3	94,7
10	122,0	121,6	115,1
9:10	79,5	77,5	82,2
5	96,6	100,9	99,4
45	129,0	130,8	124,0
48	70,7	72,8	67,0
55	52,4	54,1	50,7
54	24,6	25,3	23,2
54:55	47,1	46,8	44,8
52:51 a	83,1	86,2	81,8
77	126,8	138,2	137,9
Zm	122,8	124,9	125,0
MS:MC	45,2	46,0	44,5
SS:SC	56,1	54,0	47,8
DS DC	67,9	63,8	63,9
FC	4,1	4,3	4,6
72	85,8	87,3	85,2
75 (1)	30,4	27,8	30,7

В целом по черепному указателю мужские и женские черепа характеризуются мезокранией. Но в некоторых черепах отмечены и долихокранные и брахиокранные формы. Черепа из Каратепе характеризуются средним продольным и средним поперечным диаметрами. Мужские черепа отличаются большими величинами по высоте диаметру, женские - малыми. Размеры наименьшего лобного

диаметра в обеих группах средние, наклон лба слабый. Надбровные дуги у мужских черепов развиты средне, у женских - слабо. Скуловой диаметр в обеих группах малых размеров. Верхняя высота лица в серии характеризуется средними величинами. Высота и ширина орбиты в серии средняя. Вертикальная профилировка лица, определенная по углам общего, среднего, а также по указателю выступающего лица, характеризуется ортогнатией. По назомаллярным и зигомаксиллярным углам, уплощенности лица в серии черепов Каратепа не отмечено. Глубина клыковой ямки малая. Высота и ширина носа средняя. Суммарно серия характеризуется мезокранией при небольших горизонтальных размерах мозговой коробки со среднеразвитым наружным рельефом. Лицевая часть ортогнатная, среднеширокая и средневысокая, мезопрозопная, сильно выступающая в горизонтальном плане. Нос мезоринный, выступающий. По основным расово-диагностическим признакам серия черепов из Каратепа европеоидная. В группе преобладают черты, переходные от типа восточносредиземноморского к типу Среднеазиатского междуречья. В некоторых случаях в серии можно усмотреть наличие монголоидной примеси. Изученная серия черепов принадлежит городскому населению Старого Термеза.

Литература

1. Пидаев Ш.Р., Лериш П. Археологические исследования Узбекско-Французской экспедиции на городище Старого Термеза в 2002 году // Археологические исследования в Узбекистане 2002 год. Вып. 3. Ташкент, 2003.
2. Пидаев Ш.Р., Като Кюдзо. Археологические работы на Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане - 2003 год. Вып. 4. Ташкент, 2004.
3. Мустафакулов С.И. Антропологические исследования Старого Термеза // Археологические исследования в Узбекистане - 2003 год. Вып. 4. Ташкент, 2004.

Ш.Н. Насриддинов
(Самарканд)

БАНЯ XV ВЕКА У АНСАМБЛЯ ШАХИ-ЗИНДА

В июле – декабре 2004 года проводились крупномасштабные работы на территории ансамбля Шахи-Зинда. Во время проведения работ по прокладке дороги напротив входного портала ансамбля, на территории, прилегающей к ансамблю с юга, примерно в 15,25 м от стены мечети, были открыты остатки бани, датируемой XV веком (рис. 1).

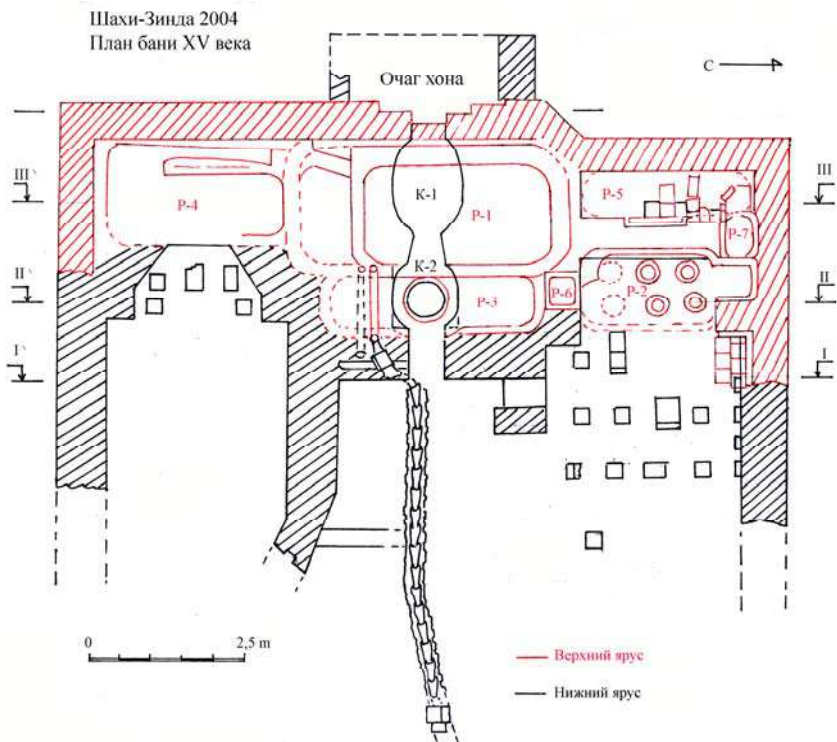
Верхние слои содержат поздние захоронения (XVIII-XIX вв.). Ими заполнены резервуары. В одном из них (Резервуар–2) были обнаружены черепа. Очевидно, это перезахоронения, сделанные в период проведения реставрационных работ в 60-70-е годы. В этих слоях много фрагментов керамических изделий и архитектурного декора. Ниже были зафиксированы архитектурные остатки, которые, как выяснилось в ходе дальнейших работ, принадлежали бане.

Сохранилась лишь западная часть здания, примерно половина, размером 11,80х6,30 м. Восточная часть разрушена при строительстве антикварных магазинчиков.

Главный фасад, где находился вход в здание, был обращен на восток к дорожке, ведущей от входного портала ансамбля Шахи-Зинда на юг. Таким образом, здание располагалось к западу от центральной дорожки, имело квадратную форму; его реконструируемые размеры 11,80х11,80 м. Здание ориентировано по сторонам света.

Внешние стены здания были сложены из жженого квадратного кирпича размером 25-26х25-26х4,5-5,5 см; 23,5х23,5х4-4,5 см; 24х24х4 см на глиняном растворе толщиной 1,5–2 см, верхние части (9–17 кирпичей) - на кыровом растворе. Полностью сохранилась только западная стена, которая в средней части имеет сложную конфигурацию в виде серии уступов. Здесь находился вход в топочное помещение и пристроенное с запада небольшое помещение – очагона.

Северная стена сохранилась в длину на 6,30 м. Сложена в перевязку с западной стеной из кирпича аналогичного стандарта. Толщина стены - 0,55–0,70 м. В западной части участок стены толщи-

ной 0,75 м просел на 0,20 м. Южная стена, сохранившаяся в длину на 6 м и в высоту – 0,10–1,66 м, имеет толщину 0,55–0,80 м. Восточная стена здания разрушена.

Здание имеет два яруса: нижний подпольный, где располагались очаг-хона, отопительная система, водоотвод, дымоход и остатки столбиков (гипокаустов) из жженого кирпича, верхний с резервуарами для холодной и горячей воды, подсобными помещениями.

Верхний ярус.

Передняя часть здания, где должны были находиться помещения подобного типа, не сохранилась. В сохранившейся части были открыты резервуары для воды.

Резервуары располагались в два ряда. Первый ряд у западной стены – 3 больших резервуара овальной формы, размером 4,40х1,70х0,64 м; 3х1,20х0,28 м; 2,8х1х? м.

Стенки резервуара сложены из жженого кирпича и обмазаны кыровым раствором как внутри, так и снаружи. Обмазка с внутренней

стороны толще – до 9 слоев от 0,3 до 1,4 см. Также различен и состав слоев. Первый слой за кирпичом – светло-серого цвета и в его состав включен саман, остальные слои темно-серого цвета без самана. Раствор, на котором сложены кирпичи, также содержит включения самана. Обмазка снаружи имеет 7 слоев толщиной 0,5 – 1,3 см. Кирпич, использованный при строительстве восточной стенки резервуара 1 (Р-1), отличается своей формой и размерами. Это крупный прямоугольный кирпич размером 51x27x6,5 см; 35x25x 6,5-7 см; 28x ?x6,5 см; 35x?x6 см.

Под первым резервуаром (Р-1) расположена камера-1 топки.

Первоначально первый (Р-1) и второй (Р-4) резервуары были большего размера, затем ремонтные стенки сократили их размеры. Третий резервуар (Р-5) сильно разрушен.

В следующем ряду открыты еще четыре резервуара. Размер первого (Р-2): 2,40x1,20x0,85 м. Резервуар разрушен в восточной части, что позволило проследить его устройство. В резервуаре находятся хумы. Сохранилось 4 хума, всего их было 6. Размер хумов: диаметр венчика – 0,35 м; диаметр дна – 0,30 м; высота – 0,64 м. Хумы расположены в два ряда вдоль западной стенки резервуара. В хумах держали горячую воду. Система подогрева проходила под хумами. В стене за хумами - отверстие дымохода, заложенное кирпичами. Резервуар часто ремонтировался, толщина обмазки кыром достигает 0,18 см. Второй резервуар (Р-3) размерами 2,30x0,85x 0,75 м, имеет в центре крупное отверстие диаметром 0,70 м, очевидно, место для котла, т.к. под отверстием расположена камера топки. Котел над топкой был обнаружен при раскопках бани в Ташкенте (Филанович, Алимов, 1988, с.182).

Третий (Р-6) расположен между резервуарами 2 и 3 и представляет собой короб с овальным дном, обмазанный кыровым раствором. Размер резервуара: 0,58x 0,51 м, глубина – 0,70 м. Стенки резервуаров тонкие – 0,12 м. Состоят из одного ряда кирпичей, поставленных на ребро и обмазанных с двух сторон кыровым раствором. Четвертый (Р-7) аналогичной конструкции, расположен сразу за западной стенкой резервуара 2, в углу между северной стеной здания и стенкой резервуара. Устройство резервуара аналогично вышеописанному. Размеры: 0,44x0,34 м, глубина – 0,66. Стоков резервуары не имеют.

С учётом расположения резервуаров можно предположить, что Р

-4, Р-6, Р-7 были использованы для холодной воды, так как не были приспособлены для подогрева воды.

Помещение 1.

Примерно в средней части северной стены, под прямым углом к ней, идет отрезок стены на юг. Между этой стенкой и продолжением северной стены был открыт небольшой участок пола помещения. Пол вымощен жженым квадратным кирпичом размером 23x23x4,5 см. Всего сохранилось 7 кирпичей на кыровом растворе. Пол зафиксирован на отметке – 0,22 м от нулевой. Угол стен, где сохранился пол, имеет обмазку в несколько слоев. Сохранность обмазки в высоту 0,34–0,60 м. Стенка в углу имеет небольшой выступ кладки к югу (0,08 м), затем идет обмазка кыровым раствором толщиной 2 см. За ней 1 ряд кирпичей, уложенных на ребро (размер кирпичей: 23x23x4,5 см). Далее обмазка, состоящая из слоя кырового раствора толщиной 2 см, затем такой же раствор с саманом серого цвета 0,5 см, желтая штукатурка 0,5 см. Затем идет еще один слой кыра и желтой штукатурки. Всего три слоя обмазки, из них два слоя с желтой штукатуркой. Общая толщина обмазки – 4,5 см. Слои обмазки идут ниже уровня пола еще на 0,33 м. Таким образом, первоначальный пол был ниже, пол из жженого кирпича вторичный.

Нижний ярус. *Топка.*

Топка состоит из двух овальных камер, соединенных каналом. Вход в топочную камеру 1 находился с западной стороны. Ширина входа – 0,66 м. Он ведет в топочную камеру 1.

Камера 1. Камера овальной формы, размером 1,57x1,08 м. Потолок камеры сводчатый, высота – 1,85 м. Дно – округлое, земляное, расположено ниже порога камеры на 0,18 м. Стенки сложены из жженого кирпича, сильно обожжены. На дне слой золы черного цвета.

Камера 2. Камера округлой формы, размером 1,13x1,10 м. Высота – 1,22 м. В верхней части имеет круглое отверстие диаметром 0,60 м. Отверстие расширяется кверху до 0,70 м. Очевидно, оно служило для установки котла. Камера имеет выход к востоку шириной 0,54 м и длиной 0,84 м.

Камеры соединены между собой каналом, который сужается в сторону камеры 1 с 0,60 м до 0,48 м. Канал имеет форму свода. Высота свода – 1,37 м. Ширина стенок канала – 0,34 м. Длина канала – 1 м.

Топка расположена в центральной части, вытянулась с запада на восток на 4 м.

Наиболее близка по форме и размерам нашей топке топка бани XIV–XV вв., раскопанная Э.Ю. Буряковой на цитадели Тимура (Бурякова, 1986, с. 169, рис. 2). По обе стороны от выходного отверстия топки расположены подземные помещения отопительной системы, представляющей собой широко известную еще с античного времени систему гипокауст (Немцева, Сапаров, 2002, с.245) – кирпичных столбов, регулирующих движение горячего воздуха внутри помещений. В бане, вскрытой нами, всего три помещения было с гипокаустами: одно в центральной части, сразу за топкой и два по бокам. Они соединялись друг с другом каналами в средних стенах. Обнаружены специальные заслонки для регулировки тяги – это крупные прямоугольные кирпичи размером 50-51x25x6,5-7 см. У северной стены сохранились столбики, перекрытые арочками. Интересно, что они разного размера, понижаются в восточную сторону. На эти арки опирался пол верхнего помещения.

К западу, сразу за топкой находилось небольшое помещение – очаг-хона, откуда загружалось топливо. Размеры: 2,60x1,90 м. Сохранилась лишь северная стена, толщиной 0,64 м. От южной стены сохранилось всего два ряда кирпичей.

Кубурная линия для подачи воды в баню.

Система для подачи горячей воды в банные помещения была открыта у восточной стенки резервуара 1. Она представляет собой кубурную линию, заключенную в кирпичную рубашку и обмазанную кыровым раствором. Размеры кубуров: длина – 0,35 м, диаметр 5-6; 9-10 см. Линия проходит внутри стены, выходит на уровень пола нижнего помещения и продолжается на восток на 4,85 м, восточный конец разрушен. Очевидно, линия выходила в другое помещение или какое-то место, находившиеся в восточной (разрушенной) части бани.

Дымоход.

Выход дымохода был зафиксирован в С-З части между резервуаром для холодной воды (Р-7) и стенкой резервуара 5. Ширина канала 0,22 м. В низ от выходного отверстия идет ход 0,48 м, далее прямой отрезок на юг длиной – 1,32 м, который затем под прямым углом поворачивает на восток и выходит под хумами резервуара 2. Сверху дымоход был перекрыт жжеными кирпичами квадратной

формы размером 25х25х5, встречен также крупный прямоугольный кирпич размером 50х25х5 см.

Датировка бани серединой XV века определяется анализом строительного материала, декора и керамического материала. Расположение бани к западу от центральной дорожки также говорит в пользу этой датировки, т.к. местоположение ее согласуется с общим планом построения композиции входного портала Шахи-Зинды в эпоху Улугбека.

Открытое здание уникально и интересно тем, что впервые открыта специальная баня для паломников, совершающих зиарат по святыням комплекса Шахи-Зинда.

Литература

1. Бурякова Э.Ю. Раскопки бань на территории средневекового Самарканда // ИМКУ, вып. 20. Ташкент, 1986, с. 162–172.
2. Немцева Н.Б., Сапаров Н.Ж. Банный комплекс Рабат-и Малика // ИМКУ, вып. 33. Ташкент, 2002, с.243–248.
3. Филанович М.И., Алимов У. К обнаружению средневековой бани в Ташкенте // ИМКУ, вып. 22. Ташкент, 1988, с.176–190.

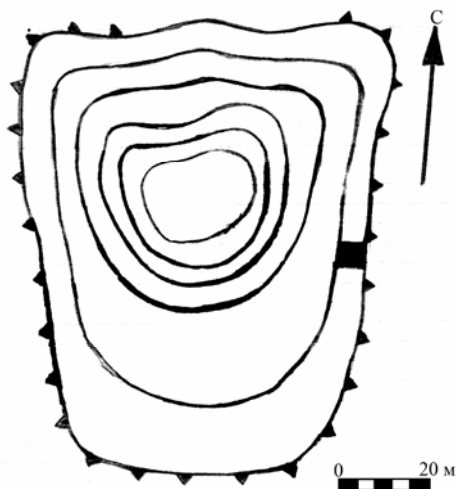
М. Пардаев, Ф. Тошбоев, И. Убайдуллаев, З. Холбоев
(Самарканд)

ЁҚУББОБОТЕПАДА ЎТКАЗИЛГАН АРХЕОЛОГИК ҚАЗУВ ТАДҚИҚОТЛАРИ ХУСУСИДА

ЎЗР ФА Я. Гуломов номли археология институти Жиззах отряди 2005 йилнинг октябрь ойида илк ўрта асрларда фаолият кўрсатган Ёқуббоботепа қалъасида қазув тадқиқотлари ўтказди.

Ёқуббоботепа Жиззах шаҳридаги «Қалия–Мўлканлик» маҳалласининг жанубий қисмида, Пардакултепадан тахминан 600 м жанубий-ғарбда (18⁰), Ш. Рашидов шоҳ кўчаси билан Тошкент кўчаси туташган мавзеда жойлашган. Ёдгорлик икки поғонали (ярусли), айна пайтдаги кўриниш тўғри тўртбурчак шаклида микрорельеф бўйича асосий иморатлар унинг марказий, шимолий ва шимолий-ғарбий қисмида бунёд этилган (1 расм).

1980 йилларнинг охири 1990 йилларнинг биринчи ярмида ёдгорлик атрофида ўтказилган ер ҳайдов ишлари ва қурилишлар натижасида Ёқуббоботепанинг шарқий, ғарбий, жанубий ва қисман шимо-

1 расм. Ёқуббоботепанинг топографик
плани

Ёқуббоботепа унча баланд бўлмаган табиий тепалик устида бунёд этилиб V-VI асрларда фаолият кўрсатган деган хулоса берилган (Бердимуратов, 1985, с. 17).

Юқорида қайд этилган қурилиш ишлари Ёқуббоботепа атрофида хануз давом этаётганлиги сабабли, Қалияттепа ирригация зонасининг йирик қалъа-работларидан бири бўлган ушбу илк ўрта аср ёдгорлигининг маданий қатламларини ўрганиш, қурилиш-меъморчилик усулларини аниқлаш мақсадга мувофиқ деб топилди. Планиграфик усулдаги қазув ишлари ёдгорликнинг марказий

лий томони қаттиқ зарарланган (2-расм).

Ёқуббоботепа 1960 йилда Я. Фуломов раҳбарлигидаги Мохандарё экспедицияси томонидан 1972 йилда Ў. Алимов раҳбарлигидаги Сирдарё отряди томонидан қайд этилган бўлсада, расман 1979 йилда Э. Қодиров раҳбарлигидаги «Шимолий-Уструшона» отряди томонидан рўйхатга олинган. Шунинг билан отряд ходими Р. Бадахов ёдгорликнинг шарқий қисмида 3x3м ўлчовдаги стратиграфик шурф орқали маданий қатламларни ўрганган. Натижада,

2 расм

иморатларини очиш мақсадида унинг энг юқори репер нуктасида 4x4 м.ли худудда бошланди ва иш жараёнида ушбу худуд кенгайтирилди. Натижада, бир нечта турар жой, хўжалик хоналари очилиши бошланди, баъзиларининг контури аниқланди.

1-хона қалъа марказий иморатининг жанубий қисмида жойлашган. Унинг кўриниши тўғри тўртбурчак шаклида бўлиб, жанубий деворининг узунлиги 6,5 м.ни, эни 1,10 м.ни, очилган баландлиги 1,85 м.ни ташкил этади. Шарқ-ғарб йўналиши бўйича узалган ушбу деворнинг икки томони ҳам шимолга қараб бурилган. Хонанинг жанубий-шарқ қисмида эни 0,9 м бўлган эшик ўрни қайд этилди. Эшикнинг юқори қисми девор билан қопланган. Хонанинг сатҳи (поли) ҳозирча очилгани йўқ. Шунга кўра хона сатҳи билан эшикнинг пастки қисми (остонаси) 1,5–1,6 м пастда деб тахмин қилиш мумкин. Очиб ўрганилган мазкур хонанинг устки қисми, чим қатлами, ғоваксимон оқова тупроқ, пахса ва хом ғишт бўлаклари, таг қисми юмшоқ тупроқ ва кул қатлами билан қопланган. Хона деворлари қизғиш рангда бўлиб бу ерда сўнгги ҳаёт даври кучли ёнғин орқали тўхтаган бўлиши мумкин деган тахминга асос бўлади (3-расм).

2-хона қалъа марказий иморатининг деярли ўртасида, 1-хонанинг шарқ томонида жойлашган. Унинг кўриниши тўғри тўртбурчак шаклидаги тор йўлаксимон хонага ўхшаб кетади. Хона деворлари тўғри тўртбурчак кўринишдаги хом ғиштлардан (48-46x 24-23x12-10см) кўтарилган. Мазкур хона ғарбий деворининг ҳозирча очилган узунлиги 3,5 м, жанубий деворининг узунлиги 2,4 м, деворнинг умумий (ҳозирча очилган) баландлиги - 1,55 м.ни ташкил этади. Унинг жанубий девори пахсадан кўтарилган. Шарқ-жануб йўналишидаги девор билан шимол-жануб йўналишидаги девор туташган ерда

3 расм

4 расм

иккинчи хонанинг эшиги мавжуд бўлган деб тахмин қилиш мумкин. Хонанинг сатҳигача бўлган тупроқ қатламлари олинса, унинг аниқ шакли ва ўлчамлари, жумладан эшик ўрни аниқланади. 2-хонани очиш мобайнида унинг ичидан ғишт ва пахса бўлақларидан иборат қаттиқ қатлам

олиб ташланди (4-расм).

Қазишмалар давомида биринчи хонанинг жануб ва ғарб томонидаги, иккинчи хонанинг жануб ва шарқ томонидаги хоналар деворларининг контурлари аниқланди.

Топилмалар. Анъанавий тарзда топилмаларнинг асосий қисмини кулоллик идишлари ташкил қилади. Ушбу сопол идишларнинг аксарият қисми қўлда ясалган бўлиб, улар асосан икки турга – хўжалик ва ошхона идишларига бўлинади.

Хўжалик идишларининг асосини хумлар, хумчалар, сув кўзалар ташкил қилади. Ушбу идишлар ўзларининг нисбатан катта ҳажми, қўлда тайёрланган бўлсада симметриялиги билан ажралиб туради. Баъзи хумларнинг елка қисмида, баъзиларининг ички гардиш қисмида «қуёш», «хоч» ёки бирон «ҳашорат» (?) ни тасвирловчи тамға туширилган. Бундай тамғалар Пардакултепа кулоллик идишларида ҳам учрайди (Пардаев, 1995, 36-41с.).

Ошхона идишлари орасида қозон, това (манқалдон), коса, пиёла, ёғлоғи (кружка) каби идишлар асосий ўринни эгаллайди. Коса ва пиёлаларнинг айримлари кулоллик чархида ясалган, қизғиш ангоб билан бўялган. Ушбу идишлар орасида айниқса елкасида қўш «сиртмоқ» шаклида дастаси мавжуд бўлган ёғлоғи (кружка)лар диққатга сазовордир. Улар соз тупроқ лойидан қўлда тайёрланган. Идишларнинг танаси думалоқ ёки ноксимон шаклда. Қўш «сиртмоқ» кўринишидаги дасталар идишнинг ташқи ён деворларига ёки елка қисмига ўрнатилган. Ушбу тоифадаги идишлар асосан

Ўрта Осиё Турк хоконлиги таркибига қўшиб олингандан кейинги даврлардан бошлаб, Сирдарё ва Амударё оралиғидаги вохаларга тарқаган. Шу сабабли ёғлоғи (кружка)ларни Ёқубботепанинг юқори қурилиш қатламлари даврий санасини белгилашда

5 расм

асосий топилмалар сирасига киритиш мумкин (5-расм).

Ёқубботепана топилмалари орасида илоҳиёт билан боғлиқ бир нечта топинч буюмлари ҳам қайд этилди. Булар схематик тарзда ишланган бурма шохли қўчқор хайкалчаси ва археология адабиётларида «қозон таглиги» (подставка котла) деб ном олган, аслида эса рамзий маънода қўй (қўчқор) калласини ифода этган топилмалардир (6-расм).

Фикримизча, бурама шохли қўчқор хайкалчалари, қўчқор боши тасвирланган дасталар, уни ифода этган схематик тарздаги «қозон тагликлари» туркий чорвадор қўчманчи халқларнинг диний тасавурлари, бўри тотеми билан боғлиқ илоҳий тушунчаларни ўзида му-

6 расм

жасам этган моддий-маданият намуналаридир (Пардаев, 1995, с. 42-46; Пардаев, 2001, с. 140-142).

Кулоллик идишларининг таҳлили, муқоясавий солиштиришлар, меъморий қолдиклардаги айрим хусусиятлар (ёнғин излари) Ёқубботепана қалъасининг юқори қурилиш даврини мило-

дий VII-VIII асрлар билан даврлашга асос бўлади. Р.Бадахов томонидан ўтказилган қазилмалар эҳтимол фақат V-VI аср маданий қатламлари мавжуд бўлган ҳудудда ўтказилгандир.

Демак, юқорида билдирилган фикрлардан келиб чиққан ҳолда Ёқубботтепа қалъаси ҳақида қуйидаги дастлабки хулосаларни билдириш мумкин.

1. Ёқубботтепа қалъаси Қалиятепа шаҳар ёдгорлиги муҳофизат тизимида мавжуд бўлган қалъа работлар занжирининг ҳажм жиҳатдан энг маҳобатли ҳалқаларидан бири бўлган.

2. Ёдгорликнинг айна пайтда очиб ўрганилган маданий қатламлари унинг сўнгги қурилиш даврига оид бўлиб, VII аср охири VIII аср билан даврланади. Бу эса қалъани араблар истилоси даврида вайрон этилган деган тахминни муайян даражада тўғри эканлигини тасдиқлайди.

3. Топилмалар орасида «чўл маданияти»га оид кулоллик идишлари, топинч буюмларини мавжудлиги Сирдарё бўйи кўчманчи чорвадор қабилаларининг маданий ва маънавий таъсири илк ўрта асрларда Жиззах воҳасида кучли бўлганлигини кўрсатади.

Адабиётлар

1. Бердимуратов А.Э. Раннесредневековые археологические памятники Джизакского оазиса (Северо-Западной Уструшаны V-X вв.) Автореф. дис. канд. ист. наук. – Москва, 1985.
2. Пардаев М.Х. Зардуштийлик ва унинг илк ислом давридаги айрим кўринишлари // ЎзИФ Тошкент, 1995, №5-6-7-8.
3. Пардаев М.Х. Кўй ва бўри руҳига сифинишнинг ўзаро боғлиқлиги ҳақида // ЎзИФ, Тошкент, 1995, № 1-2-3.
4. Пардаев М.Х. Комилботтепа қалъаси // УММТ, 32-нашри. Тошкент, 2001.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БУДДИЙСКОМ КУЛЬТОВОМ ЦЕНТРЕ КАРАТЕПА

В 2005 году совместная Узбекистано-Японская археологическая экспедиция продолжила археологические изыскания в буддийском культовом центре Каратепа в Старом Термезе, направленные на дальнейшее выявление архитектурно-планировочной структуры большого наземного монастырского комплекса, расположенного на северном холме, и наземно-пещерного комплекса Б на западной возвышенности Каратепа.

В большом монастырском комплексе были полностью выявлены восточные и южные внешние стены. Оказалось, что основной вход в монастырскую часть находился с восточной стороны комплекса. Он начинался с площади, расположенной перед большой ступой. Здесь проходил узкий коридор вдоль восточного фасада комплекса в южном направлении. Из коридора попадали в небольшое помещение, служившее, по всей вероятности, вестибюлем, через который попадали во двор. Далее, через проход, устроенный на внешней восточной стене помещения № 19, расположенного в северо-восточном углу монастырской части комплекса, которое сообщалось с обходным коридором наземного двора через другой проход, устроенный на северной половине западной стены. Напротив прохода, в дальнем углу северного обходного коридора находилась большая ниша, где ранее была обнаружена глиняно-ганчевая скульптура сидящего Будды, превышающая натуральную величину. Следовательно, устройство ниши здесь было не случайно. Она как бы обращала внимание входящего в монастырскую часть на лик «Великого учителя». Другой проход был на внешней восточной стене помещения № 22, несколько южнее первого. Этот проход, устроенный на северной половине западной стены помещения сообщался с восточным обходным коридором. На одном из этапов обживания монастыря этот вход был заложен, и помещение служило кельей.

Изыскания, проведенные в южной части, позволили установить наличие шести помещений (№№ 27, 28, 29, 30, 31, 34), расположенных вдоль южного фасада монастыря. Оказалось, что два прямо-

угольных помещения, расположенных в центральной части южного фасада комплекса, вытянуты с севера на юг, а по бокам от них по два помещения вытянуты с востока на запад. Поэтому в центральной части наружная стена комплекса несколько выступает в южном направлении. Входы пяти расположенных здесь помещений, как обычно, находятся в северо-восточной половине северной стены и ведут в южный обходной коридор. Одно из помещений, находящееся в центральной части, не имеет прохода, оно изолировано. С чем это связано, пока трудно объяснить. Стены помещений очень высокие. Все помещения, расположенные вдоль южного фасада монастыря, были перекрыты высокими сводами, о чем свидетельствуют остатки сводов. Причем в помещениях № 28 и № 29 своды сохранились на высоту более 1,5 м. Не сохранилась только центральная – замковая часть свода. Характерно, что помещения вдоль южного фасада имели сводчатое перекрытие, а вдоль восточного фасада монастыря – купольное. Переходы к кладке свода стены по всему периметру были оформлены глиняным рельефным карнизом, расположенным обычно на высоте 2,30–2,40 м от уровня нижнего пола. В помещениях были устроены две или три небольшие ниши для светильников. Кроме ниш в стенах, обращенных в сторону обходного коридора, были также устроены циркуляционные отверстия стрельчатой формы. На южной стене помещений на уровне карниза были устроены световые люки с подъемом вверх – наружу. Стены помещений оштукатурены тонким слоем ганча поверх гладкой глиняной обмазки с саманом. Следы росписи здесь не зафиксированы. Функциональное назначение помещений пока не определено. Возможно, отдельные из них служили кельями для монахов и ритуальных церемоний. Все эти помещения, после того как был заброшен комплекс, были использованы под захоронения. Поскольку погребенные лежали в слое надувного песка толщиной 15–25 см, можно заключить, что эти помещения уже давно были заброшены. Учитывая, что эти помещения практически были глухими, а сводные перекрытия еще не разрушены, и проход выходил только в южный обходной коридор, который также был полностью перекрыт сводом, процент образования слоя надувного песка был минимальным. Такой слой песка мог образоваться не менее чем за 40–60 лет. За этот период на открытой части храмового двора уже образовался слой песка более 1 м. Количество погребенных было различное: от 5–6 до 10–12. Часто

скелеты, погребенные в глубине помещения, были потревожены, а расположенные ближе к входу, поздние захоронения, лежат в анатомическом порядке. После заполнения помещений захоронениями проход, через который осуществлялось захоронение, был тщательно заложен. Здесь захоронены дети, мужчины и женщины. До полной обработки антропологического материала трудно определенно сказать, какую функцию выполняли эти помещения: семейных, родственных или смешанных склепов.

Нередко захоронения совершались с погребальным инвентарем. В числе погребального инвентаря были шейные ожерелья из бусин, изготовленные из различных полудрагоценных камней, стеклянной пасты, бронзовые серьги, кольца. В отдельных случаях сохранились фрагменты одежды. Часто рядом с погребенным находились серебряные и медные монеты. Как обычно, серебряная монета была положена в рот, а медная – на ладонь правой руки и обернута тканью. Найденные здесь серебряные монеты являются подражаниями драхам Пероза, а медные – скифатные монеты местных термезских правителей.

При раскопках в южной части удалось установить, что при строительстве большого монастырского комплекса были частично разрушены стены сооружения, расположенного к югу от него и относящегося к несколько более раннему времени. Разрушенная стена, судя по сохранившимся остаткам, была вытянута по линии В-3. Отдельные отрезки стены при строительстве нового комплекса оказались под полом помещений, а местами, вдоль южных стен помещений нового монастыря, они были использованы как суфа. Следы разрушений особенно отчетливо видны с наружной стороны комплекса. Здесь пол комплекса, расположенного к югу вдоль стены нового монастыря, был вырублен. Основание стен нового большого монастырского комплекса проходит на 25–35 см ниже уровня пола сооружений, расположенных к югу, при этом частично сnivelирована поверхность песчаника-материка.

Пока затруднительно конкретизировать, какие сооружения были расположены к югу от большого монастырского комплекса. Возможно, здесь располагалась другая, довольно большая ступа с двухступенчатой платформой, ориентированной по сторонам света. В пользу такого предположения говорят находки кладки стены, имеющей в разрезе двухступенчатую форму. Эта кладка вытянута парал-

тельно южной стене монастырского комплекса. Она, возможно, является северным фасадом платформы ступы. О том, что здесь располагалось большое наземное культовое сооружение довольно сложной архитектурно-планировочной структуры, говорит открытие двух квадратных в плане помещений (4,05x4,08 м; 4,05x4,07 м), расположенных в северо-восточной части данного участка. Помещения построены вдоль восточного склона северного холма Каратепа по линии С-Ю. Проходы помещений расположены в центре западной стены и обращены во двор перед предполагаемой большой ступой. Характерно, что наружная сторона помещений, расположенных в юго-восточном углу большого монастырского комплекса, построена впритык к северной стене помещений, структурно относящихся к новому южному комплексу. В обоих помещениях в центре были устроены ступы (рис. 1). В северном помещении (№ 33) сохранилась высокая квадратная в плане платформа ступы (2,12x2,12 м). Основание платформы было оформлено сложнопрофилированным плинтусом. Длина платформ вместе с плинтусом – 2,38 м. Сложнопрофилированным карнизом была оформлена и верхняя часть платформы. От цилиндрического тела ступы сохранились только его контуры. Диаметр ступы – 2,10 м. Стены как поме-

Рис. 1

щения, так и платформы ступы, были оштукатурены тонким слоем ганча поверх гладкой глиняно-саманной обмазки. На отдельных участках платформы сохранились следы покраски красной охрой. Пол помещения был окрашен черной краской, о чем свидетельствуют остатки краски вдоль стены помещения и платформы ступы. В центральной части дорожки пола она не сохранилась. Краска была стерта во время ритуального обхода вокруг ступы (прадакшина). Мало того, центральная часть дорожки несколько понижена в результате многократного совершения ритуала обхода вокруг ступы.

В другом помещении (№ 36), расположенном к югу от предыдущего, в центре была сооружена округлая в плане ступа. Диаметр цилиндрического тела – 2,29 м. Общая сохранившаяся высота 95 см. Основание ступы вместе с плинтусом - 2,91 м. Оно было оформлено сложнопрофилированным плинтусом шириной 33 см и высотой 50 см. Ступа была сооружена из квадратного сырцового кирпича размером 33-34x33-34x12 см. Причем оформление основания ступы плинтусом было предусмотрено еще во время строительства, на что указывает характер кладки – кирпичи уложены в общей связке. Ступа, так же как и само помещение, была оштукатурена тонким слоем ганча поверх глиняно-саманной обмазки. Находки в одновременных, причем в смежных, помещениях ступ двух типов имеют принципиальное значение для решения вопроса о дате и характере перехода от конструкций ранних ступ с круглым основанием к ступам с квадратной платформой в буддийской культовой архитектуре.

Как известно, первые ступы в Индии имели круглое основание. Во второй половине I в. н.э. там появляются ступы с квадратным основанием (1). Не касаясь вопроса о причинах этого перехода, отметим, что, по всей вероятности, в Бактрии ступы с квадратным основанием появились в первой половине II в. н.э., а в III в. они уже вытеснили ступы с круглым основанием. находка в Каратепа ступ двух типов в одновременных смежных помещениях ярко иллюстрирует процесс перехода от ступы с круглым основанием к ступам с квадратным основанием и о периоде их сосуществования. Следует отметить, что конструкция квадратной части ступы была достаточно развита. Таким образом, помимо изучаемого большого монастырского комплекса в северной части холма Каратепа находилось еще одно довольно крупное наземное сооружение, расположенное

к северу от первого и датированное концом I – началом II в. н.э. Не исключено, что открытый комплекс одновременен с ранним комплексом, существовавшим на месте большого монастырского комплекса, отдельные стены которого были зачищены под полом данного сооружения.

Помимо археологических работ на собственно монастырской части комплекса, проводились изыскания на площади, расположенной на склоне северной возвышенности Каратепа, с целью выяснения характера планировочной структуры сооружений, сосредоточенных вдоль северного обходного коридора большой ступы и оконченного северного наружного фасада монастырского комплекса. В северо-восточной части площади оконтурированы стены двух смежных помещений прямоугольной формы, вытянутых по линии В-3 параллельно нижней ступеньке платформы большой ступы. Проходы помещений расположены в центре южной стены и обращены на северный обходной двор-коридор большой ступы. В помещении, расположенном в западной стороне, вдоль трех стен была устроена суфа шириной 1,05 м, на которой зачищены ноги трех фигур, изготовленных из глины, обмазанных тонким слоем ганча и окрашенных в красный цвет. От фигуры, расположенной в юго-западном углу помещения, сохранилась левая нога (рис. 2). От фигуры, установленной в восточном углу северной стены, сохрани-

Рис. 2

лись обе ноги. Пятки ног сдвинуты в сторону. От третьей фигуры, установленной в северном углу восточной стены, сохранилась правая нога. Длина ног 70–74 см. Ширина у пяток 26–27 см. На ногах у изображенных фигур сандалии. Судя по размеру, ноги принадлежали скульптурам очень больших размеров, не менее чем вдвое превышающих натуральную величину. Принимая во внимание, что ступы расположены вплотную к стене помещения, фигуры скульптур были пристенными, стоящими во весь рост. Судя по расположению сохранившихся ног, здесь были установлены скульптурные изображения не менее чем семи фигур. Скорее всего, в центре, напротив прохода, была установлена фигура Будды, а по сторонам – другие буддийские божества, возможно, и светские лица – донаторы. Это помещение еще полностью не раскопано, тем не менее, можно предположить, что оно выполняло функцию святилища – «дом образа». Расположение этого помещения – святилища в данной части комплекса, видимо, не случайно, так как, напротив, на южной стороне, к югу от большой ступы расположено помещение со ступой с сюжетной росписью на фасадных стенах платформы. Строители сознательно разместили эти два помещения симметрично, так как в одном помещении совершался культ поклонения ступе, в другом – культ поклонения образу – Будде. Из письменных источников известно, что строительством буддийских сооружений руководил монах, имевший должность Navakammika, который распределял общую планировку и функции помещений. Следовательно, при строительстве данного монастыря было четко определено функциональное назначение этих помещений и расположение их в структуре комплекса (Dutt, 1962, p.159). К северу от этого помещения, за наружной стеной была найдена небольшая ганчевая плитка со штампованным барельефом с изображением сидящего Будды в позе дхьяна-мудра, а по обе стороны от него фигуры молящихся, возможно, донаторов. По всей вероятности, эта плитка была переброшена из вышеупомянутого помещения.

К востоку от святилища находилось другое помещение прямоугольной в плане формы. В центре его зафиксировано довольно большое скопление золы, а пол на данном участке сильно обожжен. По-видимому, в центре стоял переносной алтарь огня. Однако это не говорит, что помещение было связано с культом огня, связанного с зороастризмом. Как известно, почитание огня широко практи-

ковалось и в буддизме. На особое положение двух этих помещений, расположенных по периметру большой ступы в структуре монастырского комплекса, указывает и то, что площадь перед ними сплошь была вымощена жжеными квадратными плитками. В настоящее время эти помещения исследованы на уровне верхних строительных горизонтов и выявлены последние этапы их обживания. Они предварительно могут быть датированы второй половиной III – началом IV вв. н.э. В связи с этим следует упомянуть, что в III–IV вв. н.э. в развитии глиняно-ганчевой скульптуры Бактрии наблюдается тенденция к увеличению размеров скульптурных изображений. Это очевидно и на примере скульптур, найденных в буддийском храме ДТ-25 на Дальверзинтепа, датируемых исследователями концом III – первой половиной IV вв. н.э. (Мкртычев, Русанов, 1999, с.76). Тенденция к увеличению размеров художественных произведений была связана с концепцией локотгара, согласно которой Будда имеет сверхъестественный облик (Мкртычев, 2002, с.142).

Археологические работы на уровне верхнего строительного горизонта производились и к западу от западного двора-коридора большой ступы. В настоящее время в северной половине данного фаса зачищены четыре ниши шириной 1,90–2,10 м. Наибольшая сохранившаяся высота стен ниш верхнего горизонта около 1,20 м. Боковые стенки самой северной ниши были оформлены объемными рельефами различной формы и конфигурации. Рельефы внутри имели глиняную основу, а сверху обмазаны ганчем толщиной 2–3 мм. Характер рельефа пока не поддается интерпретации. Аналогичные рельефы в художественной культуре древней Бактрии и в соседних регионах неизвестны. Во второй нише, расположенной к югу от первой, обнаружена нижняя половина торса сидящего Будды. Она слегка сдвинута в сторону. В третьей нише найдено множество фрагментов глиняно-ганчевой скульптуры. Судя по сохранившимся остаткам, к фасадной стене была установлена глиняно-ганчевая скульптура сидящего божества, по всей вероятности, бодхисатвы. Скульптура очень выразительная. У боковых стен этой ниши были установлены пристенные скульптурные изображения стоящих фигур. От этих скульптур сохранились только ноги. Судя по их размеру, они были изображены несколько в меньшем масштабе, чем центральная фигура. Детали скульптур, найденных в

нише, полностью еще не расчищены, поэтому в настоящее время трудно конкретизировать характер персонажей, изображенных в боковых стенках ниши. Это могли быть или монахи, или светские лица – донаторы.

Таким образом, археологические работы, проведенные на монастырском комплексе северного холма, дали новые материалы, дополняющие представления об архитектурно-планировочной структуре данного сооружения. Большим археологическим открытием является находка на северном холме еще одного, довольно крупного буддийского наземного комплекса, расположенного к югу от большого монастырского комплекса. На современном этапе изучения данного комплекса сооружение предварительно можно датировать не позднее первой половины II в. н.э. Археологические материалы, найденные во время изучения большого монастырского комплекса, указывают на высокую материальную и художественную культуру Бактрии эпохи кушан, что особенно ярко иллюстрируют произведения буддийского искусства. Изучение захоронений, осуществленных в помещениях монастырского комплекса, выявило весьма интересные сведения о погребальном обряде, этнической принадлежности, материальной и духовной культуре, товарно-денежном обращении в раннесредневековом Тохаристане, в частности, Термезе.

Литература

1. Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии I-X вв. Москва, 2002.
2. Мкртычев Т.К., Русанов Д.В. Второй буддийский храм на Дальверзинтепе (ДТ-25): история функционирования. // VI чтения памяти профессора Д.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. Москва, 1999.
3. Dutt S. Buddhist Monks and Monasteries of India, J., 1962.

Б. Сайфуллаев, М. Исамиддинов
(Самарканд)

КАМЕННЫЙ НОЖ ИЗ БУЛУНГУРА

Узбекско-Французская экспедиция во время обследования археологических памятников зоны орошения Булунгура производила инструментальную съемку городища Киндикли на месте выделения Пайарыка от Булунгура.

Канал Булунгур в свое время был проведен по правой верхней террасе реки Заравшан. В связи с этим наиболее ранние памятники расположены именно на правом берегу канала Булунгур. Этим и объясняется наличие ранних слоев на городище Коктепа.

В 2005 году при обследовании Киндикли, в 100 м к западу от городища на поверхности земли был обнаружен каменный нож.

Нож со спинкой, оформленный на леваллуазской пластинке размером 87x20x8 мм (рис. 1). Пластика была снята с двухплощадочного леваллуазского нуклеуса из мелкозернистого песчаника. Негативы на дорсале пластины имеют биполярный характер. У этого ножа выделено острие с помощью плоского ретуширования на дистальном конце правого латерали. Правый острый латераль ножа имеет ряд мелких ретушей, образовавшиеся в результате утилизации. Ударная площадка изделия сломана. Такие изделия известны с самого конца позднего палеолита и существуют длительное время в последующие этапы каменного века.

Один из выдающихся исследователей технологии каменных орудий Ж. Тиксье определял нижеследующие варианты спинных ножей:

1. Типичные спинные ножи (крутизна одного из краев образована при помощи полной или частичной ретуши).

2. Спинные ножи с естественной спинкой преднамеренно образованные в процессе расщепления.

3. Спинные ножи, покрытые галечной коркой.

4. Ножи с подготовленной спинкой¹.

Наш экземпляр относится ко второму варианту спинных

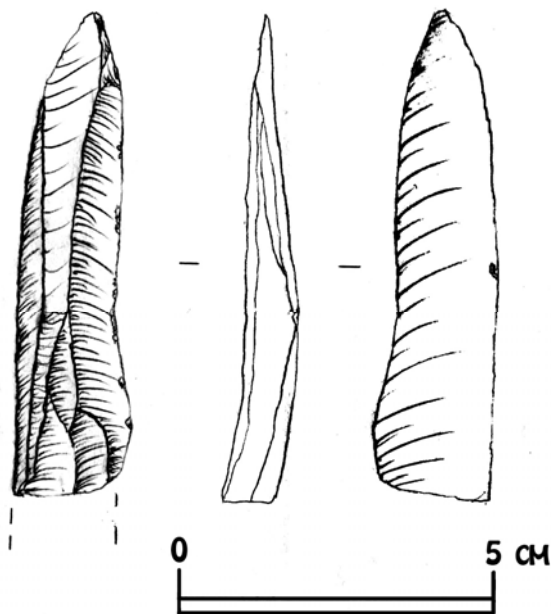

Рис. 1

ножей, спинка которых образована в процессе расщепления. Как видно из рисунка, орудия имеет более крутой левый латераль, а правый латераль имеет легкий подъем и острый режущий край.

Примечание

¹ Tixier (J.), 1960. – Les industries lithiques d' Ain Fritissa (Maroc oriental). Bull. d'archéologie marocaine, t. 3, p. 197-244, 38 fig., 33 pl.

Л.М. Сверчков, Н. Бороффка
(Ташкент, Берлин)

ПАМЯТНИКИ БАНДЫХАНА

Весной 2005 г. Байсунская археологическая экспедиция совместно с Германским археологическим институтом (DAI) возобновила исследование памятников округа Бандыхана, начатые Узбекистанской искусствоведческой экспедицией 30 лет назад¹. Еще на начальной стадии работ в 1973-75 гг. стали очевидны уникальные особенности исследуемого района, проявившиеся, прежде всего, во взаимосвязи хронологии и местоположения каждого отдельно взятого памятника. Хронологический диапазон огромен – от эпохи бронзы до наших дней, и каждому историческому периоду соответствует свой территориально обособленный памятник. Всего их одиннадцать: 5 расположены к северу от Бандыхана (в Байсунском районе), 6 – наиболее древние – в самом городе Бандыхан². Единственным источником водоснабжения поселений являлся Байсунсай (Бандыхансай), из которого, в свою очередь, берет начало Ургульсай.

Памятники южной группы приурочены к Ургульсаю: Безымянное тепа № 1³, Майдатепа (Бандыхан I), Бектепа (Бандыхан II), Киндыктепа и несколько обособленное Ялантуштепа на правом, пойменном берегу; Газимуллатепа – на левом, обрывистом.

Северная группа включает памятники, расположенные возле места отделения Ургульсая от Байсунсая: крепость и поселение Сарыбанд, плотина Сарыбанд, Безымянное тепа № 2, курганный могильник Сарыбанд и чуть южнее – Кахрамонтепа.

Майдатепа (Бандыхан I)

Бандыхан I является базовым объектом Байсунской экспедиции, поэтому основные работы были сосредоточены здесь⁴. Координаты

(GPS): 37° 50' 57,93" с. ш.; 67° 21' 54,48" в. д.; высота 455 м над уровнем моря.

Майдатепа представляет собой двухчастный памятник, состоящий из «цитадели» – более высокого восточного холма U-образной формы диаметром 100 м и охватывающей его приземистой, округлой в плане возвышенности диаметром около 200 м. На северо-западном и юго-западном склонах центрального бугра еще видны следы раскопов 1974-75 гг. Со времени полевых работ УзИСКЭ изменения коснулись и западной окраины Майдатепа, затронутой действиями по землеустройству. В результате нижняя, западная часть поселения оказалась полностью отрезана от «цитадели» современным дренажным коллектором, проложенным по линии север – юг и еще более углубившим древний канал, который в начале 70-х годов обнаружил Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 1976. С.100).

Раскоп 2005 г. (20x10 м) был заложен в единственно доступном для исследований месте – западном холме, в его центральной части. Расположен он в 10 м юго-западнее шурфа 1974 г., ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Западная половина (10x10 м) обозначена под № 45, восточная (10x10 м) – № 46. Для того, чтобы определить общую мощность культурных наслоений и их структуру, в юго-западном углу квадрата № 45 был заложен стратиграфический шурф размерами 4x5 м. Всего на Майдатепа выявлено 13 слоев мощностью около 3 м, составляющих 6 этапов существования поселения Майдатепа:

Этап I – слои 1-2. Освоение территории и первые конструкции.

Этап II – слой 3. Стены и очаг, выявленные в шурфе.

Этап III – слои 4-5. Возведение поверх забутовки жилого комплекса.

Этап IV – слои 6-7. Вновь забутовка остатков архитектуры предшествующего этапа и строительство нового комплекса.

Этап V – слои 8-11. Забутовка, жилая застройка и, вскоре после этого, ее запустение и разрушение.

Этап VI – слой 12. Отложения органики и поздние ямы.

Этапы I-V относятся к периоду Яз-I, этап VI датируется временем Яз-II.

Археологический материал из раскопок поселения Майдатепа представлен (в порядке убывания) находками керамики (более 40000 фрагментов массой около 1600 кг), костями животных, ка-

менными и бронзовыми изделиями. В комплексе керамики можно выделить четыре группы:

1а. Лепные чаши, горшки, крышки и миниатюрные сосуды – 55%.

1в. Лепные чаши, горшки и крышки с геометрическим орнаментом красного или черного цвета – 9 %. Есть один случай двухцветной росписи красной и черной красками.

2. Чаши и горшки, изготовленные на гончарном круге – 18 %.

3. Грубые лепные сосуды (котлы), иногда с носиком, с обильным включением толченых раковин в тесте – 18 %.

Среди станковой керамики доминируют горшки с венчиком, слегка отогнутым наружу, и чаши полусферической формы. Донца сосудов плоские или округлые. Иногда тулово горшка имеет горизонтальное рифление, реже – орнамент в виде волнистых линий, прочерченных на плечиках сосуда. Такая манера украшения сосудов встречалась на поселении Джаркутан среди керамики из ямы периода Кучук IA (Sajdullaev, 2002. С.273, рис.21). Найден один фрагмент широкой нижней части сосуда с волнистой линией, похожего на тот, что известен по раскопкам поселения позднего этапа БМАК Тахирбай 3 в Туркменистане (Массон, 1966. С.174-176).

Лепная керамика представлена горшками и полусферическими чашами, подражающими станковым формам, а также крышками дисковидной формы с ручкой-скобой в центре. Некоторые из чаш тщательно отполированы до блеска и цвета слоновой кости, что напоминает классические традиции эпохи бронзы. В гончарную массу для лепки сосудов всегда добавляли шамот и, очень часто, мелко рубленую солому (саман). Надо заметить, что примесь самана в глине является наиболее характерным технологическим признаком керамики джейтунской культуры эпохи неолита. И позже, на протяжении всей эпохи энеолита, древние гончары поселений Анау и Намазга в предгорьях Копетдага продолжали использовать этот прием, только на этапе Анау IB саман временно был замещен песком (Энеолит СССР, 1982. С.25).

Некоторые лепные сосуды в процессе обжига приобретали такое своеобразное высветление поверхности, которое внешне выглядит как сложная орнаментальная композиция. Другая, немногочисленная группа сосудов по внешнему виду напоминает изделия из дерева, которые, вполне возможно, они имитировали. Миниатюрные сосуды копируют чаши, но часто также встречаются глиняные коро-

бочки квадратной и прямоугольной в плане формы. Кроме этого, есть маленькие рюмки, напоминающие вазы бактрийско-маргианского археологического комплекса.

Отдельные чаши, горшки и крышки (изредка также миниатюрные сосуды), изготовленные вручную, расписаны красной (красно-коричневой, коричневой) или черной краской по светлому фону. Только однажды был найден фрагмент с двухцветной росписью. Орнаментальные мотивы преимущественно геометрические, преобладают хорошо известные для периода Яз-I обычные или заштрихованные треугольники и их вариации. Характерной особенностью, присущей исключительно расписной керамике Майдатепы, является такой орнаментальный мотив, как наклонные ряды, составленные из пятен-мазков, что, вероятно, символизирует капли дождя.

Кухонная посуда по форме, способу изготовления и, особенно, добавкам в тесто аналогична котлам из поселений Чуст, Бургулюк и, разумеется, Яз-депе. На одном фрагменте есть штампованный гребенчатый орнамент, типичный для посуды степного круга эпохи бронзы севера Центральной Азии.

Уже неоднократно сообщалось, что керамика поселения Майдатепы (Бандыхан I), как и весь археологический комплекс, находит прямые аналогии среди многих памятников, входящих в круг культур расписной керамики типа Яз-I (Ртвеладзе, Хакимов, 1975. С.51-52; Ртвеладзе, 1976. С.95-96; Сагдуллаев, 1985. С.21-32; Сагдуллаев, 1989. С.30-37). Ближе всего, конечно, Кучуктепа периода I (Аскарлов, Альбаум, 1979. С.91-97, табл.1-7); материалы из безымянного тепа возле кишлака Миршаде (Беляева, Хакимов, 1973. С.35-37, рис.3) и Кизилтепа 1-го периода (Сагдуллаев, 1989. С.38-39). Насколько сейчас можно судить, наибольшее сходство усматривается с керамикой из ямы с раздавленными человеческими черепами на цитадели поселения Джаркутан (Аскарлов, 1976. С.17-19) и вообще из верхнего слоя Джаркутана (Sajdullaev, 2002. С.269-273, рис.17-21). Несколько меньше сходства с памятниками Яз-депе в Туркменистане (Массон, 1959. С.34-38) и Тилля-тепе в Северном Афганистане (Сарианиди, 1972); еще меньше – с материалами из поселения Бургулюк в Ташкентской области (Дуке, 1978) и из Ферганской долины (Заднепровский, 1962; Заднепровский, 1997).

Если сравнивать комплексы керамики Майдатепы и ферганских поселений Чуст и Дальверзин обособленно, становится ясно, что

аналогий с Чустом больше. Может быть, это послужит дополнительным доводом в пользу более ранней, чем принято считать, даты возникновения чустского поселения. На наш взгляд, Б.Х. Матбабаев справедливо указал, что находка в верхнем слое фрагмента бронзовых удил (не ранее IX в. до н.э.) не может служить обоснованием поздней хронологии всего поселения, толщина культурного слоя которого составляет 3,5 м (Матбабаев, 1999. С.53-54). Если некоторых исследователей смущают находки в Чусте станковых сосудов (ни в Оше, ни в Дальверзине их нет), то напомним, что в Майдатепе количество керамики, изготовленной на гончарном круге, возрастает по мере углубления.

Во время раскопок Майдатепе было найдено девять бронзовых предметов и их фрагментов. Это прямые однолезвийные ножи с закругленным или острым концом и утолщенной, прямоугольной в сечении рукояткой. Ножи этого типа прекрасно известны на поселениях Яз-депе, Кучуктепа, Тилля-тепе, Чуст, а также памятниках Западного Китая группы Чоуху (Chawuhu) (Debaine-Francfort, 1989). Там же находят аналогии фрагмент бронзового серпа с отверстием для крепления рукояти. В Майдатепе были найдены стержни тонких заковок, а также один фрагмент такого же типа, но утолщающийся в конце и напоминающий так называемые «косметические палочки» периода Намазга V-VI и бактрийско-маргианского археологического комплекса. Подвеска, имеющая форму греческой буквы «Ω», из раскопок Майдатепе, обнаруживает явные параллели с образцами из могильников Кумсай и Тандырйул в Таджикистане (Vinogradova, 2001. С.201, рис.1, 16. С.211, рис.10,10).

Изделия из камня представлены, в первую очередь, большими ступками и пестами, использовавшимися, вероятно, для растирания зерна⁵. Маленькая подставка из хорошо отполированного черного камня и качественный миниатюрный пестик из того же материала, несомненно, имели другое назначение. Подобные предметы прекрасно известны по материалам из Безымянного тепа возле Миршаде, где была найдена керамика типа Яз-I (Пугаченкова, 1973. С.79, рис.3), и многих других памятников, перечисленных выше.

Зерна злаков были обнаружены во всех без исключения слоях поселения Майдатепе, что свидетельствует об устойчивых земледельческих навыках его древних обитателей. Предварительный анализ образцов, осуществленный доктором Р. Нифом, показал нали-

чие зерен ячменя (*Hordeum*) и проса (*Panicum*). Кости животных из раскопок в основном принадлежат овцам и козам, но есть также много костей крупного рогатого скота, свиней и других видов животных.

Результаты раскопок Майдатепе 2005 г. в целом подтверждают наличие трех горизонтов, выявленных 30 лет назад сотрудниками УзИСКЭ в западной, нижней части поселения Бандыхан I (Ртвеладзе, Хакимов, 1975. С.51). В шурфе на восточном холме («цитадели») было зафиксировано четыре строительных горизонта, верхний из которых представляет собой платформу из квадратного сырца размерами 30-32x30x10 см (Сагдуллаев, 1976. С.34, рис.3). В то же время А.С. Сагдуллаев первым обратил внимание на находки в верхнем слое Бандыхантепа I фрагментов керамики типа Яз-II (Сагдуллаев, 1978. С.34).

Сопоставив данные исследований, мы видим соответствие нашего этапа I (слои 1-2) 1-му, нижнему горизонту; этапа II (слой 3) – 2-му горизонту. Этапы III-V (слои 4-5, 6-7 и 8-11), скорее всего, являются тремя фазами одного, III этапа, обозначенного в материалах УзИСКЭ как 3-й горизонт. Но ни в свое время Э.В. Ртвеладзе, ни нам не удалось обнаружить хоть что-нибудь, отдаленно напоминающее или синхронное платформе из квадратного сырцового кирпича на «цитадели» Бандыхантепа I. Однако в 2005 г. в нижней, западной части поселения была, наконец-то, выявлена жилища застройка, демонстрирующая отменные строительные навыки древнего населения Бандыхана.

Заключительная стадия жизни поселения Майдатепе – этап VI представлен ямами с фрагментами керамики периода Яз-II – времени, когда центр округа перемещается на Бектепа.

Бектепа (Бандыхан II) и Киндыктепа

Координаты (GPS): 37° 51' 03,77" с. ш.; 67° 21' 47,49" в. д.; высота 455 м над уровнем моря. За прошедшие 30 лет конфигурация укрепленной части Бандыхантепа II изменилась мало, только очертания ее стали более расплывчатыми. Собственно, крепость Бектепа – это все, что осталось от поселения: вся округа занята под посевы, на месте восточного холма построен хлоппункт, частично подрезавший также юго-восточный и юго-западный фасы крепости. Сейчас укрепленная часть Бектепа представляет собой квадратный в плане периметр стен размерами 100x100 м, высотой 2 м.

Раскоп (10x10 м) был заложен в северо-восточной части Бектепа, т.е. в том же восточном углу, где З.А. Хакимов открывал внешний фас и башню 3. В результате была вскрыта свита культурных напластований на глубину 2,7 м от репера. По материалам из нижнего слоя подтверждено сложение поселения в период Яз-II (первая половина I тыс. до н.э.). В качестве аналогов можно вновь перечислить те же, хорошо известные памятники: Яз-депе (Массон, 1959. С.39-41), Кучуктепа 2-го периода (Аскарлов, Альбаум, 1979. С.101, табл.11; Sajdullaev, 2002. С.261-262, рис.9-10) и Кизилтепа периода II (Сагдуллаев, 1987. Рис. 21-22). Однако впервые установлено, что сама крепость Бандыхан II была построена в период Яз-III, причем на позднем его этапе, и функционировала, таким образом, с V до конца IV в. до н.э.

Киндыктепа располагается в 300 м севернее Бектепа. Координаты (GPS): 37° 51' 12, 41" с. ш.; 67° 21' 43,86" в. д.; высота 456 м над уровнем моря. Сейчас Киндыктепа – это овально-квадратный в плане бугор размерами 30x25 м, высотой 3,8 м⁶. Для выяснения стратиграфии и хронологии памятника на его северо-восточном склоне был заложен шурф 3x3 м (глубина до материка 4,6 м), половина площади которого оказалась занята стеной. Стена сложена из сырца размерами 50-52x28-30x10-12 см, оштукатурена, в нижней части укреплена контрфорсом-пилоном. Высота ее 3 м, верхняя часть (0,5 м) основательно разрушилась и оплыла. Внешний край находится вне раскопа, но, судя по открытому участку (шириной 1,8 м), стена, вероятно, являлась внешним обводом всего сооружения.

Керамический материал с полов Киндыктепа, как и Бектепа, обнаруживает несомненное сходство с широко известными в Средней Азии материалами VI-IV вв до н.э., причем с тем отрезком времени, который принято называть «позднеахеменидским периодом». В качестве ближайших аналогий можно назвать городище Халчаян – Ханакатеп (Пугаченкова, 1966. С.32), Пачмактепа близ Шерабада (Пидаев, 1974. С.37, рис.4) и Термез (Sajdullaev, 2002. С.277, рис.26), в качестве отдаленных – комплекс Хумбузтепа-II в Хорезме (Болелов, 2004. С.51-52, рис.1, 19-45) и материал из горна № 2 на поселении Саратеп под Самаркандом (Иваницкий, 1992. С.39, рис.9). С двумя последними керамический комплекс Бектепа особенно роднит наличие горшков с рельефным валиком в нижней части горловины – формы, чрезвычайно популярной в последующее,

эллинистическое время. Зато по тем же признакам можно с уверенностью признать различие керамических комплексов Бектепа (Бандыхан II) и соседнего Газимуллатапа (Бандыхан III).

Сосуды из раскопок Газимуллатапа заметно отличаются от керамики и нижних, и верхних слоев Бектепа и Киндыктепа, прежде всего, массивностью форм и упрощенной, но жесткой профилировкой (Ртвеладзе, 1987. С.60-65, рис.2-5). В то же время они обнаруживают несомненное сходство с материалами из раскопок крепости Талашкан-I в 15 км к юго-западу от г. Шерабад (Заппаров, Ртвеладзе, 1976. С.22, рис.2) и 3-его горизонта городища Кизилтепа близ кишлака Миршаде (Сагдуллаев, Хакимов, 1976. С.27, рис.2; Сагдуллаев, 1987. Рис.25-26). Крепость Талашкан датируется раннеахеменидским временем – VI-V вв. до н.э. (Ртвеладзе, Пидаев, 1993. С.137). К этому же времени, раннему этапу Яз-III, соответственно, следует отнести Газимуллатапа, которое, таким образом, в череде памятников округа Бандыхана занимает хронологическую нишу между нижними (Яз-II) и верхними (поздний этап Яз-III) слоями Бектепа. Переход древних жителей на левый берег Ургульсая, обустройство и функционирование нового поселения с центром Газимуллатапа в конце VI-V в., должно быть, синхронно периоду временного запустения поселения Бектепа. Где-то в конце V в. до н.э. жизнь вновь возвращается на правобережье Ургульсая, где на месте прежнего поселения возводятся крепость Бектепа и здание Киндыктепа.

Перемещение поселений или, как мы это называем, «система блуждающих городищ» весьма характерна для Средней Азии вообще, а для Бандыхана – в особенности. Периодический переход населения в пределах одного района, связанный с освоением новых территорий и созданием новых поселений или с возвращением в прежние места обитания, был обусловлен совокупностью многих причин, основой которых являлся природный фактор. В условиях засушливого степного и полупустынного климата с нестабильными и постоянно меняющимися водными ресурсами баланс общества и окружающей среды носит чрезвычайно хрупкий характер. Достаточно было возникнуть напряжению любого порядка, природно-экономического, социального или политического, чтобы нарушить сложившееся равновесие. На наш взгляд, эта закономерность как нельзя лучше проявилась в Бандыханском районе.

Примечания

1. История изучения Бандыханского оазиса детально изложена в «Грудах Байсунской научной экспедиции». Вып.2. Ташкент, 2005. С.42-45, 304-306.
2. Двенадцатый – Безымянное тепа № 3 – относится к XVIII-XIX вв.
3. Безымянное тепа № 1 с материалами эпохи бронзы бактрийско-маргианского археологического комплекса не сохранилось (Ртвеладзе, 1975. С.265).
4. Авторы статьи считают своим долгом выразить глубочайшую признательность тем сотрудникам, без которых было бы немыслимо само существование экспедиции: Р. Бороффке, Р.П. Нарзикулову и Д.Д. Шакирову.
5. Надо отметить, что при раскопках Майдатепы в 2005 г. каменные серпы найдены не были.
6. 30 лет назад Киндыктепа имел прямоугольный план размерами 40х30 м. Высота осталась прежней благодаря геодезическому столбу.

Литература

1. Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1982.
2. Аскарлов А.А. Расписная керамика Джар-Кутана // Бактрийские древности. Ленинград, 1976.
3. Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
4. Беляева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
5. Болелов С.Б. К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма // Transoxiana: история и культура. Ташкент, 2004.
6. Vinogradova N. Südtadżikistan in der Spätbronze- und Früheisenzeit // Migration und Kulturtransfer. Akten des Internationalen Kolloquiums. 23.-26. November 1999 Berlin. Bonn, 2001.
7. Debaine-Francfort C. Archéologie du Xinjiang des origines aux Han. П^{ème} partie. Paléorient. 1989. № 15.1.
8. Дуке Х.И. Бургулюкская культура // Древности Туябугуза. Ташкент, 1978.
9. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА. № 118. Москва-Ленинград, 1962.
10. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997.
11. Заппаров Ш.Х., Ртвеладзе Э.В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I // Бактрийские древности. Ленинград, 1976.
12. Иваницкий И.Д. Саратепы-2 – поселение керамистов середины I тысячелетия до н.э. под Самаркандом // ИМКУ. Вып.26. Ташкент, 1992.
13. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА. № 73. Москва-Ленинград, 1959.

14. Массон В.М. Бронзовый век Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Под редакцией В.М. Массона. Москва-Ленинград, 1966.
15. Матбабаев Б.Х. Некоторые итоги сравнительного изучения расписной керамики чустской культуры // ИМКУ. Вып.30. Самарканд, 1999.
16. Матбабаев Б.Х. Исследование жилищ в памятниках чустской культуры Ферганы (XII-VII вв. до н.э.) // ИМКУ. Вып.33. Ташкент, 2002.
17. Пидаев Ш.Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Ленинград, 1974.
18. Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
19. Ртвеладзе Э.В. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени // СА. Москва, 1975. № 2.
20. Ртвеладзе Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Ленинград, 1976.
21. Ртвеладзе Э.В. Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана // ИМКУ. Вып.21. Ташкент, 1987.
22. Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Исследования памятников Бандыхана // Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции, посвященной 250-летию Академии наук СССР. Часть II. Киев, 1975.
23. Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р. Древнебактрийская крепость Талашкантепе I // Российская археология. Москва, 1993. № 2.
24. Сагдуллаев А.С. К эволюции древних поселений Южного Узбекистана // САУ. Ташкент, 1976. № 9.
25. Сагдуллаев А.С. Древнеземледельческие поселения предгорий Байсунтау // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
26. Сагдуллаев А.С. О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии // СА. Москва, 1985. № 4.
27. Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987.
28. Сагдуллаев А.С. Основные черты и генезис культуры доантичной Бактрии // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.
29. Сагдуллаев А.С. О работах на поселении Бандыхан II и раскопках кургана № 1 могильника Сарыбанд // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып.2. Ташкент, 2005.
30. Сагдуллаев А., Хакимов З. Археологическое изучение городища Кызыл-тепе (по итогам работ 1973-1974 гг.) // Бактрийские древности. Ленинград, 1976.
31. Сарианиди В.И. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. Вып.1. Москва, 1972.
32. Труды Байсунской научной экспедиции. Вып.2. Ташкент, 2005.

33. Sajdullaev S.B. Untersuchungen zur frühen Eisenzeit in Nordbaktrien // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 34. Berlin, 2002.
34. Энеолит СССР // Археология СССР. Отв. ред. тома В.М. Массон, Н.Я. Мерперт. Москва, 1982.

М.И. Филанович, С.Р. Ильясова, Ш.Т. Адылов
(Ташкент)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ В ТАШКЕНТЕ

В 2005 г., в связи с широкомасштабными благоустроительными работами в районе площади Иски Джува, реконструируемой мечети Лайлак конди и парка Кадыри, на данных строительных площадках велись наблюдения. Эта территория относится к даха Сибзар Ташкента XIX в. и граничит с востока с Шайхантаурской даха. По схеме развития города IX-XII вв., уточненной в прошлые годы исследователями, здесь располагалась часть внутреннего рабада Бинката. Были обнаружены следы керамического, стекольного ремесел, возможно металлообработки и отмечена наибольшая плотность городской застройки IX-XII вв.

Археологические наблюдения на обширной территории сноса старой городской застройки и выборка археологического материала из перемещенного с ней грунта способствовали сбору большого количества керамики и стеклянных изделий, которые, несмотря на фрагментарность, дополнили наши знания о ремесленном производстве Бинката-Ташкента.

В земляных отвалах было собрано множество фрагментов стеклянных изделий. Большая их часть, по-видимому, прежде залежала в бадрабах. Выделить среди всего этого набора какие-то отдельные комплексы не представляется возможным, поскольку сборы велись в разных пунктах, так что характеристику коллекции можно дать только в общих чертах.

Изделия сильно фрагментированы; большей частью это фрагменты днищ, стенки и венчики сосудов, однако они дают некоторое представление о формах, назначении и технологии изготовления. Стекло преимущественно зеленых и бутылочно-голубых оттенков, отмечены также фрагменты из темно-синего и желтого стекла. В целом, качество изготовления высокое, пузырьков в составе шихты немного. Большинство изделий изготовлено в технике свободного

выдувания с вращением – они, как правило, выделяются прозрачностью и блестящей поверхностью. К ним относятся фрагменты столовых и химических сосудов. Среди столовой посуды – чаши, стаканчики, кружки и кувшиновидные кружки, графины.

Химические сосуды – колбы и алейбики. В той же технике изготовлены и оконные стекла. Одна из наиболее массовых форм в наборе – туваки. Они изготовлены в технике свободного выдувания с вращением и последующим вдуванием в форму. Многие из них покрыты рельефным орнаментом в виде чередующихся в шахматном порядке эллипсоидных фигурок.

Очень мало изделий, изготовленных без вращения, «тиходутным» в форму способом – это мелкие парфюмерно-аптекарские сосуды из непрозрачного стекла.

Все представленные формы хорошо известны, в частности, по раскопкам на территории Крытого рынка Чорсу в 1984 г. (Мирза-Ахмедов, Ильясова, Адылов, 1999, с. 240-242), имеют широкий круг аналогий среди стеклянных изделий X-XI вв. на территории Средней Азии и Ирана. По-видимому, именно в этих пределах их и следует датировать, тем более, что попутно с ними были собраны глазурованные изделия того же периода.

Коллекция глазурованной керамики подразделяется по типу орнаментации на три группы: посуду с эпиграфическим, зооморфным и растительно-геометрическим декором.

Первая группа представлена фрагментами сосудов открытых форм – ляганов и чаш с надписями почерком куфи и керамическим курсивом. Надписи нанесены либо по бортам сосудов, либо на дне. В ряде случаев помимо надписей сосуды украшены геометрическими фигурами, заполненными рядами точек или штриховкой. Фрагментированность надписей затрудняет их чтение. Пока удалось прочитать надпись на дне белофонной чаши, на которой почерком керамического курсива написано слово «дайма[тун]» – «постоянство; длительность». Кроме того, многочисленны находки чаш с нечитаемыми стилизованными надписями.

Зооморфные мотивы представлены фрагментами чаш со стилизованными изображениями птиц в центре, широко распространенные в Чаче в X в. (Букинич, 1938, с. 92, рис. 1; Зильпер, 1976, с. 54, рис. 22: 2-4).

Самыми ранними образцами растительно-геометрической орна-

ментации являются фрагменты чаш так называемого «восстановительного обжига» с надглазурной росписью зелено-бирюзовой и марганцево-черной красками. Необычной формы розетка с веерообразно расходящимися лучами ранее не отмечалась среди бинкатских материалов.

Характерная для второй половины IX – первой половины X в. керамика с подглазурной двухцветной росписью по ангобированному черепку и небрежно разбросанными зелеными пятнами, представлена фрагментами конической чаши, где черным контуром показаны элементы листовидной формы, между которыми разбросаны всевозможные фигурки с усиками, заполненные рядами точек (Брусенко, 1986, табл. 10,3).

Среди элементов декора, отмеченных на керамике с двухцветной росписью черным и красным под бесцветной глазурью распространены: глазчатый орнамент, композиция из трех пятен, соединенных в форме сердечка, штриховка, трех- или пятичастные пальметты на изогнутых стеблях, перевитые ленты, побег-волна с перевитыми узлами, мотив «букета», всевозможной формы вихревые розетки.

Уникальной находкой является чаша, к сожалению, сохранившаяся частично. Орнамент составляют чередующиеся пятичастные пальметты двух видов: имеющие заостренный верхний лепесток и

лепесток округлый. Последняя разновидность пальметты заключена в контур. Между ними помещены фигуры различной формы, заполненные рядами мелких крапин и крупными пятнами черного и красного цветов поверх них. В центре сосуда сетка, образованная волнистыми линиями. Близкие элементы декора, в частности, пальметты,

Фото 1

Фото 2

уже встречались на керамике X в. из Ташкента (Plyasova, Wischnewskaya, 2002, Abb. 1, 6). Отмечены они и на сосудах X в. из Нишапура (Ghouchani, pls. 49; 95). Еще одна примечательная особенность описываемой чаши – снаружи сосуд украшен только вертикальными полосами псевдонадписи, которые обычно сочетаются либо с упрощенными букетами, либо со скобковидными мазками (Брусенко, 1986, табл. 11: 2; Шишкина, 1979, с. 54, 58, табл. LXI: 1, 3).

Интересной находкой является тарелка с пышным и очень насыщенным обрамлением центральной части (фото 1). Обычно подобное, хотя и более скромное оформление украшает чаши с вихревой розеткой на дне. Здесь же видно, что в центре сосуда помещалась иная фигура. Этот оригинальный образчик шашской керамики можно датировать X в.

Большую часть находок составляют фрагменты сосудов с оливковой росписью. Среди них можно выделить несколько вариантов изображений плодов граната. Первый вариант представляет гранаты и узлы, чередующиеся в радиальной композиции (фото 2). Узел аналогичной формы был отмечен на бинкатской керамике первой половины X в., выполненной в красной и черной тональности (Брусенко, 1986, табл. 33: 6). В Согде встречается сочетание с плодами граната узлов несколько иной формы (КИДУ, 1991, II, с. 130, №

579).

Другой вариант – сочетание реалистично изображенного плода граната со стилизованным (Брусенко, 1986, табл. 32: 16, 18). Новые находки дают еще большую трансформацию мотива, когда внутри стилизованного плода, изображенного в разрезе, уже нет изображения зернышек. Одна из чаш снаружи также украшена только вертикальными поясами псевдонадписи – элемент, о котором говорилось выше.

Представленная здесь небольшая часть керамического материала, полученного при археологических наблюдениях 2005 г., датируется, в основном, X в.

Краткие выводы:

По результатам работ 2005 г. в Ташкенте напрашиваются важные для истории города выводы:

Обилие и разнообразие керамического материала, происходящего из культурных слоев IX-XII вв., свидетельствует об интенсивном обживании в это время территории рабада, не только примыкавшей к цитадели Бинката с севера, но также простиравшейся к северо-востоку и востоку от нее. Проведенные ранее наблюдения в траншее строительства метро, пересекшей нынешний парк Кадыри, показали четкую картину разводки ирригационных каналов, обильно питавших рабады города в IX-XII и XIV-XV вв. Первоначальное русло канала (соответствовавшего арыку Джангох XVIII-XIX вв.) функционировало в IX-XII вв., затем иссякло и было занесено мусором, что можно было объяснить преднамеренным разрушением ирригационной системы Ташкента в начале XIII в. по приказу хорезмшаха Мухаммада (Филанович, 1990, с. 51-52). Городская застройка вокруг площади Эски-Джува в то время затрудняла выявление следов обживания, т.е. кварталов, питавшихся этим каналом. Ранние работы Ташкентского отряда выявили факт преимущественного обживания территории к востоку от цитадели и шахристана в XIV-XV вв., т.е. в эпоху, когда в частично расчищенное старое русло был врезан новый канал, идущий в том же направлении. Тогда даже предполагалось, что рабад разрастался, в основном, к северу и северо-востоку от шахристана. Теперь, когда в ходе сноса городской застройки вокруг площади обнажились большие территории, сборы археологического материала с них восстанавливают истинную картину жизни кварталов IX-XII вв., для обеспечения водой которых и

был прорыт ранее обнаруженный канал, т.е., становится ясно, что рабад простирался и на восток.

Второй важный вывод вытекает из самого факта обнаружения исключительно разнообразного и обильного керамического материала, среди которого масса форм столовой посуды с новыми типами декора, в том числе, высокохудожественного исполнения, демонстрирующего высочайшее техническое мастерство керамистов Шаша, и вновь подтверждающего восторженную оценку их изделий арабскими авторами.

Литература

1. Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII веков. Ташкент, 1986.
2. Букинич Д.Д. Бозсуйская птица. СОНАТ. № 11. Ташкент, 1938.
3. Зильпер Д.Г. Памятники в долине Салара и Карасу // Древности Ташкента. Ташкент, 1976.
4. Культура и искусство древнего Узбекистана. Кн. II. М., 1991.
5. Мирзаахмедов Д.К., Ильясова С., Адылов Ш.Т. Средневековое стекло и керамика Бинката-Ташкента IX-XI вв. Раздел 1. Стекланные изделия // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.
6. Филанович М.И. Материалы к исторической топографии средневекового Ташкента // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
7. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
8. Ghouchani A. Inscriptions on Nishabur pottery. Tehran, 1986.
9. Ilyasova S., Wischnewskaya N. Glasierte Keramik von Binket (Taschkent) aus der Sammlung des Staatlichen Museums fuer Orientalische Kunst // Tribus. Band 51. Stuttgart, 2002.

М. Хасанов, С. Механдели, Ш. Гударзе
(Самарканд, Беркли, Нью-Йорк)

О РАБОТАХ НА САНГИРТЕПА В 2004-05 гг.

Раскоп 3. В прошлом археологическом сезоне в зале с алтарем Сангиртепа была открыта западная четверть зала и определены два стратиграфически важных периода храма¹. Уровень пола с ямными захоронениями и пола с алтарем определены как отдельные строительные этапы одного периода. Для полного представления о структуре зала и конструкции алтаря в этом полевом сезоне мы продолжили раскопки вдоль восточной стены зала с алтарем, еще раз про-

контролировали разрез периодов зала с алтарем и ямами. С этой целью провели небольшой контрольный раскоп между двумя базами колонн зала с алтарем. Раскопочные работы также были продолжены и по верхнему строительному горизонту. Раскоп расширили в северную и южную стороны до обводной стены замка.

Как известно по результатам раскопочных работ, по верхнему строительному горизонту открыта дворовая часть замка. Она граничит с жилой стеной, открытой в прошлом году, северного архитектурного комплекса замка. В этом полевом сезоне мы решили продолжить раскопочные работы, ориентируясь по этой стене и открыли северную стену зала с алтарем.

О работах в верхнем строительном горизонте раскопа 3.

Помещение 1 располагается в юго-восточном углу раскопа 3, протянуто с юга на север (6x1,25 м). Стены сооружены из пахсовых блоков и сырцового кирпича, шириной 1,4-1,5 м. В помещении прослеживаются два уровня полов. Верхний открыт на глубину 2,05 м от реперной точки, нижний на 40 см глубже верхнего.

Помещение 2 располагается западней от первого, протянуто с юга на север (6x1,2 м). В южной стене имеется проходной проем шириной 0,9 м. Ширина западной стены 2 м, северной 1,4 м. В помещениях открыты два уровня полов.

В помещении 3 и в дворовой части замка мы углубились до нижних слоев. В помещении 3 второй (сверху) пол основан на фундаменте из ленточных глин, каждый слой шириной по 15 см, общая толщина фундамента 0,4 м. Ниже слоя фундамента, на глубине 2,5 м от реперной точки, открыт второй (снизу) пол ахеменидского периода. Поверхность пола утрамбованная, с небольшим уклоном на юг. Пол в середине помещения выстлан камнями диаметром 5-7 см.

В северной половине раскопа была открыта часть двора, ооконтурено одно помещение (4) и вскрыто помещение 5.

В северо-западной части двора вдоль обводной стены открыты два хозяйственных очага дугообразной формы (40x20 см).

Помещение 4 располагается в северо-западной части двора, ооконтурено только по его верхнему ярусу.

Помещение 5 (7,8x2,35 м) располагается восточней помещения 4. Стены помещения сложены из сырцовых кирпичей, сохранившаяся высота 1,4 м, ширина 1,5 м. Пол помещения ровный, утрамбованный, находится на глубине 2,1 м от реперной точки. В помещении

имеются два проходных проема. Основной проем находится в 70 см от юго-западного угла, его ширина 0,85 м. У прохода с наружной стороны имеется ступенька высотой 25-30 см от уровня пола помещения 5. Другой проходной проем, ведущий в помещение 4, находится в 2,3 м от юго-западного угла помещения 5, его ширина 0,9 м. В заполнении помещения встречаются одновременно фрагменты керамики кушано-сасанидского и ахеменидского периодов.

Таким образом, вдоль южной и северной сторон обводной стены открыт ряд хозяйственных складских помещений.

О работах на раскопе 3 (второй ахеменидский период). В южной части на площади помещения 3 раскоп был углублен до уровня второго пола (снизу) ахеменидского периода. Толщина культурного слоя 20-40 см. Поверхность пола утрамбована, с небольшим уклоном к югу, пол прослеживается на глубине 2 м от дневной поверхности. В середине открытой площадки диаметром около 0,5 м имеется вымостка из камней диаметром 4-7 см. Над полом земля средней плотности, в ней встречаются небольшого размера камни и гравий.

Из заполнения были также извлечены фрагменты керамических сосудов ахеменидского периода. Среди них тарелка с отогнутым наружу венчиком, фрагмент фиалы. Оба сосуда с обеих сторон залощены коричневым ангобом. Аналогичная форма сосудов характерна для раннеантичного или позднеахеменидского времени.

Во дворе южной части раскопа фундамент под стенами здания кушано-сасанидского периода отсутствовал, поэтому ахеменидские слои сильно повреждены, иногда до основания. На глубине 1,8-2 м, на полу 2-4 см толщины прослеживается вымостка гравия. Открыт пол (1x0,3 м) с вымосткой гравия и небольшим уклоном на юг.

В северной стороне раскопа в середине площади открыты сохранившиеся части второго алтаря диаметром 0,3 м. В 1,5 м к северо-западу от алтаря открыта часть площади (2,2x1,5 м) с вымосткой камнем и гравием. Часть площади остается за линией северного края раскопа. В 1,5 м к северу от алтаря было песочное захоронение в яме (35x35 см), глубиной 15 см. Яма была закрыта каменной плитой размерами 46x46 см, толщиной 12 см.

С целью открытия северной стены зала с алтарем в двух местах северной стороны раскоп был углублен до нижних слоев. В траншее размерами 1,8x7 м, заложенной в северо-западной части двора,

на глубине 2 м от реперной точки открыта площадка. В середине площадки диаметром 50 см была куча камней диаметром 5-7 см. В заполнении площади найдены фрагменты керамических сосудов и медный трехлопастный черенковый наконечник стрелы. Аналогичный по форме наконечник найден в верхнем строительном горизонте Кучуктепа. Хотя стратиграфия памятников раннежелезного периода Бактрии (Кучуктепа, Тиллятепа) и Маргианы (Яз-депе) приблизительно одинакова, но по сопровождающему материалу имеются различия. Например, медные трехлопастные черешковые наконечники стрел, типа Сангиртепа, встречаются только в верхних слоях Кучуктепе². Ш.Б. Шайдуллаев на основе дополнительных материалов Талашкантепа и Кучуктепа предложил более уточненный вариант стратиграфии наконечников стрел³. Трехлопастные втульчатые наконечники стрел Афрасиаба А.И. Тереножкин определяет как ахеменидский тип⁴. Среди наконечников стрел Афрасиаба, представленного А.И. Тереножкиным, в единственном экземпляре имеется трехлопастный черешковый наконечник стрелы, по его определению, сакского типа, относящийся к VII-VI вв. до н.э. (Тереножкин, 1973, с. 93, рис. 1.7). В раннесакских курганах Сакарчага Южного Приаралья материалы даются в изолированном от более ранних или поздних периодов. Даже в керамике наряду с лепной найдены цилиндрикоконические формы сосудов типа Яз-П. Наконечники стрел по способу насадки делятся на черешковые и втульчатые. Первые составляют 45,6%, а вторые - 54,4% от общего числа. По наблюдению Л.Т. Яблонского, такое соотношение наконечников характерно для казахстанских «сакских» наборов и не характерны для «скифских» причерноморских и савроматских. Весь набор археологических материалов Сакарчага автор датирует VIII-VII вв. до н.э.⁵

Второй ахеменидский строительный горизонт в помещении 5 представляет собой зольный слой. При строительстве в кушано-сасанидский период нижние строительные горизонты были повреждены на глубину 3,5 м от реперной точки.

О работах на раскопе 3 (первый ахеменидский период). С целью открытия северной стены зала с алтарем мы продолжали раскопки вдоль восточной стены зала. На расстоянии 10,2 м от юго-восточного угла зала с алтарем в восточной стене открыт проходной проем шириной 1,1 м. В завале найден цилиндрикоконический сосуд

с манжетовидным венчиком. Кроме известных сосудов ахеменидского периода, был найден фрагмент курильницы; аналогичная ей была описана в комплексе Кучук II (Аскарлов, Альбаум, 1984, табл. 13. 5).

О контрольных работах на раскопе 3. В прошлом году при зачистке западного разреза раскопа 1997 года мы проследили уровень пола, который проходил под алтарем и изолировал все ямные захоронения. Этот процесс нами был определен как отклонение от ритуала. На месте площадки, где захоронены ритуальные аксессуары (в виде золы, песка или гравия), был построен зал с алтарем (Хасанов, Мехендали, 2004, с.182-185). Чтобы уточнить стратиграфию, между базами колонн зала с алтарем заложили контрольный шурф, размерами 2,4x2 м. На глубине 10-15 см от уровня пола зала с алтарем вскрыто 26 разных по форме ям, 17 из них небольшого диаметра (8-14 см) и глубиной от 6 до 15 см.

Остальные 9 ям диаметром от 15 до 35 см, глубиной 20-40 см. Сопровождающий материал в рыхлой земле состоял из останков крупного рогатого или мелкого рогатого скота. Только в одном случае заполнение ямы состояло из гравия, двух ямах - зола с землей.

В результате работ в западной части зала с алтарем мы еще раз убедились, что ямные захоронения, открытые в 1997 году, относятся к более раннему этапу, чем зал с алтарем.

При зачистке северной стены раскопа 3 обнаружено, что обмазка пола зала с алтарем уходит под восточную стену. Значит, ямные захоронения относятся к более раннему строительному периоду, чем зал с алтарем. Керамический материал над полом зала с алтарем датируется раннеахеменидским временем.

По результатам зачисток западной стенки разреза алтаря впервые в практике археологии Средней Азии появилась возможность проследить конструкцию строения алтаря. Она состоит из трех рядов небрежно выложенных по горизонтали камней в глине. Высота алтаря над полом 50 см. Поэтому край алтаря четко не читается. Поднятие к середине начинается в радиусе около 2,5 м. Обгорелая поверхность в середине алтаря огня около 30 см, глубиной до 7 см. Заполнение алтаря огня второго ахеменидского периода из чистой глины.

Скопление камней в ритуальных ямах в Зарафшанской долине прослеживается еще с эпохи бронзы. Интересно, что рядом с могильником Дашти-Кози в отдельных ямах разводился огонь⁶.

Кроме того, в могилах савроматских жрецов и некоторых богатых воинов в бассейне р. Илек не раз встречались кучки небольших галек, потертых и со следами действия огня. К.Ф. Смирнов, проводя этнографические параллели из Средней Азии и Казахстана, связывает их с гадателями-жрецами⁷.

Таким образом, по результатам археологических работ этого года мы можем предварительно охарактеризовать керамику из заполнения зала с алтарем и второго ахеменидского периода. Залощенная керамика из заполнения второго ахеменидского пола дает возможность датировать их позднеахеменидским периодом - временем похода Александра Македонского в Среднюю Азию. Тогда время постройки зала с алтарем на месте зольных захоронений, реформу в религии можно отнести к раннеахеменидскому периоду.

Культово-мемориальный комплекс Пшактепа, расположенный недалеко от усадьбы Кучуктепа, в период Кучук II замуровывается. Характерные признаки прослеживаются и на нашем памятнике. На месте ритуальной площадки и захоронения с песком, золой, гравием сооружается монументальное здание, в середине которого - зал с алтарем. Такая планировка также характерна для древней Бактрии (Тиллятепа, Кучуктепа) и Маргианы (Тоголок). С изменением ритуальных обрядов в религии, эти изменения прослеживаются параллельно как в Бактрии, так и на Сангиртепа⁸.

В последние годы для Сангиртепа разработана новая стратиграфическая колонка, охватывающая период с конца II тыс. по V-IV вв. до н.э., а также и верхний кушано-сасанидский период⁹. Раскопана западная половина раннесредневекового укрепленного замка с внутрискладным коридором, стеной и хозяйственным двором¹⁰.

В отчетном сезоне археологические работы продолжены в основном по верхнему строительному горизонту. Вдоль южной обводной стены замка открыты сохранившиеся части трех коридорообразных хозяйственных помещений (1-3) длиной более 6 м, шириной 1,2-2,5 м. Стены сооружены чередованием пахсы и сырцового кирпича, при толщине стены 1,4-2,2 м. Перекрытия помещения были сводчатыми.

Вдоль северной обводной стены замка из выявленных пяти помещений вскрыты четыре. Вся архитектурная планировка сооружена из пахсы или сырцового кирпича с толщиной стены 1,4 м. Помещение 5 прямоугольное (8х2,6 м), вытянуто с севера на юг. Вход в

помещение располагается с южной стороны (0,9 м).

Помещение 6 располагается восточнее помещения 5 и имеет трапециевидную форму (7-6,70x3,15-5,3 м). Вдоль восточной стены имеется суфа (2,7x0,7 м), высотой 1 м. Форма помещения образовалась за счет дуги обводной стены. Наличие очагов и кухонных сосудов в помещении связано с его функцией. На расстоянии 1,5 м от юго-восточного угла в южной стене имеется проходной проем, ведущий в помещение 6, шириной около 1 м. У порога помещения с внутренней стороны имеется ступенчатый подъем 0,3 м.

В помещении прослеживается два уровня полов. Первый (снизу) пол находится на глубине 2,2 м от реперной точки, ровный и утрамбованный. Второй пол помещения на 0,2 м выше нижнего пола, его поверхность неровная с органическими остатками. На поверхности обоих полов прослеживаются пятна очагов с золой, от конструкции которых сохранилось всего несколько фрагментов сырцовых кирпичей.

На полу и в завале помещения найдены фрагменты керамических сосудов, которые по С.К. Кабанову датируются V-VI вв.¹¹

Помещения 7 и 8 находятся восточнее помещения 6 и, в отличие от предыдущих помещений, ориентированы с запада на восток.

Помещение 7 прямоугольной формы (5,3x2,65 м), располагается юго-восточнее помещения 6 и имеет сквозные проходы. Первый проход, шириной 1,3 м, ведущий в помещения, находится в 0,3 м от юго-западного угла. Другой проход в помещении 8 находится в 1,6 м от северо-западного угла и имеет ширину 80 см. Северная стена пристроена к более ранней пахсовой стене. Первый проходной проем шириной около 1 м в последний период заложен сырцовыми кирпичами.

Помещение 8 располагается севернее помещения 7 (5,3x1,6 м). Вдоль северной стены имеется суфа шириной 0,8 м, высотой около 1 м. Пол помещения вскрыт только по уровню верхнего - второго пола. Заполнение помещения состоит из завала пахсовых стен.

После «раскопов» 1997 года центральная часть замка снесена без фиксации археологических материалов и планиграфии замка. В данное время вдоль южной стены со стороны двора помещений 5, 6 и 7 сохранился участок шириной более 2 м.

Западная стена помещения 3 пахсовая, двухслойная, толщиной 1,4 м. Проходной проем шириной 2,4 м находится в северо-

западном углу. Возможно, часть северной оконечности западной стены помещения 3 не сохранилась. Помещение имеет также сквозные проходы. В северной стене имеется проход в помещение 6, шириной около 1 м. Следующий проход, находящийся в северо-восточном углу, ведет в коридорообразное помещение 1. Его первоначальная ширина была 1,5 м, после перестройки западной стены сузилась до 0,9 м. Археологические работы произведены только по верхнему - второму полу.

Восточная стена помещения толщиной 1,8 м в отличие от других стен, сооружена из прямоугольных сырцовых кирпичей толщиной 1,8 м. В 2 м от северо-восточного угла имеется вымостка (64x54 см) из сырцовых кирпичей (40x27x3 см), поверхность которых была слегка обожжена.

Второй пол помещения на 35 см выше первого. С пола и из заполнения помещения подняты керамические кубуры, водосточные желоба, ранее установленные на крыше второго этажа.

Два помещения открыты на восточной стороне раскопа, они вытянуты с юга на север. Коридорообразное помещение 1 (2,2x2,2 м) находится восточнее помещения 3. Западная стена сохранилась на длину около 6 м, ее ширина 1,5-2,5 м.

С пола этого помещения подняты фрагменты керамических сосудов столового и кухонного, тарного назначения, характерные для комплекса верхнего строительного горизонта.

Помещение 9 находится восточнее помещения 1 (18x2 м), вытянуто с юга на север. В западной стене (в 4 м к югу от северо-западного угла) располагается проходной проем шириной 1,1 м в помещение 1.

Восточная стена двухчастная, ее северная половина длиной 11 м пахсовая, а южная - длиной 7 м из сырцового кирпича. Сырцовая половина стены пристроена к северной, пахсовой стене.

Небольшие археологические работы были произведены в северо-западной части двора, где открыты два хозяйственных очага и прилегающая к ним с юго-восточной стороны площадка. В 2 м к югу от очагов была вскрыта хозяйственная двухъярусная яма (10x4 м) глубиной 1,3 м. На месте ямы, до глубины 3,63 м от реперной точки, все культурные слои нижних периодов разрушены. Из заполнения ям происходят хозяйственные отбросы в виде фрагментов керамических сосудов, костей животных, фрагменты очагов или тандыра.

Имеются некоторые интересные археологические находки. Одна из них - фрагмент хума с оттиском геммы овальной формы (3,8x3 см), заглубленным на 0,2 см с профильным изображением скорпиона, поднятыми щипцами, тремя лапками. Под скорпионом имеется знак с четырьмя в виде гребня линиями, выступающими гребня. Дж.Я. Ильясов подробно рассмотрел вопрос распространения и семантики скорпиона в археологии Средней Азии¹².

Наличие оттисков гемм или перстней на сосудах Сангиртепа - не единичный случай. На плечике фрагмента хума, найденного в заполнении помещения 3, имеются два оттиска одного перстня с изображением козла. На другом хуме, из заполнения ямы кушаносасанидского времени - оттиск перстня сердцевидной формы, с изображениями точек в клетке. Геммы и перстни с изображениями являются знаками самостоятельности владельцев. В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся 22 геммы с разными видами животных. На одной из них (№ 690), купленной в Самарканде и датированной V-VII вв., изображен скорпион. Известно, знаки-нишони являются одним из характерных признаков гемм или монет и часто фиксируются в углах монет сасанидских правителей¹³.

В заполнении ямы найдена терракота, изготовленная при помощи матрицы высокого рельефа, тыльная и боковые стороны фигурки обработаны небрежными срезами.

Статуэтка сделана из тонко отмученной плотной глины, пожелтевшей после обжига светло-серый цвет. Она покрыта коричневым ангобом. Статуэтка изображает женщину с прижатым к груди струнным музыкальным инструментом. На верхней плоскости деки, с левой стороны имеется подставка для струн в виде массивной прямоугольной планки с округлым верхом. Музыкант держит лютию почти горизонтально, лишь слегка приподняв гриф левой рукой. Правая рука аккомпаниатора дугообразно изогнута и слегка растопыренные ее пальцы касаются струн. По изображению деталей костюма и других частей можно сказать, что она является одним из первых образцов, снятых из матрицы. Ее сохранившаяся высота 6,2 см.

Другой экземпляр терракоты аналогичной формы найден на стене корчаги в заполнении второго пола помещения 2. Корчага с манжетовидным венчиком, диаметром около 40 см.

Изображения музыкантов широко распространены в репертуаре

коропластов Средней Азии. На городище Еркургана выделяются два типа музыкантов, играющих на лютне. Еркурганские терракоты найдены в слоях III-V вв. н.э. На двух экземплярах деки лютни вытянутой формы¹⁴. Лютнисты также обнаружены и на фризах юго-западной части городища Чач и датируются IV-V вв.¹⁵

В заполнении ямы найдена передняя часть терракотовой статуэтки лошади. Хорошо оформлена ее грива, ушки отломаны. Она изготовлена из хорошо отмученной глины, с верхней стороны покрыта коричневым ангобом. Наибольшая высота 10 см.

Около очагов найдена бронзовая монета кушанских безымянных царей с титулатурой «Сотер Мегаса». На ее лицевой стороне изображена голова правителя влево, в левой руке копьё. Обратная сторона не читается.

В отчетном сезоне вскрыты два погребения.

Погребение 3 находится в южной части помещения 10. Оно сильно разрушено при хозяйственной деятельности. Пол камеры на глубине 45 см от дневной поверхности. В погребальной камере сохранилась только часть черепной коробки. Ее другая половина найдена на глубине около 1,5 м от дневной поверхности. Кости плохой сохранности. По сохранившимся зубам погребенного можно определить его возраст - около 15 лет. Под черепом была медная серьга с украшением из белой стеклянной пасты.

Погребение 4 впущено в тело северной стены помещения 1, вытянуто с востока на запад. Длина камеры 1,85 м, ширина 0,6 м. В камере расчищен скелет, уложенный на спину в вытянутом положении, головой на запад. Череп несколько повернут направо. Руки согнуты в локтях и покоятся на груди. Длина скелета 1,7 м. На левую руку надет железный браслет. На пальцах левой руки найдено два перстня, один из них железный с медным обрамлением. Железный перстень аналогичен по форме перстню, найденному в Чимкурганском поселении (Кабанов, 1981, рис. 38). Под челюстью погребенного были две бусины шаровидной формы, возможно, из сердолика, одна из них диаметром 2,4 см, высотой 1,7 см, другая оранжевого цвета диаметром 1,4 см. Между бусинами найдена монета из белого металла диаметром 1,4 см. На лицевой стороне изображен бюст правителя с полуоборотом вправо. Крупный нос и глаза европеоидного типа. Прическа изображена несколькими линиями наверх. На лице легкими бороздками обозначены усы. Обратная сторона моне-

ты не очищена, но под налетом в середине монеты слегка читается изображение правителя у алтаря (?). При зачистке часть монеты отломана. Небольшой диаметр, тонкость металла и ее иконография идентичны нахшабским монетам¹⁶. Но, надо сказать, что на нахшебских монетах правитель изображен в профиль, четко видна прическа. Поскольку нахшабские монеты встречаются в одном слое вместе с бухархудатскими, С.К. Кабанов их датировал IV-V вв., М.Е. Массон эти монеты датируют III-IV вв. и определяет как парфяно-согдийские¹⁷. В любом случае наша монета иконографически и по размеру относится к единому с ними типу. Монета происходит из погребения в изолированном виде и датировка С.К. Кабанова, по нашему мнению, более убедительна. На Сангиртепа все вскрытые погребения дают материалы узкого хронологического периода. Сопровождающий материал, особенно керамические сосуды, характерны для IV-V вв. и большой разницы между керамикой с полов и из заполнения помещения не прослеживается. Еще С.К. Кабанов по материалам Безымянных бугров 4 близ Пирмат-бабатепе отмечает, что, как и на Сангиртепа, захоронение совершено в свежих руинах и датируется V в.¹⁸

Таким образом, на Сангиртепа открыта западная половина раннесредневекового замка. Возникновению замка на руинах древнего столичного города Кеша способствовало наличие здесь развитого земледелия. Коридорообразная планировка является характерной особенностью раннесредневековой замковой архитектуры Средней Азии. Памятников с столь мощными обводными внутривнутренними коридорами, как на Сангиртепа, еще не известно.

В начале 60-х годов в Каршинском оазисе С.К. Кабановым изучена группа раннесредневековых памятников, расположенных вдоль русла каналов Буриарык в Каршинском оазисе и Бердали в зоне Чимкурганского водохранилища (Кабанов, 1977, 1981). Система расположения памятников в этих агроирригационных районах состоит из крупных и мелких бугров. Сангиртепа вместе с Наргизтепой, расположенной в 200 м к северо-востоку, образует Шурабсайский микрооазис в эпоху раннего средневековья.

По результатам археологических работ на Сангиртепа мы прослеживаем три основных строительных этапа верхнего строительного горизонта:

- материалы первого этапа получены из платформ, но из-за ма-

лочисленности керамических фрагментов их сложно охарактеризовать;

- керамика второго этапа из заполнения над полом коридора обводной стены характеризуется наличием в комплексе вазообразных, а также сосудов, сплошь покрытых густым красным ангобом, что характерно для продукции другой традиции;

- археологические материалы третьего этапа найдены в погребениях, относящихся ко времени запустения замка. До сегодняшнего дня вскрыты четыре погребения, только в двух случаях они не ограблены. Это группа сосудов мало чем отличается от общей, массовой керамики. Этих материалов еще недостаточно для полной и глубокой характеристики данного этапа.

Примечание

1. Хасанов М., Механдели С. Раскопки на Сангиртепа в Кашкадарье // Археологические исследования в Узбекистане - 2003. Ташкент, 2004. С. 182-186.
2. Аскарлов А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979. табл. 25. 1-3.
3. Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века // Ташкент, 2000. Рис. 46, 5-8.
4. Тереножкин А.И. Вопросы периодизации и хронологии древнего Самарканда // СА, №3, 1972. С. 90-99.
5. Яблонский Л.Т. Проблемы формирования саков Южного Приаралья // СА, № 1. 1991. С. 72-89.
6. Исаков А.И, Потемкина Т. М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане. СА, № 1, 1989. С. 145-167.
7. Смирнов К.Ф. Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. Москва, 1964. С. 255.
8. Аскарлов А.А. Раскопки Пшактепа на юге Узбекистана // ИМКУ, вып. 17. Ташкент, 1982, с. 30-41.
9. Хасанов М., Механдели С. Раскопки на Сангиртепа в Кашкадарье // Археологические исследования в Узбекистане—2003 год. Ташкент, 2004, с. 182-186.
10. Раскопки осуществлены при финансовой поддержке Узбекско-Французской археологической экспедиции. В этом полевом сезоне впервые снят инструментальный план городища и раскопов Сангиртепа лазерным теодолитом сотрудником Узбекско-Французской экспедиции Е. Куркиной, за что выражаю ей благодарность.
11. Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда. По материалам Чимкурганского водохранилища. Ташкент, 1981.
12. Дж. Я. Ильясов. «Скорпион из алтаря» // Материалы по античной культуре Узбекистана. Самарканд, 2005, с. 50-54.
13. Борисов Л.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1963.
14. Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб (проблемы цивилизации Узбекистана VII вв. до н.э.- VII в. н.э.). Самарканд-Ташкент, 2000 рис. 156. 2.4.
15. Абдуллаев К. Уникальная находка терракотового фриза. ОНУ, 1974. № 2.

16. Кабанов С.К. Нахшабские монеты V-VI вв. // ВДИ, 1961. № 1.
17. Массон М.Е. Парфяно-согдийские монеты области долины Кашкадарьи // История и культура античного мира. Москва, 1977.
18. Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Ташкент, 1977.

Н.У. Холматов
(Самарканд)

ОЧИЛ ҒОР МАКОНИ ТАДҚИҚОТЛАРИ

Самарқанд Давлат Университети археологик экспедицияси сўнги йиллар мабойинида ўз тадқиқот ишларини мунтазам равишда Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағри ибтидоий жамоалари моддий маданиятини урганиш борасида амалга ошириб келмоқда. Бу тадқиқотлар мазкур минтақада сазоғон неолит маданияти маконларини урганилиши ишларининг давом этаётганлиги (Тепакул 3,4 маконлари) (Джурақулов, Холматов, 2004, 70-73 б., Холматов, 2004, 31-34 б.), йирик сойлар ён дараларида мунтазам равишда археологик дала қидирув ишлари ўтказилаётганлиги ва бу изланишлар натижаси сифатида сазоғон маданиятига оид янги маконлар кашф этилаётганлиги билан изоҳланади. Қайд этиш жоизки, янги кашф этилган маконлар нафақат неолит, балки палеолит жамоалари моддий маданиятига ҳам тегишли бўлиб чиқди. Шунингдек туркум ғор типигаги маконларнинг аниқланиши ва уларда ибтидоий давр маданият излари топилиши ҳам аҳамиятлидир (Жўрақулов,

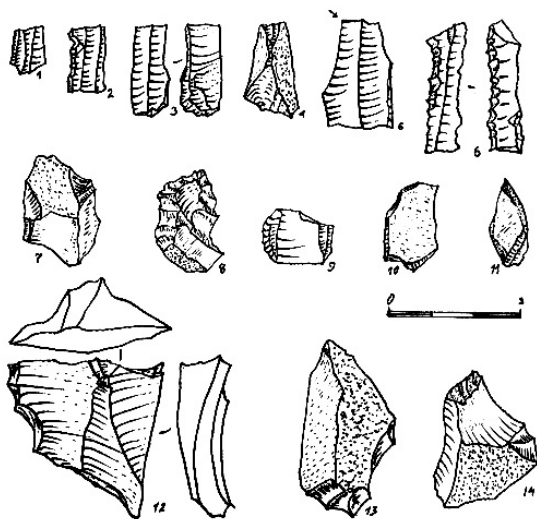
1 расм

Холматов, 2001, 72-78 б.; 2004, 70-73-б., Холматов, Жўракулов 2003, 188-189 б., Холматов, 2004, 20-25 б., 2004а, 31-35 б.).

Очил ғор макони Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағридан воҳа томон ўз сувини оқизиб чиқувчи йирик сойлардан бири бўлган сазоғонсой ён дарасида бўлиб, сазоғонсой ён қайрида ўрганилган ва сазоғон маданияти номи билан фанга кирган маданиятнинг таянч ёдгорлиги ҳисобланувчи Сазоғон 2 маконининг нақд сой дараси бўйлаб тепа қисмида жойлашган (тахминан 450-500 м чамаси юқорида).

Очил ғор макони ўз жиҳатлари билан ибтидоий одамзод яшаши учун барча қулайликларга эга. Унинг оғиз қисми жанубий- шарқ томон қараган бўлиб, қуёш нурлари эрталабданоқ бемалол ғор тубига- ча тушади. Ғорнинг пастки майдон сатҳи тупроқли ва унга кириш қисми олдида тупроқли қатламдан иборат супа майдон сатҳи ҳам мавжуд. Ғорнинг ўлчамлари қуйидагича ғорга кириш қисми оғзининг баландлиги 3,60 м, эни 8,0 м, ғорнинг ичкараси туби томон узунлиги 10,5 м.ни ташкил этади Ғор яқинида ичимлик суви манбаи мавжуд (1-расм).

Очил ғор макони Самарқанд Давлат Университети археологик экспедицияси томонидан 2002 йилда Тепакулсой, Сазоғонсой ва унга қўшни бўлган сойлар ён даралари бўйлаб амалга оширилган дала археологик қидирув ишлари жараёнида харитага олинган. 2003 йили маконда тадқиқот ишлари давом эттирилиб, ғорнинг оғиз қисмида 3x1 м квадрат майдон сатҳида қалинлиги 20 см.ни ташкил этувчи 4 та горизонтни ўрганишга эришилган. Юқори горизонтлардан кишилик тараққиёти сўнги даврларига оид сопол буюм

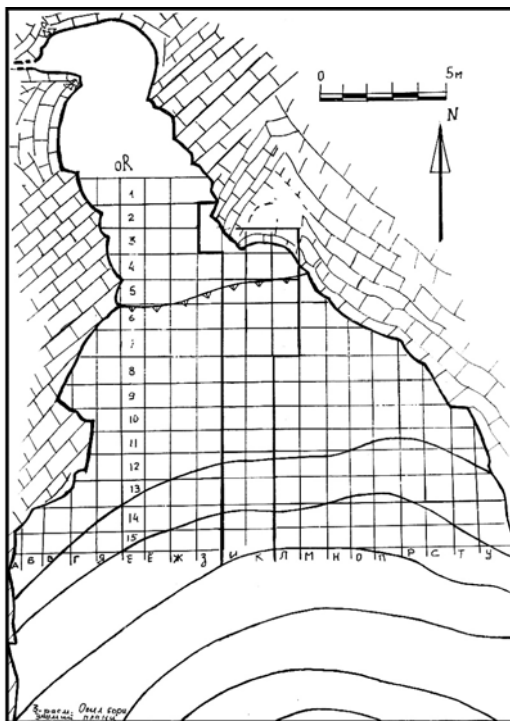

Очил ғор макони. Тош қуроллари.

2 расм

парчалари, хайвонлар суякларининг қолдиқлари учратилди. 0,6-0,8 м горизонтдан учоқ қолдиғи ва унинг ёнидан куйган сопол буюм парчалари, ҳамда бир неча дона тош буюмларининг топилиши эса ибтидоий маданият изларининг даракчиси бўлган. Шу тарихқа ғор маконида археологик тадқиқот ишларини давом эттириш истиқболи белгиланди ва бу тадқиқот 2004 йил қазилган майдонини 6х2 м квадрат майдон сатҳида кенгайтиришга олиб келди.

2004 йил Очил ғор маконида 6х2 м квадрат майдон сатҳида маданий қатлам юқорида зикр этилган услубда 1 м.ча бўлган чуқурликдаги горизонтларда ўрганилди. Тадқиқот жараёнида қизиқарли стратиграфик маълумотлар олинди билан бир қаторда муҳим археологик манбалар ҳам қўлга киритишга эришилди. Хусусан, макон тош қуролларининг типологик таҳлилини беришдан олдин К-5, ҳамда К-6 ва К-7 квадратлар чегараси доирасида 0,6-0,8 м горизонтда иккита ўчоқ қолдиғи ҳамда И-6 ва И-7 квадратлар чегараси доирасида мазкур горизонтдан диаметри 40-60 см бўлган ва қалинлиги 20-25 см ташкил этувчи фақат йирик шохли хайвонлар танаси суякларидан иборат бўлган суяклар уюми учратилганлигини айтиб ўтмоқчимиз. Худди шундай тузилишда ва кўриниш ҳолатида иккинчи суяклар уюми 2005 йилги тадқиқотда янги очилган Л-6 ва Л-7 квадратлар чегараси доирасидан ҳам топилди. Бу икки суяклар уюми жойланиши ҳолатлари ёнма-ён (оралиғи 1 м чамаси) ва чуқурлик горизонтлари ҳам бир хил. Бу жуда муҳим, агар уларни хайвон суяклари қолдиқларини махсус чиқиндилар ташланадиган хўжалик чуқурчасида тўпланган десак, бу чуқурнинг чегара излари стратиграфияда кузатилмайди. Шу сабабли улар жамоаларнинг маълум диний эътиқодлари билан боғлиқ бўлган ҳолатлар бўлса ажаб эмас. Тош қуроллари коллекцияси масаласига келганимизда тош буюмлар 0,6-0,8 м ва 0,8-1,0 м горизонтларидан топилган бўлиб, улар сони унчалик кўп эмас ҳаммаси бўлиб 19 дона тош буюмлар топилган ва улар типологик таҳлили куйидагича: 1 дона олд томонига ишлов берилган конуссимон тош ўзағи, 3 дона қайроқтош қуроллари бўлаклари, 3 дона яхши ишлов берилган парақадан ясалган қуроллар, 3 дона ён қирраларига ишлов берилган отцепдан ясалган қуроллар, 1 дона отцепдан ясалган қирғич қурол, 1 дона парақадан ясалган қирғич қурол бўлиб, қолган тош буюмлар эса макон тош индустрияси қуроллар яшаш жараёни технологияси чиқиндилари ҳисобланади (3-расм). Парақадан ясалган қуроллар

3 расм

ичида 1 дона бутун ҳолатда сақланган қурол мавжуд бўлиб, бу қурол жигар рангли чакмоқтошдан ясалганлиги ва унга ишлов берилиши услуби (елка қисми бир ён қирраси бўйича қисман, астар қисмида эса бир ён қирраси тўлалигича, иккинчи ён қирраси қисман кертув услубида ишлов берилган) бўйича Қуйи Зарафшон воҳаси калтаминор жамоалари қуролларига айнан ўхшаш. Парақадан ясалган ён томонлама иш майдониغا эга бўлган қирғич қурол ҳам мазкур жамоалар қуролларига ўхшаш. Бу ўхшашликлар биринчидан Очил ғор ма-

кони моддий маданият ўзига хос хусусиятларини белгиласа, иккинчидан макон соҳибкорларини қўшни ҳудудлар ўзига хронологик жиҳатдан тенгдош жамоалар билан ўзаро қўни-қўшничилик маданий алоқадорликларини ҳам англатади.

Очил ғор маконида археологик тадқиқот ишлари 2005 йили ҳам давом эттирилди (2-расм). Жорий йилда 2004 йилги қазилар майдони квадратлари И-5-10: К-5-10 да тадқиқотлар 0,8-1,0 м горизонтдан кейинги чуқурликдаги горизонтларда то 1,8-2,0 м горизонтгача давом эттирилди. Янги 3-2, 3, И-3,4, К-3, Л-3 ҳамда Л-5,6,7, квадратлари очилиб, уларда маданий қатлам то 1,0-1,2 м. гача бўлган горизонтларида текшириб кўрилди. Янги очилган И-11,12,13 квадратлар тадқиқоти эса макон оғиз қисми супа майдон сатҳининг пастга томон кескин нишаблиги нуқтаи назаридан келиб чиқиб амалга оширилди. И-11 квадратда то 1,0-1,2 м горизонтгача бўлган маданий қатлам ўрганилди. Мазкур квадратлар тадқиқотлари жараёнида энг

аввало кизиқарли стратиграфик маълумотлар олинди (маконда 2 м чуқурликдаги деворда 13 та қатлам мавжудлиги аниқланди), ҳамда муҳим археологик ашёвий далиллар қўлга киритилди. 3–2,3: И–3: К–3: Л–3,4 квадратлар сатҳида ғорнинг қадимги девори очилди. Таъкидлаш жоизки, макондан энг кўп ашёвий далиллар топилган горизонтлар И–7,8: К–7,8 квадратлар 1,4–1,6 м горизонти: И–7,8: К–7,8 квадратлар 1,6–1,8 м горизонти: И–7,8: К–7,8 квадратлари қисман майдон сатҳида 1,8–2,0 м горизонтлари доирасида бўлди. И–5 квадратнинг 1,4–1,6 горизонтдан: К–5 квадратнинг 1,6–1,8 м горизонтдан: И–6, К–6, И–9, 10, К–9, 10 квадратларнинг 1,8–2,0 м горизонтдан ёппасига харсанг тош чиқиб қолиб археологик тадқиқот ўтказишга имкон бермади.

Ҳаммаси бўлиб 2005 йилги тадқиқотлари жараёнида макон маданий қатламинан мингдан ортиқ ашёвий далиллар қўлга киритилди. Унинг асосий қисмини тош буюмлар коллекцияси ташкил этади. Тош қуроллари типологик таҳлили асосий қурооллар ўз шакли, ишлов берилиши услуби, ясалиш хом-ашёси, турмушда бажарган функцияси жиҳатидан, ҳамда тош индустриясининг отцепдан ясалган буюмларнинг парақадан ясалган буюмларга нисбати жиҳатидан ҳам сазоғон жамоалари моддий маданиятига хос хусусиятларни намоён этганлигини кўрсатди. Лекин, таъкидлаш жоизки, маконнинг И–7,8: К–7, 8, 9, 10 квадратларининг 1,8–2,0 м горизонтдан топилган тош қурооллари ўз шакли, ишлов берилиши услуби билан мезолит ва ҳатто палеолит жамоалари моддий маданиятини намоён этмоқда. Мазкур қурооллар жумласига архаик кўринишдаги парақалар, дисксимон йирик қирғичлар, тош ўзаклари, катта ҳажмли ушатгич қурооллар, учбурчаксимон пайконлар, қайроқтош қурооллари бўлақлари, ҳамда туркум кварцитдан ясалган қурооллар (тош ўзаклари, қирғичлар ва ҳ.к.) киради ва улар ўз жиҳатлари билан сазоғон неолит жамоалари тош қуроолларидан кескин фарқ қилади. Бу турдаги қурооллар ўз шакли, ишлов берилиши услублари ва турмушда бажарган функцияси, ўзларига хос хусусиятлари билан Ўрта Зарафшон воҳаси палеолит жамоалари моддий маданиятига хос қурооллар ҳисобланади. Хусусан, Олмабулоқ, Қўтирбулоқ, Зирабулоқ, ҳамда Самарқанд юқори палеолит маконлари қуроолларига ўхшаш (Тошкенбаев, Сулаймонов, 1980, Джуракулов, 1987). Бу эса Очил ғор макони пастки маданий қатламлари мезолит ва ҳатто палеолит жамоалари моддий маданиятига тегишли эканли-

гидек хулоса чиқариш имконини беради. Мазкур горизонтдан туркум ҳайвон суяги қолдиқларини ҳам топишга эришдик.

Очил ғор макони тадқиқоти дастлабки натижалари сифатида қуйидагиларни келтиришимиз мумкин: Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағрида археологик манбага бой бўлган биринчи ғор типига бўлган ибтидоий жамоалар макони кашф этилди. Ёдгорлик ўз моддий маданияти хусусиятларига кўра сазоғон неолит жамоаларига тегишли, лекин унинг пастки маданий қатламлари мазкур худуднинг мезолит ва ҳатто палеолит жамоаларига тегишли бўлганлиги эҳтимоли кўпроқ. Бу ҳолат шубҳасиз ибтидоий жамоалар маданиятлари келиб чиқиши илдизи масаласини ойдинлаштиришда аҳамиятли, демакким макон кўп маданий қатламлидир. Хуллас, Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағри ибтидоий жамоалари йирик сойлар ён қайирларини, ҳамда шу сойлар ён дараларида мавжуд бўлган ғор, унгуларни макон қилишиб яшашган ва ўзларига хос моддий маданият яратишган эканлар.

Адабиётлар

1. Джурақулов М.Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент, 1987.
2. Джурақулов М.Д., Холматов Н.У. Самарқанд Университети археологик тадқиқотларидан // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар-2000. Тошкент, 2001.
3. Джурақулов М.Ж., Холматов Н.У. Қоратепа тоғ массиви дала археологик кидирув тадқиқотларидан // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар-2002, Тошкент, 2003.
4. Джурақулов М.Д., Холматов Н.У. Самарқанд университети тадқиқотларидан // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар-2003. Тошкент, 2004.
5. Тошкенбоев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Тошкент, 1980.
6. Холматов Н.Ў. Ўрта Зарафшон воҳаси неолит даври маданиятининг баъзи хусусиятлари (Тепакул-4 макони асосида), СамДУ илмий тадқиқотлар ахборотномаси, № 4. Самарқанд, 2004а.
7. Холматов Н.Ў. Қоратепа тоғ-ён бағри палеолити (Ўрта Зарафшон) Ватан тарихининг долзарб муаммолари. Самарқанд, 2004.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ САРМИШТЕПЕ I

Весной 2005 году Карманинский отряд Института археологии Узбекистана приступил к раскопкам поселения Сармиштепе I (в 30 км к северу от г. Навои).

Сармиштепе I – двухъярусное тепе, расположенное выше детского оздоровительного лагеря “Горный” на высоком естественном останце, вытянутом вдоль Сармишса. Склоны тепе очень крутые, являются продолжением крутизны скального останца. Верхняя площадка памятника относительно ровная, с некоторым понижением на запад. В восточной, наиболее возвышенной ее части, имеется скальный выступ около 7-9 м длиной. Размеры площадки 24x25 м. Высота тепе с восточной стороны около 3 м. Общая высота памятника с запада 8,5 м. Наиболее крутая северная часть холма, где высота его от ложа сая достигает нескольких десятков метров. Подъем на тепе, по-видимому, осуществлялся с западной стороны. Стены и башни поселения каменные. Башен зафиксировано четыре. Самая крупная из них расположена в восточной стене цитадели, в том месте, где высота памятника наименьшая. Безусловно, эта башня была возведена здесь для усиления наиболее уязвимой части цитадели.

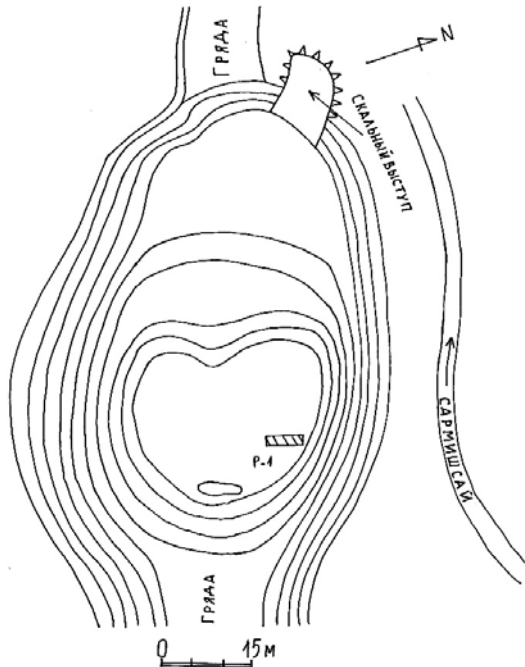

Рис. 1. План поселения Сармиштепе I

Две другие башни фланкируют вход на поселение с западной стороны, а одна – замыкает северо-западный угол (рис. 1).

Стратиграфический раскоп был заложен в северной части цитадели. Основная цель раскопок – выявление стратиграфии памятника и последовательности сложения оборонительных сооружений, для чего предполагалось расчистить их внутреннюю часть. Первоначальные размеры раскопа - 2х3 м, но по мере раскопок он постепенно увеличился и достиг размеров 2х8 м.

После того, как был убран дерн, пошел рыхлый грунт с включением камней и перемешанной, разновременной керамики. На глубине 25 см (1-й штык), примерно посередине раскопа зафиксировано очажное пятно размерами 45х50 см. Ниже грунт стал несколько плотнее (2-3-й штыки). В середине II яруса пошла кладка из сырцовых кирпичей размерами 39х24х8 см. Как выяснилось позднее, это была основательная стена какого-то раннесредневекового помещения, которая шла с юга на север.

По мере продвижения на север, выяснилось, что эта стена использовалась и в караханидское, и в этнографическое время. В частности, в самой северной ее оконечности прослежена кладка от внешней каменной стены, которая перекрывала раннесредневековую стену. Следовательно, внешняя каменная стена была возведена позднее.

В северо-западной части раскопа зафиксирован завал из сырца с материалами развитого средневековья и этнографическими материалами (железная втулка, кусок сгнившего

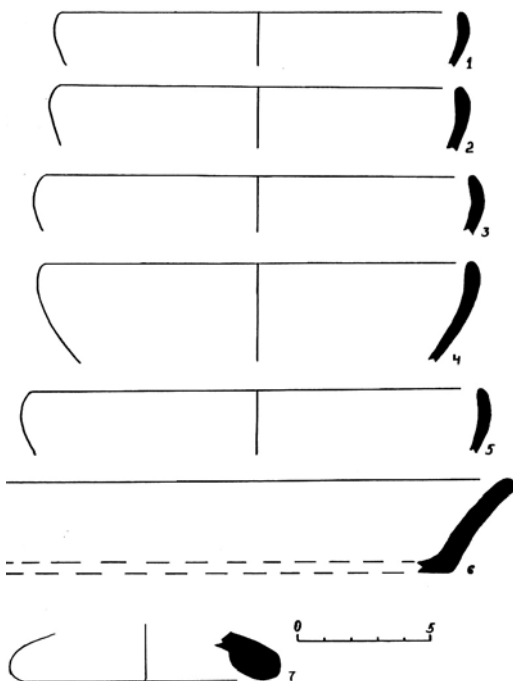

Рис. 2. Раннесредневековая керамика

дерева, куски алебастра, в том числе и со следами окраски) (рис. 2, С). В частности, здесь найден краснолощенный черепок с резным и процарапанным орнаментом. Подобные сосуды часто встречаются в позднекараханидских комплексах (Грицина, 1990, с. 194 -195).

В южной части, в срезе стены раскопа, прослежена стена из сырцовых кирпичей размерами 40?x24-25x10 см. Промазка между кирпичами по вертикали равняется 7-8 см, а по горизонтали 7-12 см. Подобную кладку иногда называют «кирпич в разбежку» (Шишкин, 1963, с. 57). Ширина стены - 105 см.

На этом раскопки были остановлены.

Инвентарь

Как отмечалось выше, керамика из раскопа оказалась перемешанной. Тем не менее, на основе аналогий можно выделить три керамических комплекса: раннесредневековый, комплекс развитого средневековья, комплекс позднего средневековья и этнографический комплекс (скорее всего, от XVII – до начала XX вв.).

В раннесредневековом комплексе выделяются следующие типы посуды.

Кухонная посуда.

Сковороды представлены археологически целым экземпляром с плавным отгибом бортика на плоском основании (рис. 2, б). Глина грубая с примесью огнеупорных добавок, неравномерного обжига. Внешняя поверхность закопчена. Диаметр венчика составляет 38 см, дна – 35,5 см.

Котлы формировались ручным способом из огнеупорной глины. Поверхность закопчена. Они имели шаровидную форму на плоском основании. Закраина отогнута. Шейка короткая с резким перегибом при переходе к тулову сосуда. Диаметр венчика варьирует от 12 до 18 см.

Столовая посуда

Горшки повторяют форму котлов, но в отличие от них формировались на гончарном круге. Поверхность украшалась несложным орнаментом в виде рельефных поясков и углублений.

Чаши составляют довольно существенную часть сервиза и выделяются среди остальных сосудов более тщательной обработкой (рис. 2, 1-5). Глина плотная, равномерного обжига. Поверхность тщательно затесывалась и покрывалась ангобом.

Кувшины формировались на гончарном круге, тесто с примесью

гипса, шамота или дресвы, черепок в изломе коричневого цвета, равномерного обжига.

Кувшины представлены, в основном, узкогорлыми сосудами, средних размеров. На некоторых из них имеются следы от ручки, которая крепилась чуть ниже закраины. По имеющимся фрагментам судить об их форме сложно. По форме горловины выделяются два типа: сосуды с очень маленькой горловиной и сосуды с длинной цилиндрической горловиной. Последние украшались полосой ангоба по внутренней части венчика. Диаметр венчиков равняется 8-9 см.

В комплексе имеется фрагмент основания от ножки сосуда типа **вазы**, который выбивается из общего контекста (рис. 2, 7). Подобные вазы обычно датируются в пределах III–V вв. н.э. (Кабанов, 1973, с. 70, рис. 15; Немцева, 1969, с. 171, рис.7). В материалах Тали-Барзу по Б.Я. Ставискому, они относятся ко II–IV вв. н.э. (Ставиский, 1967, с. 27). Вероятно, фрагмент вазы оказался в комплексе случайно и был переброшен из нижележащего слоя.

Описанный керамический комплекс довольно хорошо известен как по раскопкам в самом Согде, так и в других историко-культурных областях Мавераннахра и сопоставим с материалами верхнего слоя Пенджикента, который датируется VII – началом VIII вв. н.э. (Бентович, 1953, с. 133-145; Она же, 1964, с. 293, рис. 37).

В комплексе развитого средневековья выделяются следующие типы посуды.

Тарная посуда.

Хумы и хумча представлены экземплярами, сформованными ручным способом, тесто среднего качества, часто неравномерного обжига. Диаметр венчика составляет от 32 см и больше.

Крупные горшки или корчаги формовались на гончарном круге из глины хорошего качества, обжиг равномерный, черепок в изломе красно-коричневого цвета. Закраина сосуда наклонена вовнутрь, шейки нет, венчик непосредственно переходит в тулово. Пара петлевидных ручек крепилась прямо к венчику. Сосуды украшались потеками ангоба.

Столовая посуда.

Горшки и кувшины формовались как на круге, так и ручным способом, глина плотная, равномерного обжига. Сосуды представлены в основном фрагментами стенок. Встречаются сероглиняные сосуды. Поверхность украшалась потеками, гребенчатым и прочер-

ченным орнаментом,

Выделяется горловина кувшина (возможно горшка), покрытая с обеих сторон красно-коричневым ангобом с лощением. Поверхность сосуда украшена врезным и штампованным орнаментом в виде треугольников и пуансонов.

Среди других находок отметим обломок алебастрового **дастархана**, центральная часть которого помечена кругом в виде ложбинки с пальцевыми вдавлениями. Алебастровые столики появились, по-видимому, в раннее средневековье и довольно широко распространяются в XI-XII вв. (Брыкина, 1974, с. 97-99; Богомолов, Папахристу, 1982, с. 108; Манылов, 1987, с. 54).

Среди керамики имеются обломки **котлов**, которые, однако, не дают форм.

Следует отметить и тот факт, что среди керамики практически не встречается глазурированная посуда, что характерно для горных районов, где производство ее было затруднено, а местное население пользовались дорогостоящей привозной посудой.

Несмотря на малочисленность представленных керамических форм, этот комплекс по аналогиям может датироваться XI – началом XIII вв.

Краткие выводы

- Самый ранний материал, полученный в ходе раскопок относится к раннему средневековью, но не ранее VI – начала VIII в. Время возникновения поселения пока остается проблематичным, но подъемный материал позволяет надеяться, что в своей основе, по крайней мере, оно является позднеантичным.

- Раннесредневековая стена из сырцовых кирпичей, идущая с юга на север, по-видимому, должна смыкаться с внешней оборонительной стеной, до которой дойти в этом сезоне не удалось. На юге она, вероятно, соединялась с другой стеной, сильно разрушенной. Характер кладки ее довольно сильно отличается от вышеописанной стены. Возможно, это связано с тем, что они возводились в разное время.

- Судя по всему, стены активно использовались в караханидское и этнографическое время, поэтому весь материал, полученный в ходе раскопок, оказался перемешанным. Тем не менее, по характерным особенностям, основную массу керамики можно разделить на три периода: раннесредневековый (VI-VIII вв.) караханидский (XI-

XII вв.) и этнографический.

- Материалов саманидского (IX-X вв.) времени пока не обнаружено.

- Каменные стены и башни совершенно определенно были возведены в караханидское время и синхронны с каменными стенами поселения Сармиштепе II (см. отчет Карманинского отряда за прошлый год). Их основание в виде крупных плоских булыжников наиболее четко фиксируется с южной стороны памятника. Стены возводились из местной породы камней (сланца), который легко распадается на плоские плиты. Связующего раствора в каменной кладке не прослеживается. Снизу каменными плитами обкладывались стены более раннего времени.

- Столь длительное обживание памятника можно объяснить удобным и стратегически важным месторасположением по выходу сая в относительно широкую плодородную долину.

Литература

1. Бентович И.Б. Керамика Пенджикента // МИА. № 37. Москва-Ленинград, 1953.
2. Бентович И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) // МИА. № 124. Москва-Ленинград, 1964
3. Богомолов Г.И., Папахристу О.А. О дастарханах // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982
4. Брыкина Г.А. Карабулак. Москва, 1974
5. Грицина А.А. Материалы XII - начала XIII вв. с городища Культепа (Северная Уструшана) // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991
6. Кабанов С.К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973
7. Маньлов Ю.П. Археологические исследования городища Каратепе на Нарпае // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987
8. Немцева Н.Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969
9. Ставиский Б.Я. О датировке ранних слоёв Тали-Барзу // СА. 1967. № 2.
10. Шишкин В.А. Варахша. Москва, 1963

М. Хужаназаров, М. Реутова, Б. Болиев
(Самарканд)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНСЕРВАЦИОННЫЕ РАБОТЫ НА ПАМЯТНИКЕ САРМИШСАЙ

Петроглифический отряд «Сармиш» в 2004 и 2005 гг. продолжил археологические и консервационные работы на памятнике наскального искусства Сармишсай (Хужаназаров, Развадовский, 2003, с.196-202; Хужаназаров, Реутова, 2004, с.186-194). Целью исследований являлось комплексное изучение археологических памятников Сармишсайского ущелья и разработка подготовительных этапов для научной презентации Сармишсая и его номинации в списке мирового культурного наследия ЮНЕСКО.

В составе отряда работали археологи, консерваторы, геологи, ботаники, зоологи, музейные работники, специалисты по дизайну ландшафта и представители сферы туризма.

Петроглифическая группа в 2004 году, исследуя археологические памятники комплекса, проводила организационные работы по подготовке и проведению Международной научной конференции и полевого семинара. 9-16 октября 2004 г. в городе Навои и Сармишсае проводилась Международная конференция и полевой семинар «Новые подходы к изучению, сохранению и рациональному управлению природного и культурного наследия Сармишсая». Конференция была организована Международным Институтом Центральноазиатских исследований при ЮНЕСКО (Самарканд) совместно с Навоийским Горно-металлургическим комбинатом и Институтом археологии АН РУз.

В работе конференции приняли участие специалисты из 9 стран мира. Научные сообщения затрагивали международные и региональные достижения, охватывающие проблемы документирования наскального искусства, изучения этнографической и археологической среды и ее управления, современное состояние методов консервации.

Широкий спектр вопросов был связан непосредственно с Сармишсаем - взаимосвязью природы и деятельности человека, этнографической интерпретацией наскальных изображений, их консервацией, развитием экотуризма. Состоялся обмен опытом и новыми

достижениями в области документирования и сохранения памятников наскального искусства между специалистами разных стран. Составной частью полевых работ были определение степени и механизмов разрушительного воздействия лишайников на петроглифы и разработка методов борьбы с ними. И наконец, «гвоздем» программы форума стала разработка подготовительных этапов для научной презентации Сармишса и его номинации в списке мирового культурного наследия ЮНЕСКО (Хужаназаров, Реутова, Тодерич, 2005, с.124-126).

В 2004 году Сармишсай получил статус историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника. Такое решение (№ 193 -К, от 23.09. 2004 г.) принято хокимиятом Навоийской области, на территории которой и расположен один из крупнейших в Узбекистане памятников наскального искусства. В итоге памятник Сармишсай, веками бывший «бесхозным» и от этого изрядно пострадавший, получил долгожданную защиту.

В 2004-2005 году петроглифический отряд продолжил документирование наскальных рисунков Сармишса. Как известно, к базовым видам документации местонахождения петроглифов относится, в первую очередь, археологическая карта комплекса. Эта карта служит важнейшим научным источником и, кроме того, является необходимым видом документации при обосновании границ территории памятника, подготовки паспорта и учреждения юридической и физической охраны, определении охранной зоны памятника, планировании менеджмента, туризма и т.д.

В связи с этим, во время полевого исследования в 2004-2005 годах была дополнена археологическая карта комплекса, составленная в 2003 году группой «Сармиш». Новая карта составлена с помощью GPS. Было зафиксировано 243 точки, привязанные к местонахождениям различных памятников и археологических находок. В их числе: 10 поселений, 20 могильников, 30 объектов наскальных изображений и 30 курганов, а также многочисленные другие доисторические и средневековые памятники (рис. 1).

Полученные новые данные существенно меняют представление о масштабах комплекса археологических памятников долины Сармишса и позволяют в целом определить его структуру, а также местонахождение петроглифов и других памятников гор Каратау в их природном и археологическом контексте.

В 2004-2005 году специалисты группы «Сармиш» составили топографический план локальных участков 1-13 групп с петроглифами. Этот документ обладает большим потенциалом как научный источник. В нем указаны месторасположение и ориентировка в пространстве тех или иных групп петроглифов, а также схема организации туристических маршрутов на открытой для посетителей территории наскальных рисунков Сармишсая.

Индексированные фотографические и графические панорамы локальных участков с петроглифами являются также многофункциональным видом документации и вместе с другими материалами позволяют решать ряд специфических задач менеджмента и мониторинга. Это простой и довольно наглядный метод фиксации большого количества изобразительных плоскостей в пределах каждой группы. Основное назначение панорам - визуальное закрепление установленной на объекте индексации изобразительных поверхностей. Наглядный и удобный для полевой и офисной работы формат панорам делают их наиболее практичным видом документации. В 2004 году и во время полевого семинара были подготовлены фотопанорамы (обзоры) с индексацией составных плоскостей III, IV, VII, IX групп петроглифов. Эти индексированные фотопанорамы помогают нам в проектировании туристических маршрутов. При помощи ее мы разрабатываем оптимальные варианты организации движения посетителей (рис. 2).

Стандартизированный комментарий, т.е. описание состояния изобразительной поверхности и петроглифов, - один из основных

Рис. 2

документов при изучении памятников наскального искусства. Этот метод одновременно считается дополнением к предыдущему виду документации. Структура комментария охватывает все основные параметры, характеризующие состояние поверхности и петроглифов. В 2004-2005 гг. продолжались описания рисунков III, IV, VII, IX, X групп петроглифов Сармишсая. В группе III задокументировано 211 рисунков на 50 плоскостях, в группе IV - 300 рисунков на 55 плоскостях. В группе VII задокументировано 501 рисунок на 78 плоскостях, на группе IX - 350 рисунков на 65 плоскостях и т.д.

Летом 2004-2005 г.г. проведена инвентаризация наскальных изображений в II, III, VII, VIII, IX, X, XIII группах. Эти группы были заново сфотографированы и методом совмещения снимков подготовлены фотопанорамы. Результаты работы вызвали нашу озабоченность. Первый исследователь сармишсайских рисунков археолог А. Кабиров, который работал здесь 1960-1970 годах, уверял, что наскальные изображения в те годы были в безупречном состоянии. Между тем нами в ходе инвентаризации было выявлено, что большая часть наскальных изображений в большей или меньшей степени повреждены, а некоторые полностью утрачены. Причиной подобного быстрого разрушения наскальных рисунков являются изменяющаяся экология окружающей среды и антропогенные воздействия. Нынешнее физическое состояние и химический состав скаль-

Рис. 3

Рис. 4

ных выходов таковы, что отрицательное воздействие природно-климатических условий заметно сказывается на их сохранности.

Дальнейшее разрушение и окончательная потеря наскальных рисунков может быть приостановлена путем проведения в ближайшее время консервационных работ.

Реставрация и консервация наскальных рисунков делает возможным их сохранение в статусе культурно-исторических памятников. Такие работы уже начаты в 2004 и продолжены в 2005 годах.

Согласно поставленным задачам мы провели комплекс работ, включающих в себя мониторинг отдельных плоскостей, работу на тестовом участке, документирование, превентивную консервацию, реставрацию и расчистку плоскостей от различных посетительских надписей.

В первую очередь после прошедшего осенне-весеннего сезона был сделан мониторинг отдельных плоскостей с рисунками, которые по данным обследования 2003 года были отнесены к аварийным участкам. На группе VII осмотрены плоскости 68 и 69. После прошедшего дождя хорошо проявились основные пути стока дождевых вод на поверхность плоскостей и ее просачивание через щели внутрь камня. Необходимо было отвести воду, попадающую в трещины, и тем самым предотвратить дальнейшее разрушение и увеличение аварийных трещин на плоскости с петроглифами. Поэтому для сохранения скальной поверхности было принято решение сделать водоотводы и небольшие навесы над местами стыка плоскостей. Для этого были собраны плоские каменные фрагменты. Из них сложены небольшие навесы над местами водостоков, существование которых опасно для плоскостей с рисунками. Камни соединялись между собой саманным раствором. Для прочности связки в

глиняную массу добавлялась овечья шерсть.

Три небольших навеса было сделано около плоскостей 68 и 69. Морозобойные трещины в верхней части каменных блоков (плоскости 68 и 69), куда просачивалась вода во время осадков, заполнены смесью из глины, каменной крошки и воды. После просыхания смеси ее внешний слой был несколько раз пропитан слабоконцентрированным раствором полимера. Пропитка придает смеси водостойкость и предотвращает попадание влаги внутрь заполнения.

При обследовании плоскости 69 было установлено, что в ее правой нижней части произошло отслоение небольшого фрагмента. Укрепить эту часть плоскости решили методом отбортовки [Агеева, Ребрикова, Кочанович, 2004, с. 116-120.]. Прикрепление корки проводилось по краю отслоения без заполнения всего пустого пространства глино-каменной смесью. Метод позволяет предотвратить проникновение атмосферных вод под корку и практически не влияет на влаго- и парообмен между атмосферой и внутренними слоями породы. Для отбортовки использовался искусственный состав из мелко растертой каменной крошки и раствора полимеров К-9 и ПБМА в толуоле. После проведения комплекса восстановительных работ, плоскости 68 и 69 поставлены на мониторинг.

Проведена работа по возведению постоянного навеса над плоскостью с многочисленными петроглифами на группе VII. Здесь осенью 2004 года был сооружен временный навес, который должен был изолировать верхнюю часть камня от попадания атмосферных осадков. Обследование показало, что верхняя часть камня сильно рассланцована и вследствие этого началось выпадение мелких фрагментов. Отдельные кусочки уже утрачены, другие находятся на стадии отслоения. Процесс разрушения может повести за собой утрату отдельных частей оригинальных петроглифов. Сохранить эту плоскость можно лишь проведением ряда мероприятий защитного характера.

Мы разобрали временный навес, расчистили трещины в верхней части каменного выступа и заполнили их глиняным составом с каменной крошкой, замешанной на воде. Затем над плоскостью был сооружён постоянный навес из плоских каменных блоков (рис.3). Камни соединялись между собой глиняным раствором с добавлением овечьей шерсти в качестве армирующего материала. Одновременно регулировался водосток. Такая конструкция, сделанная из та-

кого же природного материала, что и порода самого объекта, не бросается в глаза и не влияет на стабильность каменного блока. Проведенный мониторинг временного навеса показал, что он хорошо предохраняет наиболее разрушенную часть плоскости от прямого попадания атмосферных осадков и просачивания влаги в многочисленные мелкие трещины, имеющиеся на верхней поверхности камня.

Комплекс работ по сохранению уникальной плоскости был проведен в группе IX. Эта плоскость, на которой имеются оригинальные рисунки сакского периода, находится на краю каменного выступа. Ее левый край когда-то откололся и утрачен. За плоскостью, толщина которой около 30 см, находится пустое пространство. Плоскость располагается рядом с тропой и имеет небольшую высоту. Все это делает ее уязвимой и легко доступной для людей. Поэтому на плоскости мы видим следы посетительского "осмотра" - это множественные царапины и мелкие шербины (следы от дробы или ударов?). Видны следы и естественного разрушения. По верхней поверхности скального выступа проходит трещина. Кроме того, по ее верхней площадке удобно подниматься на гору для осмотра находящихся там других плоскостей с рисунками. Проведенное обследование также показало, что камень с рисунками пытались отколоть. С правой стороны остались следы от попытки отбить плоскость от общего каменного блока. Прекрасно видны два глубоких углубления, образовавшихся при ударах тяжелым предметом.

Результаты обследования привели нас к решению, что необходимо провести капитальные работы с целью сохранения камня с живописной композицией. Был составлен план работ, включавший в себя ряд операций. Все они относятся к косвенным мерам консервации. В первую очередь были закрыты три трещины, проходившие по верхней поверхности камня. Трещины заполнили глиной с каменной крошкой, послойно пропитывая эту смесь водой. Следующим этапом была стабилизация состояния верхней и правой части плоскости. Для этого подобрали несколько камней, подходящих по цвету и фактуре к плоскости с рисунками. Ими укрепили верхний и правый край каменного выступа (для предотвращения возможных попыток отбивки плоскости от скалы). Пустое пространство за плоскостью заполнили камнями, а поверх образовавшейся площадки положили большой каменный блок, обеспечивающий устойчи-

вость всей конструкции. Чтобы посетители не ходили по блоку, в пространство между камнями были вмонтированы большие ветки колючих кустарников. Таким образом, проведенные работы позволили изолировать центральную часть плоскости с прекрасными рисунками от варварского разрушения человеком и сохранить ее целостность (рис. 4).

Как и в предыдущие полевые сезоны, было продолжено удаление красочных, выбитых и процарапанных надписей, оставленных многочисленными посетителями на различных группах памятника Сармишсай. На группе V проводились работы по удалению нескольких красочных и выбитых надписей. Покраски были выполнены эмалевой краской голубого и коричневого цветов. Имеющийся опыт работы показал нам эффективность использования промышленной смывки "Смелакс-1" для удаления старых надписей, выполненных красками. Смывку несколько раз наносили строго по поверхности надписей, а после набухания краски ее слой за слоем осторожно удалили скальпелем с плоскости. Остатки смывки убрали растворителем (толуол) и затем тщательно протерли мягкой тряпкой очищенную поверхность. Таким методом на группе V от посетительских красочных надписей было очищено три плоскости. На одном из ступенчатых фризов группы посетителями были выбиты небольшие надписи и рисунок девочки. Надписи мы решили убрать, а девочку оставить, как образец петроглифа XX века. Тем более, что рисунок был выполнен на чистой плоскости и довольно искусно.

Для мастиковки глубоко прочерченных надписей использовали заделочную массу на основе растертой в порошок каменной крошки и комбинированного раствора полимеров К-9 и ПБМА в толуоле. Для тонирования в массу добавлялось немного сажи. Для лучшей адгезии заделочной массы к каменной основе, выбитую поверхность предварительно несколько раз смачивали слабоконцентрированным раствором полимера. Аналогичным методом в 2003 году были замастикованы выбитые надписи на группе XIII. Проведенный мониторинг отреставрированных плоскостей показал положительные результаты. Мастика хорошо держится в выбитых каналах, не крошится и не трескается. Полученные результаты позволили нам продолжить использование этой методики для заполнения выбивки на плоскостях.

На группе VI весной 2005 года появились две новые надписи

имен посетителей. Они выполнены черной аэрозольной краской, техникой напыления из баллончика. Одну аналогичную надпись на группе X мы легко смыли ацетоном в 2004 году. Однако черная краска лишь частично убралась этим растворителем. Оставшиеся следы от надписей мы удалили используя промышленную смывку "Смелакс-1".

Проведены работы по заполнению морозобойных трещин. По верхней части (левый край) плоскости 13 (группа X) проходила трещина, через которую влага просачивалась внутрь камня. Трещина имеет тенденцию к увеличению и может возникнуть угроза выпадения блока с интересными рисунками. Перед заполнением из трещины убрали гумусные наполнения и тщательно очистили ее стеночки от пыли. Внутреннюю поверхность трещины проклеили раствором полимера и заполнили искусственной мастикой на основе мелко растертой каменной крошки и раствора полимера К-9 и ПБМА в толуоле. Другую трещину после расчистки заполнили составом из глины, замешанной на воде.

Работы по удалению красочных надписей были проведены на одном из каменных выступов, который находился при въезде на археологический комплекс, возле подъема на поселение Сармыш-1. На плоскости, на которой отсутствовали петроглифы, розовой эмалью крупными буквами были написаны имена посетителей. Эти надписи сразу бросались в глаза посетителям, поскольку камень находился рядом с дорогой. Поэтому для сохранения естественного вида ландшафта памятника их необходимо было убрать. Поверхность плоскости, на которой находились надписи, была довольно шершавой. Краска, нанесенная толстым слоем, залилась в глубокие щели и выемки. На её удаление с поверхности камня пришлось потратить значительное количество времени. Для снятия краски использовали смывку "Смелакс-1".

Как показало документирование плоскостей на различных группах памятника и просто осмотр скальных поверхностей, мы встречаемся с многочисленными следами пребывания людей на памятнике. В основном это прочерченные или выбитые надписи. Не каждый посетитель принесет с собой краску. А поднять с земли камень и нацарапать свое имя – дело не трудное. Именно такие процарапанные надписи в большом количестве встречаются в Сармишсае. Порезы неглубокие и их мастиковку проводить нецелесообразно. Для уда-

ления подобных надписей рекомендуется использовать метод патинирования.

Значительная часть скальных выходов на памятнике Сармишсай имеет патинированную поверхность. Патина – это плотный поверхностный слой камня, несколько отличающийся от коренной породы по химико-минералогическому составу, цвету и структурным характеристикам. Патинированная поверхность имеет черно-коричневый блестящий цвет. Однако встречаются плоскости, практически не имеющие патины. Это камни серого цвета. Метод патинирования заключается в нанесении на поверхность порезов искусственной патины, для чего используют растворы железа и марганца в различных соотношениях и концентрациях.

Экспериментальные работы по подбору цвета патины начаты нами на тестовом участке. Как показали исследования, проведенные на материалах "Томской писаницы", цвет темной патины определяется главным образом марганцем, титаном и железом. Картина распределения этих хромофоров, снятых в характеристическом излучении, показывает преобладание во внешней зоне патины марганца и равномерное распределение железа по ее толще [Агеева, 2004, с. 26-29]. Для эксперимента были взяты соли двухвалентного железа и марганца, а также раствор гидроксида калия. Этой смесью был покрыт участок серого песчаника с целью придания поверхности черно-коричневой окраски под цвет темной патины. Первоначальные результаты были удовлетворительны.

Проведены работы по использованию состава МСН-7 для мастиков трещин и выбоин. Материал используется при консервационных работах на сибирских памятниках наскального искусства. На тестовом участке была выбрана плоскость с выпадающим из нее куском камня. Для приклеивания фрагмента был использован состав на основе минерального вяжущего, модифицированного кремнийорганикой (МСН-7). Для мастики смесь из растертой каменной крошки и глины замесили водой (выдерживали три часа). Затем в эту массу, разбавленную до густоты сметаны, добавили МСН-7 (соотношение минеральный состав и МСН-7 – 4:1). Этим составом смазали тыльную сторону фрагмента отпавшего камня и образовавшуюся полость. Затем камень поставили на свое место. Утраты замастиковали оставшейся массой.

Также проводилась обработка лишайников, колонии которых в

изобилии встречаются на группах Сармишсяя. Для борьбы с ними было опробовано три варианта. В первом варианте обработка велась составом из 25%-ного раствора гидроксида аммония (NH_4OH) и 6%-ного раствора H_2O_2 . Во втором варианте лишайники покрывались только 12%-ным раствором перекиси водорода. В третьем варианте лишайники обрабатывались раствором 25%-ного гидроксида аммония. Наблюдения над обработанными поверхностями будут проводиться.

Была проведена апробация норвежской методики по склеиванию фрагментов камня. В этом методе в качестве склеивающего компонента используется клей Mowilith DM 123 S. Было проведено приклеивание выпавшего фрагмента камня на тестовом участке. Согласно разработанной методике провели все необходимые операции – расчистка от пыли, мытье камней и образовавшейся полости водой и их просушка, пропитка склеиваемых поверхностей разбавленным раствором клея, само склеивание. Экспериментальный участок поставлен на мониторинг.

Проводились экспериментальные работы по снятию старых покрасок с использованием водяного пара. Для экспериментального участка был выбран камень с множеством красочных надписей. Камень находится на группе XV. На его плоскости отсутствуют петроглифы. Метод заключается в обработке покрасок горячим водяным паром, который под небольшим давлением выходит из нагревательной колбы с тонким носиком. Данный метод используется во многих странах для очистки поверхностей разнообразных строений от красочных надписей. Горячий водяной пар направляется на красочное покрытие. Под действием пара краска слегка набухает и в виде чешуек легко отслаивается от поверхности камня. Метод прост, экологически чист, совершенно безвреден для каменного материала. Его рекомендуется использовать для камней с прочной структурой.

Время работы было ограничено и поэтому за этот период мы успели убрать только три первые большие буквы из надписи "ОЛЕСЯ". Размер каждой буквы примерно 12x18 см.

Были продолжены работы по документированию плоскостей для создания базы данных по наскальным рисункам Центральной Азии. На группе VII проведена документация первых 11 плоскостей. Все плоскости в хорошем состоянии. Лишь на некоторых из них проца-

рапаны граффити, которые можно убрать методом патинирования. Также проведена документация пяти плоскостей на группе IX.

В 2004 году весной и осенью впервые были проведены археологические раскопки на могильнике Сармиш–1. Этот могильник находится на левом берегу сая, примерно в 1 км к югу от детского лагеря отдыха «Горный» и вытянут вдоль Сармишсая. По предварительным расчётам, могильник составляет 260x115 метров или примерно 2,9 гектара. Высота могильных курганов небольшая и составляет от 10 до 40 см от современной поверхности. Расстояние между курганами от 50 см до 12 метров. В могильнике сочетаются погребения в курганах с каменными насыпями и погребения в каменных ящиках, причем последние значительно преобладают. В южной части могильника раскопаны 4 погребения. Однако, датировка могильника и принадлежность к определённым группам населения (земледельческая, скотоводческая) пока неизвестны. В раскопанных могилах отсутствует сопровождающий материал. По своей конструкции погребения напоминают скотоводческо-кочевнические комплексы Средней Азии. В перспективе могильник Сармыш I может дать хороший антропологический материал и данные по погребальному обряду.

Таким образом, на памятнике Сармишсай в полевых сезонах 2004- 2005 г.г. был выполнен весь запланированный цикл работ, направленный на сохранение уникальных образцов древнего наскального искусства Центральной Азии.

Литература

1. Агеева Э.Н., Ребрикова Н.Л., Кочанович А.В. Опыт консервации памятников наскального искусства Сибири // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Алматы, 2004.
2. Агеева Э.Н. Исследования и консервационные работы на "Томской писанице" // Материалы Международной Научной Конференции "Новые подходы к изучению, сохранению и устойчивому управлению природным и культурным наследием Сармишсая". Навои, 2004.
3. Хужаназаров М., Развадовский А. Петроглиф гурухининг 2002 йилда олиб борган дала ишлари // Археологические исследования в Узбекистане 2002 год // Ташкент, 2003.
4. Хужаназаров М., Реутова М.А. Археологические исследования и консервационные работы на памятнике наскального искусства Сармишсай // Археологические исследования в Узбекистане – 2003 // Ташкент, 2004.

5. Хужаназаров М., Реутова М.А., Тодерич К.Н. Научная конференция и полевой семинар по изучению петроглифического комплекса Сармиш-сая. ОНУ, № 1-2, Ташкент, 2005.

М. Хужаназаров, Ф. Брунет, К. Шимчак
(Самарканд, Париж, Варшава)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УЗБЕКСКО- ФРАНЦУЗСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ПАМЯТНИКАХ КЫЗЫЛКУМОВ

В 2005 году между Институтом археологии АН РУз и Французской Археологической Миссией «Аякагетма», Национальным Центром Научных Исследований – CNRS, составлен договор под названием «Археология каменного века центральной и юго-западной части Узбекистана». На основании этого договора участники совместной экспедиции начали археологические разведки и исследования территории Кызылкумов.

Цель исследований – проведение археологических разведок, связанных с выявлением археологических памятников каменного века и экологией данного района, дальнейшее проведение совместных раскопочных работ на найденных стоянках, а также совместная обработка полученного материала и их публикация.

В начале экспедиции были проведены археологические наблюдения на территории Акчадарьинской дельты, расположенной на севере Кызылкумов. Как известно, найденные памятники первобытной эпохи в древней Акчадарьинской дельте Амударьи изучались и публиковались в работах С.П. Тол-

Рис. 1

стова, А.В. Виноградова и других авторов. Выявлены основные этапы культурного развития и экономики неолитических племен Акчадарьинской дельты, очерчен круг культурных связей, воссоздана в основных чертах экологическая обстановка, в условиях которой жило неолитическое население (Толстов, 1948; Виноградов, 1981, с.78-90 и др.).

В начале мы рассматривали памятники неолитического периода Джанбас 4, 5, 11, стоянки Толстова, Кукча, Кургошин кала, Куйтепа, Корачукки, Тажикказган, Куштумшук и др. Координаты этих памятников зафиксированы на аппаратах JPS для составления археологической карты. На упомянутых памятниках и берегах Акчадарьи собран подъемный материал, относящийся к эпохе неолита и ранней бронзы. Найденные микролиты и орудия труда по форме и типологии относятся к кельтеминарской культуре. Некоторые из них сделаны из белого кремня. Такие породы камня встречаются на территории Центральных Кызылкум и отсюда распространяются по всей территории данного региона. Присутствие микролитов белого цвета микролитов в этих районах дает возможность предположить, что древние племена Акчадаринской дельты производили культурный и хозяйственный обмен с племенами Центральных Кызылкумов.

В собранной нами кремневой коллекции имеются орудия труда, микролиты, микропластинки, нуклеусы, скребки, пластины и другие изделия. Основу изделий с вторичной обработкой составляют разного рода выемчатые пластины и скребки, т.е. орудия, связанные с обработкой шкур, дерева и кости. Такая технология типична для кельтеминарской культуры (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 26)

Рис. 2

(рис. 1). Среди выемчатых пластин преобладают изделия с широкими или небольшими, но четко выраженными полукруглыми выемками. Ретушированные разными способами пластины с прямыми боковыми сторонами встречались редко. Небольшую серию составляют пластинки с притупленными краями, со скошенным концом, «микрорезцы», разного рода провертки и сверла; единично встречаются резцы разных типов, отщепы с краевой ретушью. Среди геометрических микролитов наиболее крупную серию составляют низкие вытянутые асимметричные треугольники. Они сделаны из узких пластин и сильно варьируют в длину. У ряда изделий длинная боковая сторона обработана только частично и они типологически близки вытянутым трапециевидным остриям, характерным для поздних комплексов неолитических памятников Средней Азии.

Одновременно с кремневыми изделиями найдены обломки керамики разных периодов. Среди них есть лепные и гончарные сосуды. Лепные сосуды можно условно связать с кремневым комплексом. Формы сосудов не реконструируются. Некоторые фрагменты керамики орнаментированы. Технические приемы орнаментики показывают, что наиболее распространенными были оттиски зубчатого штампа и прочерченный орнамент – волнистый и прямолинейный.

В этих памятниках разновременный археологический материал перемешан. В месте нахождения кремневых изделий встречается керамика эпохи бронзы и средневековья. Это дает нам возможность предположить, что здесь, начиная от эпохи неолита до нашего вре-

мени, экология территории несколько раз изменялась, однако период обживания или наблюдались короткие периоды запустения (рис. 2).

Впервые в Акчадаринской дельте, в местности

Рис. 3

Корачуки, расположенной в восточной части Кургошин кала, найдена палеолитическая мастерская. На этом памятнике собраны многочисленные каменные артефакты, нуклеусы и технические заготовки. Типологические формы и техника расщепления каменных изделий относится к периоду мустье и позднего палеолита. Надо подчеркнуть, что до наших исследований в этих местах ранее не были известны палеолитические памятники.

Второе местонахождение памятников эпохи палеолита зафиксировано в южных склонах горы Султон Увайс, в 10 км к северо-востоку от кишлака Кызыл кала. В этих местах располагается значительное скопление каменных поделок. Они лежат на поверхности склонов большими скоплениями или в разбросанном виде. Среди них выделены и палеолитические находки, судя по материалу, это скопление каменных изделий было образовано в результате схождения селевых потоков, так как весь материал был сильно дефлирован. Степень дефлированности археологического материала очень высокая, а также заметно влияние термических колебаний. Несмотря на это, основная часть каменной индустрии читается и типологически определяется (рис. 3).

Среди собранных артефактов имеются одноплощадочные, многоплощадочные а также торцовые, дисковидные, ортогональные нуклеусы, пластины и отщепы маленьких размеров. Сырьем служила яшма, выходы которой находились вблизи склона горы Султан Увайса. По технике расщепления и обработке камня эти памятники относятся к позднему палеолиту. Найденные палеолитические памятники еще раз подтверждают, что, начиная с эпохи палеолита, наблюдалось беспрерывное обживание данной территории.

Рис. 4

После разведочных работ в Акчадарьинской дельте участники экспедиции возвратились на памятник Аякагетма, где продолжали раскопочные работы и вели разведочные исследования. Как известно, на этом памятнике, начиная с 1995 года, работала Узбекско-Польская археологическая экспедиция (Хужаназаров, Шимчак, 2003, с.190-196). В текущем полевом сезоне, в рамках стационарного изучения стоянки Аякагетма, Узбекско-Французская экспедиция свою основную археологическую работу сосредоточила на изучении нераскопанной части памятника. Был расширен раскоп в квадратах № 126-135, расположенных в юго-восточной части памятника. В отличие от предыдущих лет, в этом году мы проводили исследования по методике французских исследователей.

В начале раскопочных работ зафиксированы квадраты №126 и 135 и сфотографирована вся площадь. Первый культурный слой, вскрытый на всей площади раскопа, залегал под 10-15 сантиметровым слоем песка и шел на глубину 25-35 см. Как и в других квадратах прошлых лет, здесь также выделялись остатки кострищ и очагов, различные как по цвету, так и по размеру. Этим остаткам на расчищенной площади насчитывалось 10; их можно классифицировать следующим образом: а) остатки кратковременных кострищ; б) остатки длительно горевших на одном месте кострищ; в) остатки долговременных очагов.

Первый вид кострищ представляет собой тонкие золисто-углистые пятна неправильных очертаний. Второй вид кострищ - с линзами уплотненной пепло-золистой массы и прокаленным песком. Наиболее интересен долговременный очаг в кв. 128-132. Это целый очаг, заполненный пеплом и золой (рис. 4). Судя по размерам, этот очаг был в свое время несколько перемещен, так как в юго-западной части он частично перекрывает заполнение ямы золой. Вокруг очага и в самом очаге найдено довольно много кремневых изделий, ножевидных пластин и очень много обломков костей. Эти кости после извлечения закрепляли клеем, после чего упаковывали в специальную ткань. Все эти находки относятся к одному культурно-хронологическому комплексу. Это полностью подтверждается и сравнительным анализом находок.

Основным сырьем для изготовления орудий на стоянке служил светло-серый кремль, выходы которого располагались к востоку от стоянки на расстоянии около 200-250 м. Эта мастерская найдена и

раскопана участниками Узбекско-Польской экспедиции в 2003 году (Хужаназаров, Шимчак, Пржездзиеский, 2004, с.31-38). Среди орудий встречается кремьень молочно-белого цвета. Единично встречаются изделия из кремня коричневого цвета с остатками розовой корки и серого кварцита.

В коллекции встречаются пластины с притупленным краем и мелкими боковыми выемками, а также пластины с краевой ретушью и без ретуши. Почти все орудия, найденные в раскопках, сделаны не из целых пластин, а из их сечений; мелкими обломками представлены и ножевидные пластины без ретуши. Отщепы без ретуши преимущественно мелкие, среди находок очень много кремневых чешуек. Нуклеусы разные и качественные. Они представляют все этапы сработанности желваков, начиная с подготовки куска сырья к расщеплению и до конца сработанного экземпляра. Что касается типологии нуклеусов, то их можно разделить на нуклеусы для снятия микропластин и отщепов.

Характерной особенностью кремневого инвентаря раскопок являются изделия геометрических очертаний нескольких типов. Большую часть составляют трапеции, обычно симметричные, реже со слабо выраженной асимметрией. Единично встречены «рогатые» трапеции. Такого рода трапеции известны в мезолите Южного Зауралья, в позднемезолитических и раннеолитических коллекциях Устюрта. Заметную серию составляют низкие асимметричные треугольники.

В раскопанных квадратах не найдено наконечников стрел кельтеминарского типа. Имеются шлифованные изделия и украшения в виде подвесок, изготовленные из плоских галечек с просверленным отверстием, из мелких раковин и окаменевших кораллов.

Кремневые находки и керамика из новых квадратов не отличаются от ранее изученных. Сравнение этих материалов с другими находками из памятников территории Кызылкумов дает возможность датировать памятник концом эпохи мезолита и развитого неолита, что подтверждается радиоуглеродным (C_{14}) анализом, проведенным в лабораториях Франции.

Наряду со стационарными исследованиями стоянки Аякагетма были предприняты небольшие разведочные работы в ее окрестностях. В результате найдено 10 новых пунктов и они определены как отдельные стоянки эпохи камня. В ходе разведок производилось

краткое описание этих стоянок и зафиксированы их географические координаты. В этих пунктах планируется вести раскопочные работы в следующих сезонах.

Таким образом, результаты работ Узбекско-Французской археологической экспедиции 2005 года на памятниках Кызылкум представляют весьма интересный материал эпохи камня, найдены неизвестные памятники эпохи палеолита и неолита. Они существенно дополняют и конкретизируют представление о разнообразной деятельности населения Кызылкум в эпоху каменного века. Памятник Аякагетма и другие новые пункты перспективны и в археологическом отношении, раскопки на этих памятниках будут продолжены на следующий год.

Литература

1. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. Москва, 1948.
2. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. Москва, 1981.
3. Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. Москва, 1975.
4. Хужаназаров М., Шимчак К. Работы Узбекско-Польской археологической экспедиции на памятнике Аякагетма в 2002 году // Археологические исследования в Узбекистане - 2002. Ташкент, 2003.
5. Хужаназаров М., Шимчак К., Пржездзиевский М. 2003 йилда олиб борилган археологик ишлар хисоботи. Самарқанд, 2004, Архив, ф. 2, О.1, Д.162, с.31-38.

В. Ягодин, А. Беттс, Г. Ходжаниязов,
Ф. Кидд, Ш. Амиров, А. Искендерова
(Нукус, Сидней)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ КАЗАКЛЫ-ЯТКАН (АКШАХАН) В 2005 ГОДУ

В полевой сезон 2005 года Каракалпакско-Австралийская археологическая экспедиция (КААЭ) продолжила свои исследования в древнем Ташкырманском оазисе. Исследовательские работы были сосредоточены на одном из объектов городища Казаклы-Яткан, находящемся в пределах крепостных стен Верхнего (священного) города, ранее определенного как храм, датирующийся в пределах IV-

II вв. до н.э.

Обоснование и планирование полевых работ сезона 2005 года. Исследовательские работы проводились по четырем главным направлениям:

А. Для исследования внутреннего пространства храма были продолжены работы на раскопе 2004 года (раскоп X,04) вдоль западной стены и по направлению к центру храма. Были предприняты специальные поиски фрагментов скульптуры, штукатурки с живописью, деталей архитектурного декора, впервые обнаруженных в прошлых сезонах и находящихся в завалах, а также поиски этих элементов, находящихся *in situ* на внутренних стенах храма. Продолжалось изучение стратиграфии и планиграфии данного участка храма.

Б. Для изучения характера архитектурно-планировочной среды, в которой находится храм, было предпринято изучение прилегающей к нему территории методом последовательного заложения траншей по всем четырем сторонам храма. Первая из таких траншей (раскоп X,05) уже была заложена в сезон 2004 года.

Б1. В сезон 2004 года в траншее, проложенной от северной стороны храма через внешнюю стену священного города (раскоп X,05), обнаружена сводчатая галерея. Предполагалось, что это внешняя галерея, которая охватывает храм по всему внешнему периметру. Для того, чтобы установить, насколько верно данное предположение, в полевом сезоне 2005 года была заложена траншея от западной стены храма до внутреннего фаса внешней крепостной стены священного города (раскоп X, 06). Кроме того, на материалах данного раскопа предполагалось решать вопрос о характере использования пространства между западной стеной храма и западной крепостной стеной священного города. Материалы работ сезона 2004 года позволили предположить наличие живописи и на стенах внешней галереи, в связи с чем поиски следов живописи, как в завале, так и на стенах являлись одной из актуальных задач текущего сезона

Б2. Аналогичные задачи решались при проведении работ в траншее, заложённой от южной стены храма к югу по направлению к центральному планиграфическому элементу священного города - "мавзолею" (раскоп X, 07).

В. В течение полевого сезона был выполнен большой комплекс реставрационно-консервационных работ. В частности были проведены работы по консервации обнаруженных фрагментов живописи

Рис. 1. Траншея 06. Общий вид со стены храма

в завале и расчистке сохранившейся росписи на стенах, составлению графической и фотодокументации и снятию со стен сохранившихся фрагментов живописи для ее последующего изучения и консервации.

Раскоп Х.04 Заложен на площади 10,5х6,0 м. На вскрытом участке не было обнаружено каких-либо стен. Установлено наличие трех уровней конструктивных полов. Для каждого из полов характерно наличие очагов специфической формы, в плане напоминающих растянутую шкуру животного (коня, быка, барана), глубоких ямок диаметром 10-12

см и плоских блюдцеобразных углублений.

Продолжено исследование обходного коридора храма. Он был раскопан на протяжении 39 м в то время как общая его протяженность составляет не менее 300 м. Стены коридора имеют паховый цоколь с откосами в основании и верхнюю часть, выполненную сырцовый кладкой на глиняном растворе. Ширина коридора по уровню сырцовый кладки 230 см. Стены на всем их протяжении были покрыты монументальными полихромными росписями по глиняной штукатурке.

Раскоп Х.06 (рис. 1). Раскоп заложен в виде траншеи шириной 3 м и длиной 46 м через северо-западную стену храма до внешней крепостной стены верхнего (священного) города. В процессе раскопок обнаружено три стены, сложенные из сырца размерами 40-44х40-44х10-12 см, параллельные как внешней стене храма, так и внешней крепостной стене священного города. Между внешней стеной храма и стеной 1 обнаружены *in situ* две базы колонн прямоугольной формы, изготовленные из песчаника. Между внешней крепостной стеной и стеной 3 обнаружены *in situ*, расположенные на равном расстоянии друг от друга четыре базы колонн, также изго-

товленные из песчаника, но другие по форме (усеченно-пирамидальные).

Раскоп X, 07. Раскоп заложен в виде траншеи шириной 3 м и длиной 31 м.

В ходе работ обнаружены три стены, параллельные внешней стене храма. Стены 1 и 2 сложены из кирпича-сырца размерами – 38х38х10, 40х40х10, 43х43х 11, 44х44х12 см. От стены 3 сохранился лишь паховый цоколь.

Установлено, что первоначально были сооружены стены храма и конструктивный пол, представляющий собой плотную красную глину. Местами конструктивный пол состоит из сырцовой закладки. Уже на сооруженном конструктивном полу были возведены стены 2 и 3. Несколько позже - стена 1.

Вероятно, сырцовая закладка под стеной 3, примыкающая к глинистому конструктивному полу, является поверхностью "платформы", на которой было сооружено храмовое строение и стены опоясывающие его.

Некоторые итоги. Проведенные исследования позволяют заключить, что мы имеем дело не с отдельным сооружением, а с целым культовым комплексом, существовавшим достаточно длительное время и подвергавшимся неоднократным перепланировкам. В комплексе можно выделить такие объекты, как собственно храм с обводным коридором и внутренним двором, сводчатую галерею, улицу и так называемый "столонный зал"

Х р а м . Получило новое подтверждение ранее высказанное предположение о том, что внутреннее пространство (двор), окруженное стенами храма, оставалось незастроенным и использовалось для проведения обрядов, связанных с культом, которому был посвящен храм. Сейчас можно предполагать, что это был культ одного из наиболее почитаемых древнехорезмийских божеств, учитывая его расположение в священном городе, культ, возможно, определенным образом связанный с династией, правившей в Хорезме.

Пока с трудом поддаются объяснению такие элементы, как многочисленные круглые ямки, безусловно, имевшие сакральное значение и плоские углубления. Вполне вероятно, что при вскрытии более значительной площади, они могут сложиться в какие-то группы.

Не получило подтверждения высказанное ранее предположение о том, что святилище по внутреннему периметру стен было окруже-

но галереей с колоннами, стоящими на двусоставных базах (ступенчатой нижней и горшковидной - верхней). In situ были зафиксированы три таких базы, далее находились полы, характер которых исключает возможность того, что здесь когда-то находились базы

Рис. 2. Усеченно-пирамидальные базы "стokolонного зала". Вид с крепостной стены

колонн. Таким образом, галерея находилась лишь на ограниченных участках, а не по всему периметру стен. Заслуживает внимания то обстоятельство, что массовое скопление в завалах фрагментов штукатурки с остатками многоцветных росписей, фрагментов алебастровых и глиняных статуй и деталей архитектурного декора находились, главным образом, под галереей. В остальных местах подобные находки отмечены лишь единицами.

Чрезвычайно интересны результаты анализа стратиграфии напластований во внутреннем дворе храма. Установлено наличие трех полов, последовательно сменявших друг друга. Обряды, связанные с этими полами, очевидно, не изменялись на всем протяжении их существования. Для каждого из полов характерны описанные выше очаги, ямки и плоские тарелкообразные углубления. Небольшая мощность наслоений, связанных с полами, может свидетельствовать о сравнительно коротком периоде их существования.

Достаточно необычным фактом является наличие росписей в нешироком обводном коридоре храма. Монументальные росписи требуют для своего обзора больших открытых пространств и размещались обычно в больших помещениях, обеспечивавших необходимые условия для обзора. В данном случае росписи, были, скорее всего, ориентированы на просмотр двигающимся по коридору зри-

телем, иначе говоря, зритель совершал ритуальный обход храма, по коридору, воспринимая в процессе этого обхода заложенную в росписи информацию.

Галерея. Получил новое подтверждение установленный в 2004 году факт наличия сводчатой галереи, опоясывающей храм по внешнему периметру, и улицы между стеной галереи и внешней крепостной стеной священного города.

"Стоколонный зал". По результатам работ 2005 года установлено наличие между улицей и западной крепостной стеной священного города еще одного сооружения, условно названного "Стоколонный зал". На расстоянии 18 м от крепостной стены священного города была возведена стена, общая протяженность которой, как имеются основания предполагать, составляла около 100 м. Огромное помещение размерами 100x18 м имело плоское перекрытие, опиравшееся на колонны, поставленные с интервалом 3,1–3,6 м. Судя по сохранившимся на крепостной стене гнездам балок, высота колонн достигала 5 м. Колонны опирались на каменные базы усеченно-пирамидальной формы, изготовленные из песчаника (рис. 2). Произведенный подсчет показал, что колонн на площадь зала должно быть не менее 100.

Resume

Kazak'i-Yatkan-kala (Akshakhan-kala) is biggest archaeological site of the right bank of lower part of Amudaria river. Thanks to the archaeological investigation conducted by Karakalpak-Australian expedition here were found out great architecture and monumental fortification. One from most interesting objects of this site is a temple where archaeological work is going on during four field seasons. This paper addresses to illuminating archaeological work at the temple in season 2005.

Археологические работы в странах СНГ

Б.Э. Аманбаева, А.Е. Рогожинский, Д. Мэрфи
(Бишкек, Алматы, Неаполь)

МОГИЛЬНИК ШАГЫМ – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ ВОСТОЧНОЙ ФЕРГАНЫ (КЫРГЫЗСТАН)

Археологические исследования на могильнике Шагым (Кара-Суйский р-н, Ошская область) проводились в 2005 г. Институтом Истории НАН Кыргызстана в рамках проекта ЮНЕСКО «Региональная сеть сотрудничества по памятникам наскального искусства Центральной Азии. Central Asian Rock Art Database (CARAD)». Работы на памятнике выполнялись под руководством Б.Э. Аманбаевой (руководитель группы проекта по изучению памятников Ошской области, ИИ НАН КР) с участием А.Е. Рогожинского (координатор проекта CARAD, НИПИ памятников материальной культуры, Казахстан, Алматы) и Д. Мэрфи (археолог, l'Università degli studi di Napoli 'L'Orientale, Италия). В данной предварительной публикации авторы ставят задачу ввести в научный оборот полученные новые источники по археологии бронзового века Средней и Центральной Азии.

Могильник Шагым (Шагм) находится в 14,5 км к юго-западу от г. Узген, на юго-западной окраине с. Чарбак, на левом берегу р. Шагым (правый приток р. Куршаб) в устье одноименного ущелья. Могильник располагается на стыке горной и равнинной части долины, на левом борту эрозионной долины с временным водотоком, впадающим слева в р. Шагым, на сохранившемся участке предгорной пролювиальной равнины, перекрываемой делювиальными отложениями лессовидных суглинков. Современная долина р. Шагым на исследуемом участке выработана на глубину 6-8 м от поверхности древней равнины.

С конца 1980-х годов склон эрозионной долины начал разрабатываться для добычи строительной глины, и в последние годы, как удалось выяснить, рабочими карьера были извлечены различные археологические предметы, в том числе изделия из бронзы и камня. Весной и летом 2005 г. группой рабочих на разных участках карьера была обнаружена большая серия предметов и остатки древних

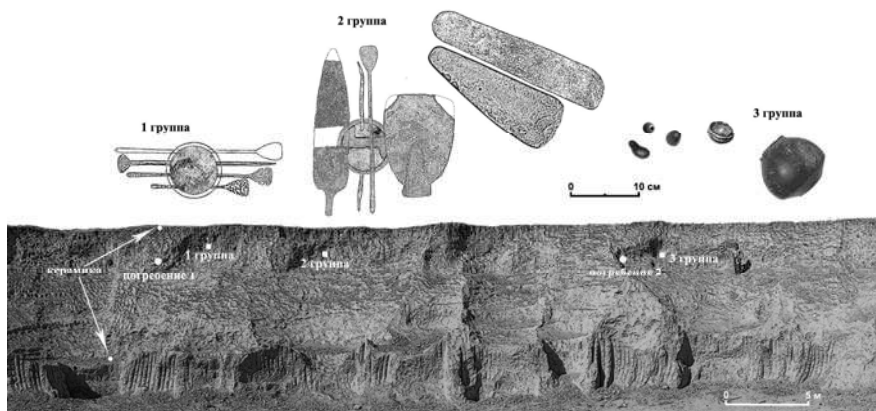

Рис. 1. Могильник Шагым. Схема расположения находок в погребальной камере

захоронений. Об этой находке стало известно благодаря сообщению жителя поселка Абдрахмана Эргешева, и в октябре того же года нами совместно с сотрудниками Национального историко-археологического музейного комплекса - Сулайман-Тоо и его филиала в Узгене К. Бекмуратовой и А. Кудайбердиевой, прежде всего, были приняты неотложные меры по сохранению памятника от дальнейшего разрушения, выяснению обстоятельств обнаружения древних захоронений, сбору предметов, извлеченных рабочими (к сожалению, некоторые вещи остались не переданными в музей); также был снят топографический план местонахождения и проведены аварийные раскопки на карьере.

К моменту обследования места находок удалось установить, что современная линия карьера, выработанного в меридиональном направлении на глубину 7-8 м от поверхности террасы, обнажает остатки, по меньшей мере, двух захоронений. В двух пунктах, на расстоянии 27 м один от другого, зафиксированы скопления костей скелета человека (2 черепа, ребра и трубчатые кости конечностей), залегавшие в лессе на глубине 2,36-2,40 (южное) и 2,36 м (северное) от поверхности. Кроме того, отдельные фрагменты костей обнаружены в нескольких местах на поверхности склона и на дне карьера.

В районе южного скопления костей, обозначенного нами как погребение 1, на поверхности террасы и ниже захоронения собраны мелкие фрагменты сероглиняного лощеного сосуда, разбитого рабо-

чими. Здесь же на дне карьера найдены два крупных плоских необработанных камня и более 10 галечных камней небольших размеров, разбросанных вдоль склона на расстоянии около 10 м к северу от погребения 1. Другое скопление плоских галечных камней обнаружено на дне карьера ниже погребения 2 (северного). При осмотре поверхности сохранившейся части террасы, используемой сегодня под пашню, видимых признаков надмогильных сооружений не обнаружено; однако в нескольких местах здесь отмечены небольшие груды галечных камней разной величины, собранные крестьянами при расчистке поля.

После фиксации выявленных остатков захоронений на фотопанораме и топографическом плане, регистрации географических координат местонахождения всех археологических объектов нами проведен опрос местных жителей и рабочих, давших необходимые пояснения, касающиеся обстоятельств находок на карьере. Как выяснилось, в 2005 г. рабочими были обнаружены три группы предметов.

1 группа – два керамических сосуда («красный» и «черный», обломки которого обнаружены вблизи погребения 1) два круглых выпуклых бронзовых зеркала разной величины (маленькое было накрыто большим; зеркало большего размера утрачено), лежавших поверх четырех бронзовых булавок (три стержня с лопаточковидным навершием и утолщенным концом, одна булавка с цилиндрическим навершием и заостренным концом). Металлические предметы были накрыты тремя небольшими плоскими камнями, подобным галькам, обнаруженным на дне карьера (1 версия) или же были закрыты одним из крупных камней, стоявших вертикально (2 версия) и сброшенных рабочими также на дно карьера. Костей вблизи перечисленных предметов рабочие не находили.

2 группа – бронзовые кельт-лопатка, кинжал (разрублен на четыре части, две из них утрачены), булавка с лопаточковидным навершием и утолщенным концом, булавка с заостренным концом (разрублена рабочими на три части, одна утрачена), два круглых выпуклых зеркала (маленькое разрублено на четыре части, две утрачены), лежавших одно над другим выпуклыми сторонами вверх и вниз; все перечисленные предметы были накрыты тремя плоскими гальками. Рядом с бронзовыми предметами приблизительно в 5 см лежали два каменных орудия - круглый в сечении пест в форме фал-

лоса и плоский молот подтреугольной формы. На расстоянии около 20 см от бронзовых предметов найден лежавший на боку керамический «красный» сосуд (был разбит рабочими, фрагментов обнаружить не удалось). Примерно на таком же расстоянии слева от предметов был обнаружен череп и другие кости скелета. Со слов информаторов можно заключить, что скелет был ориентирован по направлению В-З. Относительно положения скелета – скорченное на боку или вытянутое на спине – свидетельства рабочих противоречивы.

3 группа – четыре предмета из камня: миниатюрный сосуд с крышкой, изготовленный из мягкого камня черного цвета (стеатит?), конусовидное навершие (флакон?) с несквозным отверстием из песчаника красноватого цвета, круглое навершие с несквозным отверстием из камня темно-зеленого цвета, подвеска-амулет (?) из черной гальки с полированной поверхностью. Возможно, вместе с названными предметами находились два бронзовых зеркала (оба утрачены) и керамический «красный» сосуд, также не сохранившийся. Все предметы найдены рядом с костями, на удалении около 20 см от черепа; кости скелета располагались по направлению В-З.

Суммируя данные полевых наблюдений, а также сведения, полученные от очевидцев находок, взаиморасположение вещей и захоронений, выявленных на разрушенном участке могильника Шагым, реконструируется следующим образом.

Предметы 1 группы находились приблизительно в 2,5-3,0 м к ССЗ от костей погребения 1 и могли быть связаны либо с ним, либо с другим захоронением, возможно, уничтоженным в предыдущие годы. Предметы 2 группы находились в 10-11 м к северу от погребения 1, на глубине также около 2,4 м от поверхности и, по видимому, входили в сопровождающий инвентарь другого погребения. Соответственно 3 группа предметов, располагавшаяся в 2,5-3,0 м севернее погребения 2 на глубине около 2,0-2,2 м, относится к еще одному разрушенному погребению. Таким образом, на обследованном участке могильника определяются остатки двух частично сохранившихся могил (погребений 1 и 2) и места расположения трех других полностью разрушенных захоронений. Кроме того, выяснилось, что в предыдущие годы в карьере были разрушены и другие захоронения, отдельные предметы из которых были представлены нам местными жителями и переданы в Узгенский музей. В част-

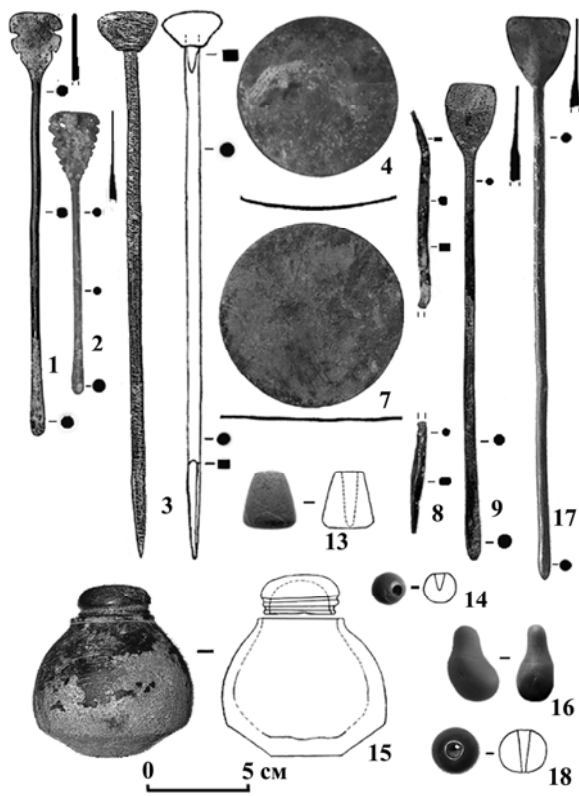

Рис. 2. Изделия из бронзы и камня: 1 группа предметов -1-4 ; 2 группа -7-9; 3 группа -13-16; отдельные находки—17-18

слодная расчистка до уровня залегания костей. Первоначально раскоп был доведен до глубины 1,7 м от поверхности, и на образовавшейся платформе размерами 4,8x1,0 м выполнена зачистка, выявившая фрагмент слабо видимой западной границы погребения в виде неровной линии длиной около 1,0 м, прерывавшейся местами перекопами нор. Точный контур края могилы определить не удалось; расстояние от него до костей составляло 2,0-2,1 м, а перепад высот – около 0,8 см, что позволило предположить здесь наличие входной ямы или дромоса. Заполнение входной ямы составлял суглинок, от-

ности, переданы еще одна бронзовая булавка с лопаточковидным навершием, обнаруженная в 10-12 м к востоку на глубине 1,8-2,0 м, и крупная бусина из камня темно-зеленого цвета со сквозным отверстием, найденная в северной части карьера. Обе находки сделаны в 2001 году. По словам информаторов, эти предметы, наряду с другими, находились при разрушенных костяках.

В завершение работ 2005 г. на могильнике были проведены аварийные раскопки погребения 1. От края карьера напротив остатков могилы произведена по-

личавшийся от субстрата более темным цветом, меньшей плотностью и включениями мелких комков сухой глины и гравия. При последующей расчистке платформы до глубины 2,3 м в поперечном разрезе отчетливо наблюдалась линия дна входной ямы, понижавшейся к востоку, в сторону могилы. Далее раскопки погребения проводились на участке 2,6x1,3 м до глубины 2,4 м. В разрезе образовавшейся второй платформы выявлены контуры входной ямы (дромоса) шириной около 0,4 м и высотой 0,3 м, примыкающей к могиле в юго-западном секторе, а также, вероятно, участок свода могилы (высота относительно дна могилы 0,3 м). Контуры могильной ямы, восточная сторона которой полностью разрушена карьером, удалось точно определить только в южной части: могила в придонной части имела округлые очертания, ширина сохранившейся части могилы 0,85 м, длина по оси С-Ю составляет около 1,6 м.

На дне могилы обнаружены остатки последовательного коллективного захоронения. В центре находились кости посткраниальной части скелета взрослого человека в скорченном положении на левом боку, головой на ЮЮВ; кости конечностей в целом сохраняли анатомический порядок, но в верхней части скелета подверглись значительным перемещениям; череп лежал выше шейных позвонков, развернутый лицевой частью на восток. В 5 см к югу от первого черепа находился второй, также развернутый к востоку; на правой стороне нижней челюсти сохранился плотный налет темно-зеленого цвета, по-видимому, образовавшийся от некогда лежавших рядом бронзовых предметов. К востоку от первого скелета находились сложенные отдельными кучками кости еще четырех погребенных. При этом посткраниальные кости лежали непосредственно на дне могилы, а сверху – черепа, три из которых развернуты также к востоку; положение двух других сильно поврежденных черепов достоверно не установлено. Предметы погребального инвентаря в могиле не обнаружены. Все черепа взяты для антропологического изучения; часть костей посткраниального скелета отобрана для определения возраста по С¹⁴.

Таким образом, раскопки безинвентарного погребения 1 оставляют пока открытым вопрос о связи обнаруженных в карьере вещевых комплексов с захоронениями подобного вида. Однако типологическая однородность вещевых комплексов и данные по стратиграфии могил и находок позволяют вплоть до появления новых источ-

ников рассматривать их в едином контексте.

Специфический обычай последовательного коллективного захоронения с ориентировкой умерших на юг, зафиксированный на могильнике Шагым, находит параллели в памятниках раннеземледельческих культур Средней Азии энеолита и эпохи бронзы, однако для аргументированного заключения имеющихся данных пока недостаточно. Отметим лишь, что в Сапалли подобный тип погребений относится к исключительным (Аскаров, 1973. С. 42, 66. Табл. 10; он же, 1977. С. 41); напротив, на некрополе Саразма южная ориентировка погребенных преобладает (Исаков, 1992. С. 66-67. Рис. 1). Из других параллелей можно выделить коллективные погребения на могильнике Пархай II в Сумбарской долине Юго-Западного Туркменистана (Хлопин, Хлопина, 1980. С. 253-255. Рис. 2: II; Хлопин, 1986. Рис. 2. 3а).

Для определения культурно-хронологической принадлежности памятника в нашем распоряжении имеется репрезентативная серия из 18 целых и фрагментированных предметов, характеристика которых представлена в таблице. Сведения о керамическом комплексе пока чрезвычайно скудны и противоречивы; форма сероглиняного сосуда с лощением не реконструируется.

В целом комплекс вещей из могильника Шагым составляют изделия нескольких основных типов украшений, предметов быта, вооружения и орудий труда, характеризующих материальную культуру Северной Бактрии эпохи бронзы. При этом технологические особенности и морфология изделий из металла и камня дают возможность выделить круг наиболее близких аналогий и определить вероятную датировку памятника. В то же время, ряд предметов и деталей декора изделий (каменный сосуд с крышкой, зубчатые навершия булавок, кельт-лопатка, фалломорфный пест) не находят прямых аналогий в БМАК, обнаруживая уникальность или же указывая на связь с культурами эпохи бронзы степной ойкумены Центральной Азии.

Так, особый интерес представляет 2 группа предметов, составивших, возможно, погребальный инвентарь парного (мужского и женского ?) захоронения, поскольку сюда входят вещи стандартного женского туалетного набора – зеркала и булавки, – а также оружие и орудия труда (кинжал, кельт-лопатка, каменные пест и молот), связанные с сугубо мужскими занятиями – войной, земледели-

ем и обработкой руды или металла.

Среди находок выделяется кельт-лопатка, морфологически существенно отличающаяся от других изделий данного типа, известных в Средней и Центральной Азии (Кузьмина, 1966. С. 24-25). Подчеркнем, что это первая находка кельтов-лопат в комплексе с другими атрибутируемыми предметами на территории, считающейся исходной для генезиса данного вида орудий. Еще один подобный кельт, хранящийся в Ошском музее, является случайной находкой, обнаруженной тоже в восточной части Ферганы (с.Базар-Кургон Джалал-Абадской обл., Кыргызстан) на удалении не более 50 км к северо-западу от могильника Шагым. Оба изделия литые и отличаются такими признаками, как круглая в сечении выступающая втулка, доходящая до середины рабочей части, опущенные вниз плечики лопастей, отсутствие отверстия для крепления орудия к рукоятке. Ферганские кельты выглядят более архаичными, чем кельты-лопаты из Чуйской долины, Семиречья и Китая, для которых обосновывается датировка в пределах постсейминского хронологического горизонта (см. примечания к №5 в таблице). Кельт-лопатку из Шагым, обнаруженную совместно с предметами бактрийско-маргианского комплекса, можно рассматривать как хронологически более раннюю, а типологически, возможно, - как исходную форму данной категории изделий.

Основной комплекс предметов из могильника Шагым находит наиболее полное соответствие в материалах, характеризующих ранний этап культуры Сапалли в Южном Узбекистане, а также в памятниках Дашлинского оазиса и поселения Шортугай в Северном Афганистане (см. таблицу). С другой стороны, заслуживает внимания сходство некоторых изделий с материалами памятников Зарафшанской долины – поселения и могильника Заманбаба (Узбекистан), погребения Зардча-Халифа и позднего слоя поселения Саразм (Таджикистан). На основании приведенных аналогий датировка могильника Шагым до получения калиброванных дат по C^{14} предварительно определяется в пределах первой половины II тыс. до н.э.

Таким образом, могильник Шагым является сегодня самым северо-восточным пунктом, фиксирующим распространение раннеземледельческой культуры Северной Бактрии. Дальнейшее комплексное изучение могильника и других памятников этого типа, открытие которых в Фергане можно прогнозировать, пополнит круг

источников по общей проблематике БМАК, генезису оседлой культуры эпохи бронзы Ферганской долины и взаимодействию ее с племенами степного мира.

Литература

1. Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
2. Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
3. Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина // МИА. Москва-Ленинград, 1950. № 14.
4. Бехтер А.В., Хаврин С.В. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного округа Китая и проблемы восточной линии синхронизации. - Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ – Чита, 2002.
5. Бобомуллоев С. Верховья Зарафшана во II тыс. до н.э. Душанбе, 1998.
6. Варенов А.В. Материалы новой культуры эпохи бронзы из могильника Кээрмуцы в Северном Синцзяне. Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. Вып. 2. Новосибирск, 1999.
7. Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. Москва, 2004.
8. Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент, 1966.
9. Исаков А.И. Богатое женское погребение из Саразма (Таджикистан) // Археологические вести. Санкт-Петербург, 1992. № 1.
10. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, В4-9. Москва, 1966.
11. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. VI. Ленинград, 1968.
12. Сарияниди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг. Москва, 1976.
13. Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Москва, 1977.
14. Сарияниди В.И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып.3. Москва, 1984.
15. Сорокин С.С. Хакский клад. – СГЭ. Вып. XIX. Ленинград, 1960.
16. Хлопин И.Н., Хлопина Л.И. Могильник эпохи ранней бронзы Пархай II в Туркмении. – СА. 1980. № 1.
17. Хлопин И.Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Ленинград, 1983.
18. Хлопин И.Н. Могильники эпохи энеолита и бронзы в Юго-Западной

- Туркмении. – Древние цивилизации Востока. Материалы II советско-американского симпозиума. Ташкент, 1986.
19. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Азии. Москва, 1989.
 20. Ширинов Т.Ш. Орудия труда и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского междуречья. Ташкент, 1986.
 21. Francfort H.-P. Fouilles de Shortugai. Recherches sur L'asie Centrale protohistorique. Paris. 1989. Tome II.
 22. Isakov A.I. Sarazm: an agricultural center of ancient Sogdiana. – Bulletin of the Asia Institute. Vol. 8. 1994. P. 1-12.
 23. Pějankova L.T. Jungbronzezeitliche Gräberfelder im Vachs-Tal, Süd-Tadzikistan. Muünchen. 1986.
 24. Sarianidi V. Die Kunst des alten Afganistan. Leipzig, 1986.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	5
Филанович М.И. Вера Адреевна Булатова	7
Абдуллаев К., Станчо Л. Археологические работы на Джандавляттепа в 2004-2005 гг.	12
Аванесова Н.А. Двенадцатый полевой сезон на некрополе Бустон VI	23
Анарбаев А.А., Максудов А.М., Насриддинов Ш. Археологические исследования на городище Эски Ахси (Ахсикент) в 2004-2005 гг.	31
Атаходжаев А.Х. Работы Шахизиндинского отряда в 2004 г.	40
Баратов С.Р. Археологические исследования на юге Хорезма в 2004-2005 гг.	47
Беттс А.В.Г., Ягодин В.Н., Ходжаниязов Г.Х. Археологические изыскания в древнем Ташкырманском оазисе	55
Бердимуратов А.Э., Раимкулов А.А., Холматов Н.У., Франческини Ф. Раскопки Узбекско-Итальянской археологической экспедиции на Бойсаритепа в 2004-2005 гг.	65
Бердимуратов А.Э., Матбабаев Б.Х., Мантеллини С., Ронделли Б. Археологические раскопки на городище Кафыр-кала	73
Бердимуратов А.Э., Черосетти Б, Рахманов Ш.А., Ронделли Б. Новый пункт культуры лепной расписной керамики в Зарафшанской долине	79
Богомоллов Г.И., Мусакаева А.А. Уникальная находка из Ташкента	85
Болелов С.Б., Ильясов Дж.Я. Археологические исследования в Пашхуртской котловине	89
Грицина А.А., Абдулгазиева Б., Богомоллов Г.И., Рахимов К. Работы Хавасского отряда	94
Жўракулов М.Ж. Самарканд университети дала археологик таджикотлари сахифасидан	99
Исамиддинов М.Х., Рапэн К., Рахманов Ш.А., Грицина А.А., Лушников Е., Рахимов К. Раскопки на городище Коктепа	104

Исамиддинов М., Ронделли Б. Новое в исследовании Мианкала	115
Иванов Г.П. Новые данные по истории г. Кува	124
Кдырниязов М.-Ш., Искендерова А., Турганов Б. Археологические работы на городище Пулжай	127
Кдырниязов М.-Ш., Саипов С., Кдырниязов А. Раскопки на городище Миздахкан	130
Мамбетуллаев М. Каракалпакский тул в материалах Кердера	139
Мамбетуллаев М. Раскопки на городище Хайванкала	141
Матбабаев Б.Х., Абдуллаев Б.М., Юлдашев Б. Исследования памятников Ферганы эпохи поздней бронзы (городища Дальверзин, Ашкалтепа)	143
Мирзаахмедов Д.К., Семёнов Г.Л., Абдуллаев Б., Сапаров Н., Сабиров Н., Торгоев А. Исследования в Пайкенде	152
Мкртычев Т.К., Болелов С.Б., Двуреченская Н.Д., Ильясов Дж.Я. Археологические исследования крепости Кампыртепа	155
Мокробородов В.В. Керамика эпохи бронзы из кишлака Пашхурт	160
Мустафакулов С.И. Антропологические материалы из Чингизтепа и буддийского центра Каратепе	164
Насриддинов Ш.Н. Баня XV века у ансамбля Шахи-Зинда	172
Пардаев М., Тошбоев Ф., Убайдуллаев И., Холбоев З. Ёкубботепада ўтказилган археологик қазув тадқиқотлари хусусида	177
Пидаев Ш.Р., Като Кюдзо Археологические исследования в буддийском культовом центре Каратепе	183
Сайфуллаев Б., Исамиддинов М. Каменный нож из Булунгура	191
Сверчков Л.М., Бороффка Н. Памятники Бандыхана	193

Филанович М.И., Ильясова С.Р., Адылов Ш.Т. Археологические наблюдения в Ташкенте	203
Хасанов М., Механдели С., Гударзе Ш. О работах на Сангиртепа в 2004-2005 годах	208
Холматов Н.У. Очил гор макони таджикотлари	220
Хужаназаров М., Грицина А., Рахимов К. Раскопки поселения Сармиштепе I	226
Хужаназаров М., Реутова М., Болиев Б. Археологические и консервационные работы на памятнике Сармишсай	232
Хужаназаров М., Ф. Брунет Ф., Шимчак К. Археологические исследования Узбекско-Французской экспедиции на памятниках Кызылкумов	244
Ягодин В., Беттс А., Ходжаниязов Г., Кидд Ф., Амиров Ш., Искендерова А. Археологические исследования на городище Казаклы-Яткан (Акшахан) в 2005 году	250
Археологические работы в странах СНГ	
Аманбаева Б.Э., Рогожинский А.Е., Мэрфи Д. Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы (Кыргызстан)	256

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ 2004-2005 ГОДЫ

Выпуск—5

Ежегодный сборник результатов археологических работ
за прошедший полевой сезон

Утверждено к печати по решению Ученого совета
Института археологии АН РУз

Издательство «ФАН» АН РУз
Ташкент, ул. Я. Гулямова, 70
Изд. № М-261

Сдано в набор 16.01.2006. Подписано в печать 05.05.2006.
Формат 84X108 1/32, Усл.п.л. 14,5. Тираж 500. Заказ 140

**Отпечатано в Институте археологии АН РУз
703051, г. Самарканд, ул.акад. В. Абдуллаева, 3**